

протоиерей Александр Сорокин, священник Игорь Иванов,
протоиерей Михаил Браверман, протоиерей Константин Пархоменко,
иеромонах Андрей (Бартов), Игорь Межов

Под общей редакцией
священника Илии Макарова

САДОВНИК

или практум об успешном возвращении
красивых видов и приносящих добрый плод
растений в духовных садах веры

ПОСОБИЕ КАТЕХИЗАТОРУ
часть вторая

Санкт-Петербург
2016

УДК 253:281.91
ББК 86.372
М21

Допущено Синодальным отделом религиозного образования
и катехизации Русской Православной Церкви
017-021-49

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви
на основании заключения Синодального отдела религиозного образования и катехизации
ИС Р18-748-3857

*Проект реализуется при поддержке:
Отдела религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии,
Международного грантового конкурса
«Православная инициатива 2015–2016»*

*Под общей редакцией священника Илии Макарова
Составитель Игорь Межов
Художник Антон Щаблькин*

протоиерей Александр Сорокин, священник Игорь Иванов, протоиерей Михаил Браверман, протоиерей Константин Пархоменко, иеромонах Андрей (Бартов), Игорь Межов.

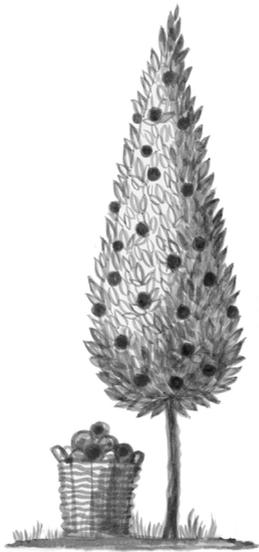
САДОВНИК, или Трактат об успешном возвращении красивых видом и приносящих добрый плод растений в духовных садах веры: Пособие катехизатору. Часть вторая. — СПб., 2016. — 396 с.

Книга состоит из двух частей и представляет собой сборник лекций и методических материалов, полностью охватывающий процесс организации и проведения полноценной систематической катехизации. Содержащиеся в ней описания церковных Таинств с комментариями миссионерского характера дополняют основной материал и расширяют целевую аудиторию.

Книга адресована священникам, ведущим катехизацию, и приходским специалистам-катехизаторам. А также может быть полезна всем, кто интересуется основами Православного вероучения.

- © протоиерей А. Сорокин, священник И. Иванов, протоиерей М. Браверман, протоиерей К. Пархоменко, иеромонах Андрей (Бартов), И. Межов, текст, 2016
© А. Щаблькин, иллюстрации, оформление, 2016

ISBN 978-5-94432-132-9

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	14
-----------------------	----

РАЗДЕЛ I. ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОГО ВЕРОУЧЕНИЯ

Глава 1. Пророки Ветхого Завета.

Мессианские пророчества	17
<i>(протоиерей Александр Сорокин)</i>	
Пророческие книги в Ветхом Завете.....	17
Кто такой пророк?	18
Пророки в Древнем мире и в Библии	18
Пророки письменные и неписьменные	20
Прошлое, настоящее и будущее в пророчестве	20
К кому обращено пророчество?	21
Единство пророческой традиции	22
Почему Моисей — величайший пророк Библии?	23
Когда проповедовали пророки?	24
Неписьменные пророки.....	24
Самуил.....	24
Нафан.....	25
Илия	26
Елисей.....	26
Письменные пророки.....	27
Амос.....	27
Осия.....	27
Исайя	28
Михей	29
Софония.....	29
Аввакум.....	29
Наум	30

Иеремия	30
Иезекииль	30
Девтероисайя	31
Тритоисайя	32
Аггей.....	33
Захария.....	33
Малахия	33
Авдий	34
Иоиль.....	34
Иона.....	34
Даниил.....	35
Глава 2. Начало Евангелия. Богоявление	37
<i>(протоиерей Александр Сорокин)</i>	
Благая весть	37
Этапы Благой вести	37
Рождество Спасителя.....	38
Подготовительный этап земной жизни Иисуса Христа.....	39
Проповедь Иоанна Крестителя.....	39
Крещение Иисуса Христа	39
Искушение в пустыне.....	40
Глава 3. Евангелие. Благая Весть Иисуса Христа	45
<i>(протоиерей Александр Сорокин)</i>	
Царствие Божие.....	45
Новый Израиль	46
Двенадцать как церковная община.....	49
Проповедь любви	50
Общение за трапезой	52
Притчи	54

Толкование Закона.....	56
Дела (чудеса-знамения).....	58
Глава 4. Евангелие. Крестная смерть и Воскресение	
Иисуса Христа	61
<i>(протоиерей Александр Сорокин)</i>	
Установление Нового Завета.....	61
Смерть и Воскресение Иисуса Христа.....	63
Глава 5. Пятидесятница. Рождение Церкви.	
Введение в экклесиологию	69
<i>(священник Игорь Иванов)</i>	
Церковь есть Богочеловеческий организм.....	69
Святой Дух и Церковь.....	69
Пятидесятница.....	69
Обетование Иисуса Христа о Святом Духе.....	71
Схождение Святого Духа на учеников Христа	72
Единство в Святом Духе	72
Святой Дух и человек.....	73
Православное учение о Святом Духе.....	75
Глава 6. Покаяние — необходимое условие спасения	77
<i>(священник Игорь Иванов)</i>	
Человеческие попытки нравственного исправления	77
Христианское понимание покаяния.....	77
Ветхозаветное и новозаветное покаяние	79
Термин <i>покаяние</i> : греческий <i>метанойя</i> и еврейский <i>шув</i>	81
Только Господь может избавить человека от греха	82
Покаяние в Иоанновом крещении и в Христовой Церкви	82
Покаяние есть примирение с Богом.....	83
Два этапа покаяния	84

Таинство исповеди	84
История практики публичной и частной исповеди в Церкви.....	85
Глава 7. О молитве	93
<i>(Игорь Межов)</i>	
Невозможность дать исчерпывающее определение понятию <i>молитва</i>	93
Молитва есть таинство.....	93
Молитва в узком смысле слова	96
Молитв в широком смысле слова.....	97
Молитва личная	98
Молитва соборная	99
Три этапа молитвенного состояния:.....	101
— молчание	101
— внимание	106
(стадии развития помысла в уме человека).....	108
— умное делание.....	110
Молитва и богословие	110
Плоды молитвы	111
Ошибки в молитвенной практике.....	113
Молитва своими словами.....	114
Душевное состояние человека перед молитвой	114
Молитвенный подвиг	116
Молитвенный пример Спасителя	116
Сила молитвы.....	116
Глава 8. Пост в жизни христианина	119
<i>(священник Игорь Иванов)</i>	
Пост есть воздержание	119
Последствия грехопадения.....	119

Пост, покаяние и жертвоприношение	121
Ветхозаветные жертвы <i>ашам</i> и <i>хаттат</i>	121
Древнееврейское слово <i>цом</i> (держать пост).....	121
Пост в Ветхом Завете.....	121
Иисус Христос о посте	123
Пост в истории христианства	124
Практика поста в современной Церкви	126

Глава 9. **Человек — со-творец Богу.**

Творчество. Христианство и искусство.

Влияние искусства на формирование

религиозного мировоззрения человека.....

(Василий Яковлев)

Цивилизация и современность	135
Крах традиционных представлений о красоте и прекрасном.....	135
Человечество без Бога	136
Культура.....	137
Искусство и творчество	139
Творчество в Священном Писании.....	141
Кризис искусства	142
Подлинная красота	144
Духовное преобразование в творчестве	145

Глава 10. **Христианство и магизм. Усилие и насилие**.....

(Игорь Межов)

Человек и тварный мир.....	149
Первое грехопадение в контексте магизма	150
Определение магизма.....	152
Противоположность религии и магизма	153
Примеры магизма в церковной жизни	153

Коренное отличие явления чуда от проявлений магизма.....	155
Магизм есть насилие.....	156
Христианство и магизм.....	156
Христианство и знание	157
Великие ученые о Боге и христианстве	158
Примеры магизма в политике	160
Магизм в искусстве	161
Магизм и религиозность в истории человечества.....	161
Глава 11. Христианское отношение к смерти.	
Введение в эсхатологию	165
<i>(Давид Бобров)</i>	
Что мы знаем о смерти	165
Страх перед неизбежностью	166
Подготовка к встрече	170
Мотивация смертью.....	172
Дарующий бессмертие	175
Воскресение мертвых	176
Глава 12. Божественное Откровение и Богопознание.....	181
<i>(протоиерей Михаил Браверман)</i>	
Откровение творения о своем Творце	181
Термин <i>богословие</i>	181
Потребность в богословском учении	183
Догматы — вопросы спасения.....	185
Теологичность догматов.....	186
Богооткровенность догматов.....	186
Церковность догматов	186
Общеобязательность догматов	186
Понятие <i>ересь</i>	186

Катафатическое и апофатическое богословие.	
Познание непознаваемого Бога.....	188
Имя Бога.....	189
Мрак Божественного света.....	192

Глава 13. **Никео-Царьградский Символ веры.**

Введение в тринитологию, христологию	
и пневматологию	195
<i>(протоиерей Михаил Браверман)</i>	
Никео-Царьградский Символ веры.....	195
Тайна Пресвятой Троицы	197
Титул «Христос» и христология	202
Христос и Его Церковь	207

Глава 14. **Введение в богослужебный Устав.**

Божественная Литургия. Всенощное бдение	209
<i>(Владислав Капитонов)</i>	
Богослужебный устав (Типикон)	209
Всенощное бдение.....	213
Божественная Литургия.....	216
Человек на Литургии	217
Центр и акценты	218
Проскомидия.....	218
Литургия оглашенных	219
Литургия верных	221

Глава 15. **Церковь и церкви в истории.**

Введение в сравнительное богословие	225
<i>(священник Игорь Иванов)</i>	
Доникейский период (I – нач. IV в.).....	225
Апостольский период.....	225

Апостольские мужи	226
Апологеты	226
Периоды гонений.....	227
Период Вселенских Соборов (IV–VIII вв.)	230
Период после Вселенских Соборов (IX–XX вв.)	236
Разделение Церквей	237
Западное христианство	239
Доникейский период на Западе (I – нач. IV в.)	239
Период Вселенских Соборов на Западе (IV–VIII вв.).....	242
Средневековый период после Вселенских Соборов на Западе (VIII–XIII вв.).....	245
Разделение Церквей.....	249
Период Возрождения и Нового времени (XIV–XX вв.)	251
Глава 16. Учение о спасении. Введение в сотериологию.....	257
<i>(священник Игорь Иванов)</i>	

РАЗДЕЛ II. ТАИНСТВА ЦЕРКВИ

Глава 1. Таинство Брака (Венчание)	263
<i>(протоиерей Константин Пархоменко)</i>	
Глава 2. Таинство Елеосвящения (Соборование)	270
<i>(протоиерей Константин Пархоменко)</i>	
Глава 3. Таинство Священства	
Богословие Таинства	281
<i>(Александр Сергеев)</i>	
Описание чинопоследования рукоположения в священный сан диакона и в священный сан пресвитера	284
<i>(протоиерей Константин Пархоменко)</i>	

Глава 4. Таинство Евхаристии	
Богословие Таинства.....	298
<i>(Александр Сергеев)</i>	
Описание чинопоследования Божественной Литургии.....	301
<i>(протоиерей Константин Пархоменко)</i>	
РАЗДЕЛ III. ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение 1. Миссионерский комментарий	
к Таинству Брака (Венчания)	342
<i>(протоиерей Константин Пархоменко)</i>	
Приложение 2. Миссионерский комментарий	
к Чину отпевания	354
<i>(иеромонах Андрей (Бартов))</i>	
Приложение 3. План катехизации	359
<i>(священник Константин Мальцев и Игорь Межов)</i>	
Библиографический список	367
Именной указатель	372
Предметный и тематический указатель	380

ВВЕДЕНИЕ

Возлюбленные во Христе братья и сестры! Уважаемые коллеги!

Предлагаемая книга представляет собой вторую часть двухтомника, призванного существенно помочь катехизаторам в процессе организации и проведения катехизации.

Книга содержит готовые лекции по широкому спектру богословских вопросов, которые можно использовать в качестве материалов для бесед в процессе катехизации, а также подробный план длительной катехизации.

Катехизация — это обобщение и сведение воедино всего многообразия богословских направлений. Главная ее цель — воцерковление, формирование у человека целостной религиозной картины мира, центром которой является Бог.

Как уже отмечалось во Введении к 1-й части, книга носит скорее хрестоматийный характер и представляет из себя своего рода справочник катехизатора. Поэтому при раскрытии ряда тем авторы не столько стремились высказаться сами, сколько давали возможность сделать это авторитетным богословам и признанным специалистам в области Православного вероучения, цитаты которых часто приводятся без сокращений и интерпретаций.

С другой стороны, православное христианство есть сама жизнь (с важнейшей особенностью — жизнь во Христе!) во всех ее разнообразных проявлениях, и катехизацию в известной степени можно сравнить с переводом богословских истин на современный язык. И авторы книги, помимо безусловно важнейших цитат из Библии, святых отцов и великих богословов, сознательно использовали все богатство наследия известных поэтов и ученых, писателей и философов — как русских, так и зарубежных.

Нелишне будет еще раз отметить, что объем книги рассчитан на проведение длительной катехизации — сроком не менее полугода.

Вторая часть книги также состоит из нескольких разделов: Основы Православного вероучения; Таинства Церкви и раздел Приложения, в который помещены миссионерский комментарий к Таинству Венчания и Чину отпевания, а также детальный план катехизации — результат обобщения опыта систематической катехизации ведущих в этой области храмов Санкт-Петербургской епархии с учетом рекомендаций Епархиального отдела религиозного образования и катехизации. Содержание обеих частей книги непосредственным образом увязано с планом катехизации.

Авторы с искренней радостью пользуются случаем еще раз выразить сердечную благодарность протоиерею Александру Сорокину за ценные замечания к некоторым главам, художнику Антону Щаблыкину за прекрасные рисунки и идею названия, Ольге Готовской за координацию и администрирование, своим семьям за моральную и духовную поддержку, а также всем, кто тем или иным способом помогал в процессе подготовки книги и ускорял ее выход в свет.

Раздел I

ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОГО ВЕРОУЧЕНИЯ

Глава 1

ПРОРОКИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА. МЕССИАНСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА

Пророческие книги в Ветхом Завете. Пророческие книги составляют примерно одну четверть всего объема Ветхого Завета. Правда, если учесть Пятикнижие, озаглавленное именем величайшего библейского пророка Моисея, то эта «доля» значительно возрастет. Если же включить еще и некоторые другие ветхозаветные книги, например, те, которые в древней иудейской традиции тоже причислялись к разделу пророков (т.н. «ранние пророки» — книги Иисуса Навина, Судей и четыре книги Царств), то это будет уже явно бо́льшая часть всего ветхозаветного Писания.

Но дело, конечно, не в объемах и количествах текста. Библейских пророков можно смело считать теми, благодаря кому Священное Писание Ветхого Завета *в целом*, во *всем* его богатстве и разнообразии, появилось и стало таким, каким мы его знаем.

Так, вышеупомянутые книги Иисуса Навина, Судей и Царств мы зачисляем в исторические только лишь в силу их внешней «нарративности» (они повествуют о событиях), тогда как если искать в них богословский смысл (а именно ради этого смысла они и были написаны и включены в канон Ветхого Завета), то мы увидим, что это самые настоящие пророческие книги. В них не просто описыва-

ются события и излагается история, но сразу же дается ее богословская оценка, то есть оценка с точки зрения Закона Божиего. И дается она не кем иным, как пророками, которые регулярно «встречаются» читателю по пути чтения.

Устами пророков возвещались к народу Израиля заповеди и воля Божия, был заключен и постоянно обновлялся Завет (союз) Бога с народом — одним словом, делалось все то, благодаря чему Израиль собственно и стал народом Божиим, участником Завета, пребывая в таком качестве в течение многих веков до пришествия Христова. Пророческая традиция была той живой нитью, которая связывала Израиль с Богом, несмотря ни на какие его отступничества и падения. Каждый пророк, в какую бы эпоху он не жил, был своеобразным «нервным окончанием», «духовным рецептором» народа Израиля, с помощью которого воспринимались Божия воля и Божий суд. Именно благодаря пророкам история ветхозаветного Израиля — это *Священная* история. А пророческие книги можно назвать «золотым фондом» Ветхого Завета.

Выразителями «основного богословия» Ветхого Завета и тех постулатов, которые составляют фундамент библейского богословия, были пророки. О том, что Бог — один, что Он — Творец мира, что человек — Его возлюбленное творение, что Бог — Спаситель, что в послушании Ему — жизнь, а в непослушании — гибель, — обо всем этом возвещали пророки.

Кто такой пророк? Пророк по-еврейски «*nabi*» (мн. ч. *nebiim*); по-гречески — *prophétes* (προφήτης). Русское слово «пророк» по этимологии и смыслу соответствует греческому. Пророк — это тот, кто говорит вместо или, точнее, от лица другого, своего рода переводчик, толкователь, интерпретатор. Он «прорекает», то есть произносит, возвещает от лица кого-то сообщенную этим кем-то истину.

Пророки в Древнем мире и в Библии. В Библии мы можем встретить слово «пророк» в соседстве с именами язы-

ческих божеств. Самый яркий пример — «пророки Ваала», о которых рассказывается в 3-й книге Царств. Но если разобраться, то это, скорее, жрецы, обученные навыкам доводить себя до эмоционального и психического иступления как способа вступить в контакт с божеством:

«И стали они кричать громким голосом, и кололи себя по своему обыкновению ножами и копьями, так что кровь лилась по ним» (3 Цар. 18:28).

В той или иной форме подобное «пророчество» имело место во многих, если не во всех религиях и культурах древности: для достижения пророческого экстаза использовались наркотические вещества, причинялась физическая боль, практиковались гипнотические приемы. Издаваемые «пророками» нечленораздельные звуки требовали «расшифровки», «растолкования». Неудивительно, что и в самом Израиле, заимствовавшем многое из ритуалов соседних народов, бытовали подобные обычаи, существовали целые пророческие школы и группы, где обучали такой религиозной практике. Это было чуть ли не обыденным делом, о котором древние авторы писали без того ироничного удивления, которое испытываем мы, читая, например, о том, как слуги, посланные Саулом для поимки Давида, целыми группами одна за другой, будто под действием гипноза, впадали в «пророчество» (см. 1 Цар. 19:18–24).

Да, в Древнем Израиле все это тоже имело место. Но когда мы говорим о пророках Ветхого Завета, мы имеем в виду *принципиально совсем* другое, не имеющее ничего общего с упомянутыми выше примерами жреческих профессиональных технологий. Это резкое «несовпадение» можно выразить словами пророка Амоса, под которыми подписался бы и любой другой по-настоящему богодухновенный пророк Библии: *«я не пророк и не сын пророка»* (Ам. 7:14).

Уникальное, свойственное лишь Библии пророчество — это служение слова, а точнее, служение Слову. На это вдохновенное, безусловно, харизматическое служение можно

было быть только призванным Самим Богом, но никак не профессионально обученным. «... Я был пастух и собирал сикоморы, — продолжает Амос, — но Господь взял меня от овец и сказал мне Господь: “иди, пророчествуй к народу Моему, Израилю”» (Ам. 7:14–15).

Осознаваемая и потому подвластная рациональному, то есть словесному выражению, весть от Бога, — вот главная характеристика библейских пророков. Митрополит Антоний Сурожский остроумно заметил, что пророк — это тот, с кем Бог делится Своими мыслями. И эти мысли возможно выразить словесно и, в конце концов, записать, сохранить как Писание.

Пророки письменные и неписьменные. Когда мы говорим о ветхозаветных пророках, мы подразумеваем вполне конкретных людей, имена которых нам известны со страниц Библии. В их число входят не только те, чьими именами названы отдельные книги. Так, например, есть книги пророка Исаяи или пророка Амоса, но нет книг пророка Нафана или пророка Илии. Первые два примера — это так называемые письменные пророки, которые много говорили, проповедовали, обличали или утешали, а их слова были записаны, став содержанием одноименных книг. Другие два примера — пророки неписьменные. Память о них сохранилась не в виде их слов, а в виде рассказов о них самих, об их деяниях. Эти рассказы вошли составной частью в повествование различных ветхозаветных книг, преимущественно исторического жанра.

Прошлое, настоящее и будущее в пророчестве. Только ли в будущее устремлено библейское пророчество? Ведь в упрощенном понимании пророчество — это предсказание (прорицание) будущего. Однако в случае с пророками Ветхого Завета это не совсем так. Божии мысли, которыми, если опять воспользоваться формулировкой владыки Антония, Бог делится с тем или иным пророком, — не только о том, что будет, но и о том, что происхо-

дит сейчас и что уже произошло в прошлом. Это не столько описание голых фактов, сколько их оценка — духовная, эстетическая, нравственная и телеологическая (с точки зрения конечного смысла и цели). Например, рассказ о сотворении мира — это рассказ о таком давнем, старом прошлом, старее которого ничего нет и быть не может. Но разве это не пророчество?! Разве это не «взгляд» Бога-Творца на Его собственную работу с точки зрения смысла и предназначения, который открывается нам благодаря пророческому вдохновению Моисея?!

К кому обращено пророчество? Из сказанного следует, что слова и речи, произнесенные пророками, имели актуальное значение прежде всего для тех людей, среди которых они жили и проповедовали. Эти слова не были какими-то «шифровками», адресованными в далекое христианское будущее, когда их наконец «расшифровали» как предсказания о евангельских событиях. Да, конечно, в Евангелии часто приводятся ветхозаветные пророчества, смысл которых по-новому раскрывается в служении Спасителя. Но у всех этих пророчеств был и остается первичный смысл, адресованный современникам пророков, — даже если этот смысл был им, этим современникам, неприятен.

Здесь уместна параллель. Нередко пророками называют великих писателей или поэтов — именно потому, что их творчество оказывает большое нравственное влияние и на их современников, и на многие последующие поколения. Пушкин дал красноречивое подтверждение этой параллели, описав свое поэтическое призвание путем стихотворного пересказа призвания Исая (Ис. 6) и назвав свой стих не иначе как «Пророк».

Эта параллель, кстати, была бы уместна и выше, там, где мы говорили о «словесности», словесной, рациональной выразительности библейского пророчества. Рациональность в данном случае вовсе не исключает поэтики: многие библейские пророки были мастерами литературного слова

и прекрасными поэтами, а их книги содержат замечательные образцы древней еврейской поэзии.

Единство пророческой традиции. Библейские пророки — это разные люди, жившие в разное время, общая продолжительность которого исчисляется столетиями. В течение этого времени народ Израиля проделал большой цивилизационный путь — от полукочевого союза племен при Моисее, Иисусе Навине и отчасти Судьях в XIII–XI веках до Р.Х. до устойчивого монархического государства (точнее, двух зачастую враждующих между собой государств) с развитой системой городов в 1-й половине и середине I тысячелетия до Р.Х. С точки зрения социально-политического устройства — целая эволюция, богатая событиями, сложными процессами, о которых мы знаем лишь отчасти, благодаря той же Библии, а также некоторым археологическим открытиям.

Гораздо больше мы знаем о духовно-религиозном пути, который проделал Израиль за этот огромный период времени. Знаем потому, что именно этому и уделяет свое главное внимание Священное Писание.

На этот огромный во временном и событийном отношении период истории ветхозаветного Израиля и приходится зарождение, подъем, расцвет и постепенное угасание великой традиции пророков Ветхого Завета. Это были люди, очень разные по своему происхождению, роду занятий, литературным талантам, духовным предпочтениям, эмоциональному настрою. И можно было бы говорить о каждом из них как об отдельном неповторимом гении, если бы не два обстоятельства, заставляющие рассматривать их в контексте одного большого целого — того, что называется Традицией с большой буквы.

Первое обстоятельство: ни один из них не рассматривал свое служение, свою проповедь как изложение и популяризацию собственных мыслей и рассуждений, философских или богословских озарений и учений. «Так говорит

Господь», «И было Слово Господне ко мне» — вот характерные выражения, с которых начинаются многие речи пророков. Единство пророческой традиции — это прежде всего единство, точнее, единственность Одного и Того же Бога, от лица Которого выступали пророки, какими бы разными они ни были. Бывало, что пророки этому сопротивлялись и иногда в их книгах мы встречаем полемику с Богом, упреки и несогласия, но так или иначе — это общение с Одним и Тем же Богом, идет ли речь о Моисее или о Захарии, жившем почти на тысячу лет позже.

Второе обстоятельство зеркально соответствует первому: все пророки, будучи провозвестниками Одного и Того же Бога, принадлежали одному и тому же народу — народу Израиля, избранному в Завет с Ним.

Почему Моисей — величайший пророк Библии? Ответить на этот вопрос довольно легко, если понять значение тех событий, участником которых он был. И не просто участником, а орудием, инструментом в руках Бога, Который «из ничего», из толпы рабов творил, рождал к жизни Свой народ. Вся цепь событий Начала — откровение Имени Божия, исход Израиля из Египта, заключение Завета и дарование Закона — все это произошло вдохновением этого Божиего избранника. Подобно тому как новорожденный младенец, хотя и маленькое существо, но с самого начала «укомплектован» всеми частями и органами тела, которым в дальнейшем надлежит лишь расти и укрепляться, так и народ Божий, поначалу младенец, не имеющий исторического опыта, через Моисея сразу получил все то, что в дальнейшем другие пророки раскрывали, комментировали и дополняли в зависимости от духовных запросов времени. В пяти книгах Моисея, с которых начинается Ветхий Завет, содержится все то, что составляет непреходящую базу, исходные истины учения о происхождении мира, о происхождении человека, о природе греха, об избрании, о Завете, о заповедях Божиих и о многом другом.

Когда проповедовали пророки? Итак, разговор о Моисее — особый. Он как бы «за скобками». Что касается периода Иисуса Навина и Судей, то здесь говорить об этих безусловно выдающихся, вдохновенных вождях Израиля как о пророках было бы некоторой натяжкой, разве что лишь в том широком смысле, в каком мы называем пророками различных призванных Богом мужей и жен.

В самом же узком смысле слова пророческая традиция Израиля созрела и расцвела в период монархии, начиная с единого царства (X в. до Р.Х.), включая период разделенных царств (X–VI вв.), период Вавилонского плена (VI в.), и заканчивая временем возвращения из плена и строительства второго храма (V–IV вв.). После этого пророчество как вдохновенное публично-острое устное слово звучит все реже, традиция постепенно мельчает, затухает, уступая место Слову как зафиксированному в букве тексту. Как своеобразный запоздалый рецидив, через много лет после этого зазвучит проповедь святого Иоанна Крестителя, пришедшего «*в духе и силе Илии*» (Лк. 1:17), — последнего пророка Ветхого Завета.

Неписьменные пророки. Четыре книги Царств уделяют большое внимание целой плеяде деятелей, чей общественный и политический статус довольно трудно определить. Однако очевидно, что они выступали в роли неформальных советников, имевших большой духовный авторитет, своего рода голоса совести для народа и правителей Израиля. Повествования о них и об их вмешательствах в религиозную жизнь Израиля вплетены в повествования книг Царств.

Не все имена из этого ряда, такие как Гад (1 Цар. 22:5 и др.), Доик Идумеянин (1 Цар. 22:9 и др.), Ахия (3 Цар. 14:2), Олдама (4 Цар. 22:14), запомнятся читателю Библии. Но есть среди них и такие, о ком имеет смысл знать и помнить.

Самуил (XI в. до Р.Х.) — последний в ряду Судей, то есть тех харизматических вождей, которые правили Израилем, будучи призваны не по династическому принципу,

а в результате непосредственного и ничем не обусловленного Божиего выбора. Именно на долю Самуила выпала печальная миссия положить конец этому теократическому периоду существования Израиля и, с дозволения Божиего, помазать народу первого царя — правителя, чья власть имеет иную природу, а именно основана на династическом преемстве. *«Мы будем как прочие народы»* (1 Цар. 8:20) — таково было волеизъявление Израиля, с которым Самуилу пришлось согласиться. Своеобразным утешением для него стали слова Господни: *«Не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними»* (1 Цар. 8:7). Правда, помазанному им на царство первому царю — Саулу из колена Вениаминова — не суждено было стать родоначальником царской династии. Таковым стал другой помазанник Самуилов — Давид из колена Иудина, чья династия десять веков спустя произрастила Мессию, Христа.

Интересно, что в иудейской традиции 1-я и 2-я книги Царств (это название взято из Септуагинты, греческого перевода LXX, с которого Библию переводили на славянский язык) называются, соответственно, 1-й и 2-й книгами Самуила.

Нафан (XI–X вв. до Р.Х.) — советник царя Давида, служивший ему голосом совести, бесстрашным и бескомпромиссным. Репутация Давида, как и многих других великих фигур Ветхого Завета, неоднозначна. С одной стороны, удачливый воин, успешный правитель, а с другой стороны, деспотичный, подверженный «общечеловеческим» страстям, Давид во многом благодаря Нафану имел возможность, хотя бы *post factum*, оценить свои поступки как неправду перед Богом и потому сам вошел в число праведников. Три наиболее известных и важных эпизода, связанных с Нафаном: предсказание о строительстве храма (2 Цар. 7), обличение Давида в убийстве Урии и прелюбодеянии с Вирсавией (2 Цар. 11–12) и помазание на царство Соломона (3 Цар. 1).

Илия (IX в. до Р.Х.) — наиболее яркий и известный, если не самый знаменитый, после Моисея, пророк Ветхого Завета. В ситуации тотального отступничества Израиля (Северное царство после раскола единого царства) и уклонения в языческое идолопоклонство проповедь Илии звучит очень жестко и безапелляционно: *«И подошел Илия ко всему народу и сказал: долго ли вам хромать на оба колена? если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте. И не отвечал народ ему ни слова»* (3 Цар. 18:21).

Известность Илии объясняется прежде всего обширностью и многообразием рассказов о нем, включенных в 3-ю и 4-ю книги Царств. В этих повествованиях он предстает как ревностный и жесткий борец за чистоту веры как религиозной верности Богу Израилеву. Само его имя — евр. Элиягу — выражает всю суть его проповеди: «Бог есть Яхве». В Евангелии мы читаем о том, как Иисус довольно сдержанно высказывается о кровавых методах той религиозной войны, которая ассоциировалась в сознании учеников с именем Илии (Лк. 9:54).

С другой стороны, один из самых потрясающих библейских эпизодов — это общение Илии с Богом на горе Хорив, где Бог открылся ему *«не в ветре... не в землетрясении... не в огне»*, а в *«веянии тихого ветра»* (3 Цар. 19:11–12).

Исключительное внимание, которое уделяла Илии древняя иудейская традиция, выразилось, например, в том, что перед явлением Мессии ждали его пришествия (Мф. 11:14; 17:10–12). А на горе Преображения рядом с преобразившимся Иисусом ученики увидели Моисея и Илию, *«с Ним беседующих»* (Мф. 17:3).

Елисей (IX в. до Р.Х.) — ученик и преемник Илии. Его служение — и по духу, и по конкретным деяниям — является продолжением служения Илии. Та же ревность о Боге, переходящая порой в нетерпимость к отступникам. Тесно переплетены религия и политика, так что борьба за возврат

к религии Моисея выливается в кровавый дворцовый переворот, приведший к смене царской династии (4 Цар. 9).

В служении и Илии, и Елисея видное место занимало общение не только с жителями Израиля, но и с иноземцами, то есть иноверцами, язычниками. К двум из этих эпизодов — посещению Илией вдовы в Сарепте Сидонской (3 Цар. 17:8-24) и исцелению Елисеем Неемана Сириянина (4 Цар. 5) — апеллировал Иисус Христос, оправдывая Свою проповедь язычникам (Лк. 4:25–28).

Письменные пророки. Замечателен сам факт того, что в определенный момент пророческое служение выражается не столько в действиях, например чудесах, как в случае с Илией и Елисеем, а в словах. Этим словам, а точнее, пространным речам и суждено было стать содержанием целого ряда свитков (книг), впоследствии вошедших в канон Ветхого Завета.

Амос (VIII в. до Р.Х.) — вероятно, первый по хронологии письменный пророк, входит в число 12 малых пророков. Проповедовал в Северном царстве (Израиле), чем и объясняется своеобразие его проповеди. Главная тема — суд над неверным Израилем, который, вместо того чтобы служить Богу нравственной правдой, понимаемой в том числе и как социальная справедливость, пребывает в самоуспокоенности, отправляя регулярный культ Богу и утешая себя мыслью, что вскоре наступит «День Господень» и Бог покарает врагов Израиля. Амос, напротив, говорил об ужасе этого дня: *«Горе желающим дня Господня!..»* (Ам. 5:18).

Осия (VIII в. до Р.Х.) — проповедовал примерно в то же время, что и Амос, и тоже в Северном царстве (Израиле). Ему принадлежит идея сравнения Завета Бога с Израилем с браком между мужем и женой. Израиль, как неверная жена, обвиняется в блудодеянии, под которым подразумевается уклонение в идолопоклонство. Именно Осии принадлежат слова: *«Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедение более, нежели всесожжений»* (Ос. 6:6).

Этими двумя пророками — Амосом и Осией — и ограничивается пророческое наследие Северного царства (Израиля), так как совсем скоро, в 721 г. до Р.Х., оно прекращает свое существование, будучи завоевано ассирийцами.

Исайя (VIII–VII вв. до Р.Х.). Примерно в это же время в Южном царстве (Иудее) проповедовал Исайя, величие которого, во-первых, в том, что он проповедовал долго, хотя и не непрерывно, более 40 лет и от него сохранилось много речей, ставших содержанием первых 39 глав одноименной книги. Во-вторых, его заслуга — в формулировке целого ряда идей, которым суждена была долгая жизнь в разных формах в других Писаниях Библии. Главная из них выразилась в целой серии пророчеств о Мессии (Эммануиле) и о мессианских временах (Ис. 7; 9; 11). Наконец, в-третьих, книгу пророка Исая причисляют к великим пророкам потому, что в нее входят еще две, не менее богатые богословием части — Девтероисайя (Ис. 40–55) и Тритоисайя (Ис. 56–66; см. ниже).

Именно пророку Исаяе принадлежат одни из самых ярких в Библии высказываний, беспощадно критикующие недолжное «магическое» отношение к жертвенному религиозному культу:

«К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали двory Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие — и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови» (Ис. 1:11–15).

Кстати, похожие речи мы встречаем и у Амоса (Ам. 5:21–23).

Похожие по смыслу высказывания — о превосходстве этического начала над культовым — мы встретим и у других пророков. Можно сказать, что пророческая традиция, особенно в лице своих наиболее ярких представителей, составляет оппозицию тому ритуализму, которым обильно насыщен Ветхий Завет и за которым стоит авторитет священников. Это — два полюса напряжения, за счет которых достигается правильный баланс между религией, понимаемой как культ (ритуалы, жертвоприношения, правила и уставы), и этикой как послушанием Богу в нравственной сфере.

Михей (VIII в. до Р.Х.) — еще один пророк Южного царства (Иудеи), так же как Исайя. Неудивительно, что его речи перекликаются с речами его более известного современника. Та же мессианская идея, выраженная словами, которые цитируются в Евангелии от Матфея:

«И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиньими? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Мих. 5:2).

Софония (VII в. до Р.Х.) — пророк, проповедовавший в Иудее после длительного перерыва, связанного с «мрачным» правлением царя Манассии. Подобно Амосу столетием раньше, Софония изрекал суровые пророчества о беспощадном суде Божиим над грешным Израилем.

Авакум (VII в. до Р.Х.) — пророк, предположительно проповедовавший в самом конце VII века до Р.Х. Довольно убедительно выглядит версия о том, что поводом к его речам послужила бессмысленная гибель праведного царя Иосии (612 г. до Р.Х.), который провел реформы в Иудее, направленные на очищение религии от язычества. Его книга начинается так, как до этого не начиналась ни одна пророческая книга — с упреков Богу: *«Доколе, Господи, я буду*

взывать, и Ты не слышишь, буду вопиять к Тебе о насилии, и Ты не спасаешь?» (Авв. 1:2). В этом Аввакум предвосхитил Иеремию, своего великого современника.

Наум (VII в. до Р.Х.). Его книга целиком посвящена падению Ниневии, столицы Ассирийского царства, в 612 г. до Р.Х. Это событие, прежде всего политического значения, имело и духовный смысл: ведь Ассирия представляла собой постоянную угрозу Южному (Иудейскому) царству, грозя лишить его как политической, так и религиозной независимости (участь, постигшая в 721 г. до Р.Х. Северное царство). Если эти речи звучали как пророчество о падении Ниневии, то их можно датировать концом VIII — началом VII века. Если же перед нами описание этого падения как свершившегося факта, то это конец VIII в. до Р.Х.

Иеремия (VII–VI вв. до Р.Х.) — великий пророк, на чью долю выпало быть свидетелем величайшей катастрофы Ветхого Завета — падения Иерусалима (586 г. до Р.Х.), разрушения храма, построенного Соломоном, и увода иудеев в Вавилонский плен. По времени служение Иеремии не ограничивается только этими событиями, оно началось задолго до них. За свои «неудобные» речи Иеремия влачил существование изгоя общества, на что весьма выразительно жалуется он сам в своих речах, вошедших в книгу, особенно в так называемых исповедях или молитвах, в которых он доходит почти до ропота на Бога за свою незавидную участь пророка (см. Иер. 20:14–18; также см. Иер. 11:18 — 12:6; 15:10–21; 17:12–18; 18:18–23; 20:7–18).

Ему же принадлежат и слова утешения к плененным иудеям, а главное — пророчество о Новом Завете, который Бог заключит со Своим народом (Иер. 31:31–34).

Иезекииль (VI вв. до Р.Х.) — яркий и самобытный пророк плена, включенный в число великих. Совершенно новая и в политическом, и в духовном отношении ситуация плена, в которую попал народ Божий, заставила задумать-

ся о причинах этого несчастья в плоскости «вечного вопроса»: почему дети отвечают за грехи и преступления родителей? Несет ли сын вину отца своего? Нет, — отвечает Иезекииль, — *«сын не понесет вины отца»* (18:20).

Будучи священником, Иезекииль тяжело переживал главную религиозную утрату, которую понес народ Израиля, — разрушение Иерусалимского храма. Неудивительно, что многие его пророчества о будущем спасении изложены на языке культа, в виде описаний нового храма, более славного и великолепного, чем прежний.

Одно из самых необычных и замечательных пророчеств о спасении — видение поля с сухими костями (Иез. 37:1–14) как прообраз будущего восстановления Израиля — прочитывается в православной традиции как пророчество о воскресении Христовом и во Христе всех верующих.

Девтероисайя (VI вв. до Р.Х.) — условное, принятое в современной библеистике обозначение 2-й части книги пророка Исаяи (Ис. 40–55), в которой содержатся речи пророка, вероятнее всего, жившего и проповедовавшего в конце Вавилонского плена, в преддверии возвращения. Имя его неизвестно, а в силу того, что его речи были просто присоединены к свитку Исаяи, его пришлось наименовать Второисайей (девторос — по-гречески второй).

Безымянность или «вторичность» этого пророка по отношению к великому Исаяе отнюдь не означает второстепенность того богословия, которое выражено в его проповедях. Совсем напротив, корпус Девтероисайи можно смело причислять к самым крупным жемчужинам всего ветхозаветного богословия. Его идеи оказали решающее влияние на другие писания, возникшие в то же время. Например, знаменитый Шестоднев, с которого начинается Библия, — рассказ о сотворении Богом мира с помощью Слова («И сказал Бог...») — был написан священниками, вероятно, в Вавилонском плену не без влияния Девтероисайи.

В речах Девтероисайи ясно и определенно формулируется монотеизм как абсолютное единобожие. «*Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня*» (Ис. 45:5), — неоднократно, в разных вариациях мы встречаем это высказывание. Утешение Израиля-страдальца — еще один лейтмотив — выражается необыкновенно поэтично и проникновенно: «... *не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой. Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя*» (Ис. 43:1–2).

Со слов утешения начинается все это собрание (Ис. 40:1), почему его иногда и называют книгой утешения Израиля.

Совершенно особое место в корпусе Девтероисайи занимают так называемые песни о страдающем Рабе Господнем (или, используя другие термины, Слуге, Отроке Господнем или Яхве). Их четыре: 1-я: Ис. 42:1–4; 2-я: 49:1–6; 3-я: 50:4–9 и 4-я, самая важная и известная: вся 53-я глава.

Христианская традиция, восходящая ко временам апостолов, усматривает в этом страдающем Отроке Яхве Мессию, Христа, о Котором говорит Евангелие (см. Деян. 8:30–35).

Трудно сказать, что дает больше оснований называть Исайю «ветхозаветным евангелистом» (как это часто делают) — пророчества об Эммануиле в 1-й части книги или пророчества о страдающем Мессии во 2-й. А ведь еще есть 3-я часть, не менее насыщенная новозаветным смыслом.

Тритоисайя (VI–V вв. до Р.Х.) — аналогично Девтероисайе: безымянный пророк, речи которого составляют 3-ю часть книги пророка Исайи (Ис. 56–66). Пророк эпохи возвращения, эпохи разочарований и несбывшихся ожиданий. Восстановление разрушенного храма идет не так успешно, как хотелось бы, возвращенная земля занята другими людьми... В этой ситуации очень вдохновляющее должны были звучать известные слова: «*Восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою... Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они соби-*

раются, идут к тебе; сыновья твои издалека идут и дочерей твоих на руках несут» (Ис. 60:1,4).

Наконец, в речах Тритоисаи, как бы подводя итог грандиозной трилогии, составление которой растянулось более чем на два столетия, Ветхий Завет уже в полный голос говорит об универсализме спасения для всех народов.

Аггей (VI–V вв. до Р.Х.). Служение этого пророка легко датировать, так как датировка дается в начале книги: 2-й год правления персидского царя Дария I (520 г. до Р.Х.). В лице Аггея, а также Захарии и, чуть позднее, Малахии пророческая традиция заканчивается. А в речах их самих уже не слышится того вдохновенного и величественного пафоса, которым дышим, читая книги великих пророков. Аггея называют пророком «организованной религии». Он ратует за большую ревность (старание) в поддержании храма и богослужения как центра духовной жизни народа.

Захария (VI–V вв. до Р.Х.) — во многом созвучен Аггею, своему современнику и, судя по всему, соратнику. Также радеет о возрождении храмовой деятельности. Вместе с тем в книге Захарии встречаются тексты, относящиеся к нарождающемуся отличному от пророчества жанру — апокалиптике. На причудливом языке этого жанра, которому суждено было пышно расцвести в межзаветный период (последние века до Р.Х. — I век по Р.Х.), выразались обостренные упования Израиля на то, что Бог наконец вмешается в его историю и положит конец историческим страданиям народа.

Малахия (IV–III вв. до Р.Х.). Последний по времени пророк Ветхого Завета. В это время второй храм уже построен, в нем налажено регулярное богослужение. Но, как часто бывает, правильно совершаемый культ не сопровождался обращением сердца. Вместе с тем, наряду с критикой, направленной в том числе и против священства, пророк предвозвещал пришествие Христа (Мессии), а прежде — Его Предтечи. Ему принадлежит пророчество о приходе Илии

(Ангела Господня) непосредственно перед пришествием Мессии, а также о том, что это пришествие будет в храме. Оно цитируется во всех Синоптических Евангелиях (Евангелие от Марка и вовсе с него начинается) как «эпиграф» к повествованию о проповеди Иоанна Крестителя.

Авдий (датировка варьируется между IX и VI вв. до Р.Х., но, скорее всего, VI в.). Одна из самых коротких книг Библии, всего одна глава. Пророк обличает Эдом, соседнее царство с Иудеей, за его вероломство: когда вавилоняне громили Иудею, разрушали Иерусалим, эдомляне злорадно наблюдали. Этим объясняются слова из известного псалма «На реках Вавилонских»: «*Припомни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда они говорили: “разрушайте, разрушайте до основания его”*» (Пс. 136:7).

Иоиль (датировка тоже сильно варьируется, но, скорее всего, V в. до Р.Х.). Многие высказывания пророка носят эсхатологический характер. Наиболее известные строки — те, что цитирует апостол Петр в день Пятидесятницы, как пророчество об излиянии Духа Святого «на всякую плоть» (Деян. 2:17–21; ср. Иоил. 2:28–32).

Иона. В данном случае правильнее говорить о литературном произведении, главным героем которого является Иона. События, в ней описанные, относятся ко временам Ассирийского царства и процветания одного из знаменитых ассирийских городов, Ниневии, то есть не позднее конца VII в. до Р.Х., тогда как сама книга, согласно общепринятой датировке, была написана в эпоху Ездры, то есть в V в. до Р.Х. Идеальный посыл книги — религиозная чуждость язычников в сравнении с закоснелым благочестием «еврея Ионы» в 1-й части, готовность к покаянию опять же язычников ниневитян на фоне почти карикатурно выведенного пророческого пафоса Ионы во 2-й — убедительно смотрится как талантливая оппозиция «зашкаливающему» ригоризму Ездры в его борьбе за чистоту веры, чистоту нации, чистоту культа.

В том, что эту книгу внесли в число малых пророков, хотя в жанровом отношении она резко отличается от них, есть и своя остроумная ирония. Ее можно охарактеризовать как размышление пророчества (пророческой традиции) над самим собой. Беспощадно самокритичное, это размышление приходит к абсолютно точному выводу о том, кто был и остается главным и единственным авторитетом любого подлинного пророчества — Тот, Кто никому и ничему не подвластен, в том числе и тому, что когда-то возведено пророческими, а значит, человеческими устами.

Даниил. Православная традиция причисляет книгу Даниила к книгам великих пророков, хотя первоначально, в древнем иудейском каноне, эта книга к ним не относилась (входила в раздел Кетувим — Писания). В самом деле, ее язык, стиль, богословие — явно иные по сравнению с «классическими» книгами пророков. Правильнее было бы определить книгу Даниила как Апокалипсис со свойствами этому жанру чертами: загадочные видения и сны, требующие «расшифровки», то есть истолкований, приверженность к словесной символике, значение которой тоже требует комментариев. На языке этой символики описываются исторические события больших политических масштабов, например, царства, которые сменяют друг друга, по очереди уходя с исторической сцены.

Именно в контексте одного из таких видений формулируется мессианский титул «Сын Человеческий», которым любил пользоваться в своей проповеди Иисус Христос, применяя его к Себе (Дан. 7:13; ср. Мф. 26:64).

Глава 2

НАЧАЛО ЕВАНГЕЛИЯ. БОГОЯВЛЕНИЕ

Евангелие — Благая весть Господа нашего Иисуса Христа о Царстве Божием. Эта весть, «нашего ради спасения», раскрывается Им, доносится до учеников постепенно. В конечной полноте ее истинность утверждается в Крестной смерти Спасителя и Его славном воскресении. Именно с этих *финальных* (если их рассматривать в рамках Евангельского повествования) событий и *начинается* история христианства, история Церкви, как священная история нашего спасения во Христе.

В связи с этой постепенностью, «этапностью», Евангелие, какую бы из четырех книг с таким названием мы бы ни взяли, можно разделить на три части. Перечислим их в обратном порядке.

Из них самая важная — последняя, третья, та, в которой и говорится сначала о страстях, смерти и погребении Господа, а затем — о Его воскресении из мертвых, а точнее сказать, о явлениях Его, воскресшего, ученикам (см. раздел I, главу 4). Эта, третья часть дает ключ ко всему Евангелию и христианской вере как таковой. Наша вера — это вера во Христа Распятого и Воскресшего. А наша Церковь — это собрание, живущее опытом нового бытия, явленного нам в воскресении Христовом.

Средняя (вторая) часть повествует о служении Спасителя на протяжении одного года или нескольких лет (в отношении хронологии Евангелия разнятся) до Пасхи страстей и воскресения. Здесь излагаются и Его слова (поучения, притчи, наставления, беседы и споры), и рассказы о Его делах, чудесах. Эта часть выглядит как основная, она наибольшая по объему и насыщена разнообраз-

ным материалом, из которого в целом складывается учение Христово о Царстве Божием и о жизни вечной (см. раздел I, главу 3).

И наконец, каждое из Евангелий, при всех их различиях, начинается с вступления или пролога, имеющего в первую очередь богословское значение. Это значение можно передать одним устоявшимся церковным термином — перед нами не что иное, как *богоявление*. Этим словом (греч. *теофания*) обозначается опыт общения с Богом, открывающийся людям как новый, небывалый доселе. Именно такой смысл носят все начальные евангельские повествования, хотя, если их рассматривать с точки зрения сюжета, мы найдем между ними много различий.

Так, с самого начала читатель или слушатель Евангелия ставится перед фактом самого что ни на есть вселенского, космического масштаба: Иисус есть Сын Божий; Его явление в этом мире есть событие, имеющее величайшее, вселенское спасительное значение.

«Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям» (Лк. 2:10), — сообщает Ангел пастухам в ночь Рождества Христова.

«Родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (Мф. 1:21), — та же весть в несколько других словах сообщается Иосифу в преддверии Рождества.

Во вступительных главах *все* Евангелия рассказывают о таких событиях земной жизни Спасителя, которые имели место *до начала* Его общественной проповеди.

Характерная черта этих повествований: с одной стороны, вселенский масштаб, а с другой стороны, неизвестность, прикровенность, сокрытость происходящего от людей, от общества. Этот этап земной жизни Спасителя можно назвать подготовительным, вступительным, предварительным или как-то иначе, но в любом случае речь

идет о чем-то сокровенном, сокрытом до времени, с тем чтобы быть открытым лишь много позже, когда в этом Человеке узрят Сына Божия.

Особенно это касается тех начальных эпизодов, где говорится о рождестве, младенчестве и детстве Иисуса. Рассказы об этом содержатся только в Евангелиях от Матфея и от Луки. И, повторим, какими бы подробными ни были рассказы о рождении и детстве Иисуса, их богословский смысл раскрывается лишь благодаря последующему откровению об Иисусе как о Сыне Божием, Спасителе мира. Эти рассказы являются своеобразным исключением из правила, согласно которому Евангелия целомудренно умалчивают о том, как протекало детство и юность Христа. Он воспитывался в семье Иосифа и Марии, как всякий человек, «пребывая под законом».

Ключевым же обстоятельством вступительного этапа в повествовании *всех* евангелистов является проповедь святого Иоанна Крестителя. Даже самое краткое из четырех Евангелий, от Марка, не обходится без повествования о проповеди Иоанна.

Его именуют Предтечей, подчеркивая тем самым смысл его проповеди: он должен был «*приготовить путь*» Господу (Мк. 1:2), а народ Божий благодаря ему должен предстать «*приготовленным*» (Лк. 1:17) к приходу своего Мессии. А евангелист Иоанн особенно обращает внимание на подчиненность проповеди Иоанна Крестителя по отношению ко Христу: «*Я недостойн развязать ремень у обуви Его*» (Ин. 1:27).

Именно в отношении крещения Иисуса от Иоанна на реке Иордан можно в особенной степени говорить как о богоявлении. Неслучайно церковный праздник, посвященный воспоминанию этого события, имеет название не только Крещения Господня, но и Богоявления. (Впрочем, как в древности, так и сегодня этим термином вполне можно называть и праздник Рождества Христова.)

Читая евангельский рассказ о Крещении, мы можем убедиться, что по сравнению с «чисто технической» стороной, а именно крещением как погружением в воду или омовением (что в данном случае не так важно), гораздо важнее внутренний, духовный смысл происходящего: *«отверзаются небеса»*, и *«Дух, как голубь»*, сходит на Иисуса (Мк. 1:10). Это и есть богоявление, о чем вслух свидетельствует голос Отца: *«Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение»* (Мк. 1:11).

Но все это носит, повторим, предварительный, вступительный характер. Лишь в свете конечного воскресения Христова мы можем прочесть эти евангельские повествования как рассказы о богоявлении. Благодаря воскресению опыт, сокровенный до времени, открывается всем верующим.

Самую суть новозаветного богоявления прозревает наиболее богословское из четырех Евангелий — от Иоанна. Именно в его прологе мы найдем самое точное высказывание о том, что же на самом деле произошло: *«... Слово стало плотью»* (Ин. 1:14). Бог стал человеком, воплотился. В этом — непревзойденная, небывалая новизна богоявления в Богочеловеке Христе. Иначе эту мысль можно выразить с помощью первых слов послания к евреям:

«Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил» (Евр. 1:1–2).

Не менее важным компонентом подготовительного этапа земной жизни Спасителя, по крайней мере согласно Синоптическим Евангелиям, стало для Него *искушение* в пустыне, имевшее место сразу после крещения на Иордане. Развернутое повествование о трех искушениях мы находим в Мф. и Лк.; краткое упоминание — в Мк.

Если крещение Иисуса на Иордане следует понимать как Его помазание Святым Духом или, можно сказать, бла-

гословение Отца на начало общественного служения, то получается, что первое, что Его ждет на этом мессианском пути, — это ясное и внятное обозначение тех искушений, без которых невозможен ни один человеческий путь, тем более направленный на общественную и еще тем более на духовную пользу. Можно вспомнить высказывание апостола:

«Как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» (Евр. 2:18).

Служение Иисуса, по-человечески, не могло не быть связанным с сомнениями, раздумьями и искушениями. Но также очевидно, что Он был искушаем в течение всего Своего мессианского служения, причем не только Своими противниками (см. Мф. 27:42) или даже многочисленными слушателями (см. Ин. 6:15), но и учениками. Например, Петр, от лица Церкви исповедовавший Иисуса Мессией (Мф. 16:16), тут же начинает убеждать Христа в возможности избежать Креста (ст. 22). И если об исповедании Петра Христос говорит:

«Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф. 16:17), то в ответ на искусительные слова того же ученика Он произносит отповедь, адресованную сатане:

«Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф. 16:23).

Таким образом, предание о трех искушениях Иисуса в пустыне является своеобразным обобщением всех тех трудных переживаний, которые посещали Иисуса на всем протяжении Его служения.

Число искушений, три (по Мф. и Лк.), само по себе символично. Они покрывают практически все то «минное поле», по которому протекал человеческий и мессианский путь Христа. Стоит отметить, что три искушения расположены в порядке возрастания их серьезности. В этом отно-

шении примечательно, чем отличается этот порядок по Мф. и по Лк.

Первое искушение в обоих вариантах — искушение сделать из камней хлебы. Это искушение приобрести себе популярность с помощью материальных благ. Насыть толпу, и она признает в тебе Мессию, пойдет за тобой!

Второе искушение по Мф. — стяжать славу с помощью эффектного чуда, произвести впечатление неведомыми, сверхъестественными («божественными») возможностями. Мессия — чудотворец, спрыгивающий с крыши храма, несомый ангелами! Он являет Свою мощь и убедительность как духовный вождь не иначе, как в храме. В Евангелии от Луки, в котором тема храма занимает центральное место, это искушение стоит третьим, то есть решающим.

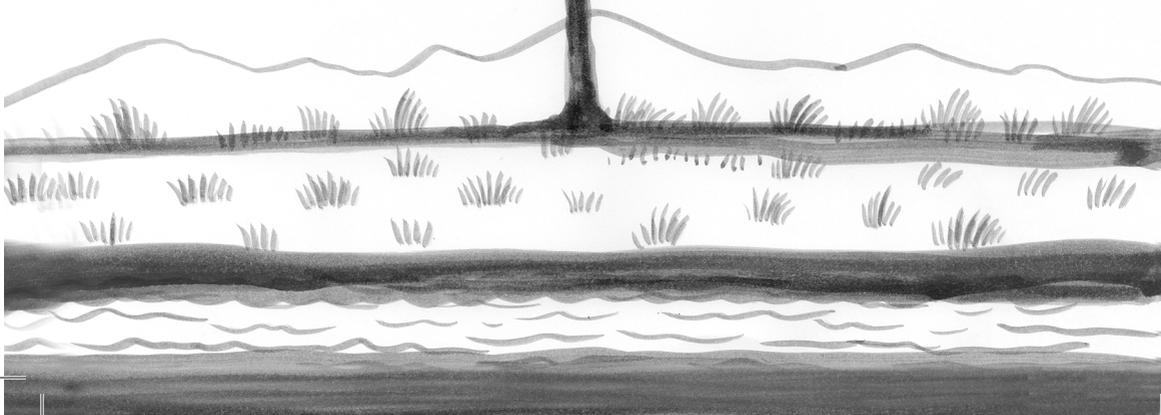
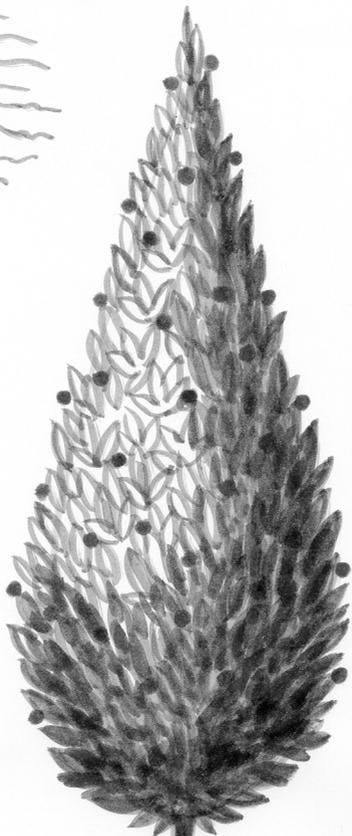
Третье искушение, самое серьезное по Мф., — искушение властью. Ты хочешь покорить Своей вестью весь мир, все царства? Поклонись мне, говорит сатана, возьми на вооружение мои методы: насилие, принуждение, пропаганду и прочие инструменты мира сего, и тогда весь мир — у Твоих ног! Это искушение, с которым ученикам будет труднее всего бороться: ведь легче уподобиться другим сообществам и организациям, где господствуют начальники, князья и владыки. Евангелие от Матфея, более других уделяющее внимание теме Церкви, неслучайно располагает это искушение третьим.

Важно понимать, что искушения Иисуса в пустыне, — это не только искушения лично Его как Мессии и Спасителя, но и искушения будущей Церкви, собрания Его учеников и каждого ученика в отдельности. Это те искушения, через которые прошел (и не во всем преодолел их) Израиль — ветхозаветная Церковь. Апостол Павел говорит об искушениях Израиля в пустыне как об образах *наших*, общечеловеческих искушений (см. 1 Кор. 10:1–11).

Так, уже само упоминание пустыни вводит нас в ситуацию, в которой новорожденный народ Божий находился сорок лет (в случае со Христом — сорок дней, что для смысла не так важно). Уже в той, Синайской, пустыне Израиль также претерпевал искушения свернуть с того пути жизни, который предлагал ему Господь. Там были и искушение пищей (Исх. 16:4), и искушение вернуться в Египет (Числ. 11:4–6). Там Израиль искушал Господа, говоря: *«Есть ли Господь среди нас, или нет?»* (Исх. 17:7). Были и искушения поклониться другим, языческим богам, более видимым и привлекательным, чем невидимый Господь (см. Исх. 34:14).

И, как тогдашнее странствие стало образом человеческого пути к спасению, к Обетованной земле, пути, полного трудностей и искушений, так и Христос, снисшедший к человеку и приобщившийся к нему, повторяет этот путь исхода и странствия по пути к Обетованной земле.

И, в отличие от ветхозаветного Израиля, Спаситель преодолевает искушения и входит в Обетованную землю, ведя за собой учеников, Свою Церковь.

Глава 3

ЕВАНГЕЛИЕ.

БЛАГАЯ ВЕСТЬ ИИСУСА ХРИСТА

Царствие Божие. Слово «Евангелие» в переводе с греческого языка означает «Благая весть» или «Радостное известие», «Хорошая новость». О чем она?

С первых же слов, с которых Спаситель начинает свою общественную проповедь согласно Синоптическим Евангелиям (в Евангелии от Иоанна — иначе), это становится ясно: «*Приблизилось Царство Небесное*» (Мф. 3:2) или «*приблизилось Царствие Божие*» (Мк. 1:15)¹.

«Приблизилось» в данном случае означает «пришло», «наступило». Или, как сказано в другом месте, «*Царствие Божие внутрь вас есть*» (Лк. 17:21).

Тут важно учитывать два чисто лингвистических фактора. Во-первых, под Царством подразумевается не пространство или территория, а процесс, режим, то есть царствование, правление. Во-вторых, словами «Божие» или «Небесное» переведены соответственно слова «Бог» и «Небеса», стоящие в родительном падеже в значении притяжательной формы. Иными словами, можно было бы сказать — «Царство (царствование) Бога» или «Царство (царствование) Небес». В целом же выражение «Приблизилось Царство Божие» можно было бы перефразировать так: «Бог воцаряется, становится Царем в вашей жизни».

¹ Разница в терминах «Царство Небесное» в Мф. и «Царствие Божие» в Мк. и Лк. объясняется тем, что Евангелие от Матфея, обращенное к христианам из иудеев, учитывает норму иудейского благочестия, согласно которой имя Божие произносимо и потому должно быть заменено словом «Небо».

Приближение Царства Божия, воцарение Бога возвещается как свершившийся факт, так сказать, «явочным порядком». А из этого логически вытекает требование *немедленно* определиться — или изменить свою жизнь, обратиться (в русском церковном лексиконе утвердился термин «покаяться»), или остаться вне Царства.

Сам по себе этот призыв (обратиться к Богу, покаяться) не нов. В Ветхом Завете он формулируется не раз: Бог неоднократно возвращает Свой народ к верности заключенному когда-то Завету. Что ж поделать, если история народа Божия — это не только история святости и верности, но и история отпадений и неверности! Не нова и мысль о воцарении Бога как способ обновить ощущение Его неизменного присутствия. Особенно много и поэтично о воцарении и царствовании Бога сказано в Псалмах (Пс. 21:29; Пс. 92).

Таким образом, Иисус Христос обращает слова о воцарении Бога, о Царстве Божиим к народу, который много раз слышал эти слова. Правда, на этот раз слова о Царстве звучали в обстановке особенно острых ожиданий вмешательства Бога в историю Израиля. Эта острота имела сильную политическую окраску: иудеям не терпелось наконец сбросить ненавистное римское иго и жить в свободе послушания своему Богу и Его Закону.

Однако весьма скоро выяснилось, сколь радикально по своему смыслу отличается проповедь Иисуса Христа о Царстве Божиим от тогдашних распространенных представлений и ожиданий.

Новый Израиль. Иисус Христос, на первый взгляд, как будто не старался выйти за пределы Израиля, в котором родился и воспитывался, в котором нашел учеников и к которому обращал Свою проповедь.

Он так прямо и говорил: *«Я послан только к погибшим овцам дома Израилева»* (Мф. 15:24). Или, посылая учеников на проповедь: *«На путь к язычникам не ходите, и в го-*

род Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 10:5–6).

В подобных изречениях обращают на себя внимание «только», «наипаче». Совершенно недвусмысленно исключаются все те, кто вне Израиля.

Но оказывается, что саму принадлежность к Израилю как к народу Божию Он определяет не по признакам крови, то есть национальной принадлежности (чада Авраама по плоти), а по тому, какие внутренние качества выявлял человек по отношению к Его весте. Главное из них — вера в Его весть и признание своего недостойнства и неспособности «купить билет» в народ Божий, опираясь на свою праведность и благочестие. С верой неразрывно связаны благодарность Богу за *незаслуженную* милость, а также решение изменить свою жизнь (покаяние).

Здесь нужно обратить внимание на то, как меняются акценты. О том, что Бог милостив и способен простить грешников, Израиль, конечно, тоже знал давно. Эта истина хорошо известна и многократно повторена в Ветхом Завете. И таким же общепринятым было (а в общем-то, остается и до сих пор) представление о том, что на прощение можно надеяться лишь *после* раскаяния, доказав всю его серьезность переменной своей жизни.

В проповеди же Иисуса эти два «звена» в динамике прощения меняются местами. Именно Он, от имени Бога выступает с инициативой прощения: оно благовестуется там, где его не ждут, вернее, где на него уже не надеются, и уже в ответ на эту весть происходит покаяние и перемена жизни.

Это можно проиллюстрировать простым рассуждением. Представим себе, что в известном призыве Иисуса Христа «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» на месте союза «ибо» стояло бы «чтобы». В таком случае причинно-следственная связь будет совершенно противополо-

ложной: инициатива принадлежит человеку, от нее зависит, наступит ли Царствие. Но нет! В Евангелии инициатива — в руках Божиих: Его Царство пришло! И *потому* нужно покаяться.

Особенно наглядные примеры «незаслуженного» прощения и спасения представляют собой случаи, когда Иисус обращается к людям, по внешним признакам находящимся вне Израиля, — или в связи с их ритуально-нечистым состоянием, или потому что они язычники. Это и начальник мытарей Закхей (Лк. 19:1–10), и мытарь из известной притчи о мытаре и фарисее (Лк. 18:10–14), и исцеленный от проказы самарянин, единственный из десяти вернувшийся возблагодарить Иисуса (Лк. 17:16), и сотник, то есть римский офицер, с его больным слугой (Мф. 8:5–13; Лк. 7:1–10), и женщина-хананеянка, мать больной дочери (Мф. 15:21–28; Мк. 7:24–30), и многие другие примеры.

Возьмем последний из перечисленных примеров, чтобы показать значение веры и благодарности для спасения. Христос Сам помогает женщине-язычнице обнаружить веру и смирение, но помощь Его довольно необычна. Для начала Он произносит слова, в которых нет ничего необычного для Мессии Израиля: «*Я послан только к погибшим овцам дома Израилева*» (Мф. 15:24). А в ответ на настойчивые просьбы женщины произносит довольно обидное «*нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам*» (ст. 26).

Слово «псы» было устойчивым термином раввинистического иудаизма для обозначения язычников. Таким образом, Христос лишь озвучивал существующий трафарет мышления (с которым, как видно, не смеет спорить и сама женщина). Но озвучил Он его так, как будто предлагая преодолеть его. Так, Он смягчает это явно уничижительное определение и говорит не «псы», а, если быть точным в переводе, «собачки» (по-греч. *kunaria*), «щенки». В этом

смягчении или даже переводе разговора в сферу некоторого юмора рядом с означенной провокацией кроется и незаметная подсказка, ободрение, которое в других случаях выражалось словом «дерзай!»

В конечном итоге женщина, прежде всего для самой себя, обнаруживает такую веру и такое смирение с благодарностью, которые и позволили ей быть причастной к делам Христовым, воспользоваться обильными плодами этих дел (исцеление дочери) и быть спасенной («вера твоя спасла тебя»). А значит, войти в народ Божий.

Двенадцать как церковная община. Собирая новый Израиль, Иисус созвал группу учеников числом в двенадцать — по образцу ветхозаветного Израиля, состоявшего из двенадцати колен, потомков двенадцати сыновей Иакова:

«Сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:28).

Группа Двенадцати была, с одной стороны, исключительной по своему значению — это были живые свидетели земного служения Господа.

И в то же время Двенадцать — это первая христианская община, призванная стать образцом любой другой христианской общины, Церкви. Перед нами модель Церкви в зачатке, образец любой церковной общины. Поучения и заповеди, которые Христос произносил, обращаясь к Двенадцати, обращены и ко всей Церкви, и к каждому из нас, членов Церкви.

Можно сказать (и мы не будем первыми, кто так скажет), что Иисус Христос — первый катехизатор, а община Двенадцати — община оглашаемых (катехуменов). Евангельская история — путь катехизации с типичными для него особенностями, включая непонимание учеников, вопрошания, недоумения, споры и дискуссии, а также терпение и педагогику от простого к сложному.

Свою Церковь в лице первой общины Двенадцати Христос хотел видеть иной по сравнению с любым дру-

гим человеческим сообществом, партией, движением и т.п. Так, Его беспокоили правила и принципы, касающиеся общения, внутреннего согласия и понимания авторитета. Умывая ноги Своим ученикам (см. Ин. 13:5), Он Сам подает пример служения друг другу: *«Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих»* (Мф. 20:25–28 и пар.).

Понимание «власти» и авторитета в Церкви, как об этом учил Христос, уже для учеников представляло трудную духовную проблему (см. Мф. 20:21–22), не говоря уже о дальнейшем церковном опыте.

Проповедь любви. Центральная заповедь, которой призваны следовать ученики Христовы, есть заповедь любви: *«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин. 13:35).

О любви много говорится в Евангелии (особенно от Иоанна) и, в целом, в Новом Завете. Рядом с заповедью о любви соседствует заповедь о единстве (прощальная беседа Спасителя с учениками на Тайной вечере, по Ин. 13–17).

У апостола Павла есть, как минимум, два гимна любви: Рим. 8:35–39 и 1 Кор. 13.

А одно из самых известных высказываний о Боге принадлежит апостолу Иоанну Богослову: *«Бог есть любовь»* (1 Ин. 4:8,16). Вот почему апостола Иоанна называют еще апостолом любви.

Следует иметь в виду, что словом «любовь» на русский язык переводят целый ряд различных греческих слов, обозначающих самые разные «виды» человеческой люб-

ви — от близких взаимоотношений между полами до дружеских и патриотических чувств. В данном же случае употребляется греческое *agape* — любовь как взаимное приятие друг друга не в силу плотской или родственной близости, эмоциональных симпатий или чего-либо подобного, а в силу желания видеть в других людях братьев и сестер по вере, как ощущение себя детьми одного и того же Бога, явившего Свою любовь в Сыне Своем Иисусе Христе. Именно такая любовь и созидает Церковь как семью, общество, состоящее из братьев и сестер не по плоти, а по духу.

Зачинателем этой любви является Сам Бог, отдавший за нее самое дорогое — Своего Единородного Сына:

«Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим. 5:8).

Или: *«Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3:16).

Любовь Божия, явленная на Кресте, — это главное откровение Нового Завета. На этом откровении основан весь тот энтузиазм братолюбия, которым жила и за счет которого умножалась первоначальная Церковь — община, о которой святой Лука с восторгом писал: *«У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее»* (Деян. 4:32).

Заповедуя Своим ученикам быть в любви, Спаситель призывал их к тому, чтобы Царство Божие стало реальностью в их жизни «здесь и сейчас». Заповеди блаженств (Мф. 5:3–11), которыми начинается Нагорная проповедь (Мф. 5–7), — не что иное, как констатация, описание счастья (блаженства) тех, кто откликнулся на призыв Христа и постарался реализовать его в жизни не только для себя, но и для других. И тогда счастливы (блаженны) нищие, плачущие, кроткие и т.д., ибо для них настало

Царство Божие, они обрели утешение, унаследовали землю и т.д.

Этот общественный (социальный) аспект любви-агапе помогает многое понять в вопросе о том, что такое Церковь — не как иерархия или организация, не как место совершения богослужений или здание особой архитектуры, а как собрание, община братьев и сестер.

И, наверное, поэтому *отсутствие* любви между христианами воспринимается как самая большая боль и самая большая неправда мира.

Общение за трапезой. Любовь Божию к грешникам Иисус наглядно выражал уже тем, что ел и пил с «мытарями и грешниками». Это были люди, согласно Закону находившиеся в низком, нечистом состоянии, вне общества Господнего.

Есть же и пить с кем-то, то есть иметь общую трапезу — действие, наполненное как в древности, так и сегодня большим символическим смыслом. Оно было самой наглядной демонстрацией того, о чем Иисус возвещал словесно, используя образы возвращения блудного сына и принятия его в прежнем достоинстве, прощения огромного долга, обретения потерянной овцы и т.п.

Почему именно к таким явным, «отпетым» грешникам с такой подчеркнутостью обращал Иисус Свою весть? Почему именно эту сторону Его проповеди так подробно и «крупным планом» описывают Евангелия? Конечно, не из-за любви Иисуса к таким несомненным грехам, как взяточничество, вымогательство, проституция и т.п., а из-за того, что сердца таких людей (хотя и не всех, конечно) были готовы плодоносить верой и благодарностью за *незаслуженное* спасение.

Христос, а вслед за Ним и евангелисты использовали известные штампы: «мытари и грешники», «малые» (Мф. 10:42 и др.), «простецы» или «младенцы» (Мф. 11:25) — презрительные характеристики-клише, употреблявшиеся

в благочестивой среде фарисеев и книжников в отношении тех, кто не знал или нарушал Закон. Возможно, именно их Иисус и называл «труждающимися и обремененными», а также «нищими». Последний термин подразумевает не только обездоленных в имущественном смысле, но и более широко — тех, кто не в состоянии защитить себя перед сложившимися духовными представлениями-трафаретами. В таком значении термины «нищие», «смирненные», «убогие» и т.п. встречаются и в Ветхом Завете, особенно в пророческой проповеди.

Иисус был склонен выражать эту свою обращенность к «мытарям и грешникам» и в более провокационной форме: *«Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию»* (Мф. 9:13).

Как будто на праведников, благочестивых, спасение и вовсе не распространяется. Под праведниками, конечно, понимаются не праведники как таковые (иначе получается абсурд), а те, у кого, казалось бы, были основания так рассуждать о себе, — фарисеи и книжники.

Так мы убеждаемся, что острие обличительной проповеди Иисуса было направлено не против грехов человека вообще (они давным-давно обличены еще до Христа, в Ветхом Завете), а против ложного понимания пути спасения. И вследствие этого — против традиционной, удобной и привычной для человека религиозности (и на тот момент, и во все времена).

И все же о трапезе в Евангелиях говорится не только как о способе общения Иисуса с явными грешниками вне Закона. Иисус обращался не только к ним, находящимся на периферии церковного общества, но и к самому обществу. Когда Он бывал услышан, то, утоляя свой телесный голод скудной дорожной пищей (несколько хлебов и рыбок), толпа слушателей не раз к своему удивлению обнаруживала себя не просто подкрепляющей в пути свои силы, но таким собранием, которое весьма прозрачно

напоминало пир в преизбытке Царства Божия: «И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных» (Мф. 14:20); «И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков семь корзин полных» (Мф. 15:37).

И Он умело воспользовался моментом, когда люди вознамеривались подкрепиться тем немногим, даже слишком немногим, что у них было, для того, чтобы явилось что-то небывало новое.

Так, через скудную трапезу в пути или в домашних условиях прорастает новое понимание общения — то, что получит окончательное раскрытие на Тайной вечере и станет церковным Таинством Евхаристии.

Притчи. Обращаясь к людям со словом, Иисус проявлял себя искусным оратором и рассказчиком, используя самые различные формы, жанры и приемы устной речи. Прежде всего это те формы, которые сложились в богатой многовековой традиции пророков и мудрецов Израиля. Среди прочего это были, например, притчи.

В Ветхом Завете притчи (евр. *mashal*, мн. ч. *meshalim*) были необыкновенно широкой и эластичной формой речи мудреца. Это и поговорки, и метафоры, и сатирические стишки, и аллегории. Например, пророк Исайя аллегорически уподобил Израиль винограднику, который перестал приносить плоды (Ис. 5:1–7).

Говоря притчами, Иисус был далек от того, чтобы рассказывать приятные остроумные истории. Чаще всего Его притчи звучали опять-таки неожиданной и жесткой критикой того религиозного мира, к которому принадлежали Его слушатели.

При этом, при всей укорененности в библейской традиции, притчи Иисуса представляют собой в высшей степени самобытный феномен. Так, в Ветхом Завете и в литературе междузаветного иудаизма мы встречаем притчи, скорее напоминающие басни, в которых в качестве дей-

ствующих лиц выступают растения или животные (Суд. 9:8–15; 4 Цар. 14:9; Иез. 17:3–8; 31:3–14; 3 Езд. 4:13–21). Но Иисус вообще не использует подобные аллегории. В Его притчах *всегда* главными героями являются только *люди*.

Более того, притчи Иисуса совершенно не похожи на какой-нибудь специальный вымысел с увлекательным сюжетом. Все очень обычно и знакомо: сеятель сеет семя, рыбак закидывает сети, женщина ищет потерянную монету. А фарисей заходит в храм, чтобы, «как у себя дома», совершить привычную уставную молитву. Разве что в притче о блудном сыне разворачивается настоящая драма. Не случайно это, наверное, самая богатая смыслами, поразительная и известная евангельская притча.

Некоторые притчи сказаны так, чтобы человек был *сейчас же* поставлен перед выбором, причем неожиданно и в результате диалога. Яркий пример — притча о милосердном самарянине, когда, вопрошая Иисуса «*а кто мой ближний?*» (Лк. 10:29), Его собеседник вынужден сам ответить на этот вопрос. Причем вразрез с общепринятым и собственным религиозным представлением. Ведь ближним «оказался» самарянин, а вовсе не священник и левит, то есть те, кого полагалось считать ближними.

С другой стороны, при всей понятности и образной выразительности притч уже манера Спасителя говорить притчами вызывала у Его учеников вопрос: «*Для чего притчами говоришь им?*» (Мф. 13:10). А Сам Он усугублял интригу, заканчивая притчи словами: «*Кто имеет уши слышать, да слышит!*», как будто речь идет о какой-то сокрытой тайне. Обращаясь же к ученикам, Он говорил: «*Вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах*» (Мк. 4:11).

Дело в том, что проповедь о наступлении Царствия Божия (а это, как уже говорилось выше, суть вести Иисуса) может быть воспринята только обратившимся и верую-

щим сознанием. Это некая тайна, которая сокрыта для «внешних», то есть для тех, кто не хочет обратиться и уверовать. Притчи, подкупающие своей доступностью и наглядностью, парадоксально оказываются барьером, «шифром», «загадкой», преодолеть, разгадать, понять, «прочитать» которые можно только при условии веры.

С одной стороны, они обращены ко всем, в том числе и сейчас. Притчи, наверное, являются самым общеизвестным евангельским материалом. Вряд ли кто не знает притчу о блудном сыне (например, благодаря полотну Рембрандта в Эрмитаже). А такое выражение, как «зарыть талант в землю», стало общеупотребительным достоянием языка. И в то же время притчи являются «надежной защитой» той евангельской сути, к которой можно прийти лишь при условии веры.

Толкование Закона. Как и в случае с притчами, Иисус действовал, казалось бы, на хорошо знакомом всем поле. Он настаивал на исполнении Закона Моисеева, так как Закон был (и остается) выражением воли Бога. Особенно это подчеркивается в иудео-христианском Евангелии от Матфея: *«Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или Пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из Закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном»* (Мф. 5:17–19).

Во многом Иисус вел Себя вполне в соответствии с общепринятыми правилами и обычаями, основанными на Законе. Хотя Он и не имел формального образования и не был книжником, Его называли «Равви», то есть «Учитель». Он проповедует в синагоге во время богослужения (Лк. 4:16).

Он вступает в споры. А споры были распространенной формой обнаружения того или иного нового толко-

вания, которое впоследствии становилось общим достоянием. Таковы были, образно говоря, «правила игры» или «законы жанра».

Но, вместе с тем, в своих речах и спорах Иисус выходил далеко за пределы этих правил и обычаев, принятых в спорах. Он выступал с новым словом, которое, зачастую, было резкой критикой общепринятого толкования и исполнения Закона. Это и стало в конечном итоге одной из главных причин, по которым было решено «*погубить Его*» (Мк. 3: 6).

Новизна состояла как в углублении толкования тех или иных заповедей в область сердечных помышлений (таких как «не убей», что истолковывается Иисусом и как запрет на гнев, Мф. 5:21–22), так и попросту в отмене некоторых из них (о клятве, Мф. 5:33-37; о разводе, Мф. 5:32, Лк. 16:18).

Имея много общих черт с ветхозаветными пророками, Иисус в чем-то и отличался от них. Он возвещал новое совсем не так, как пророки, которые всегда начинали свою речь словами: «*И было слово Господне ко Мне...*» или «*Так говорит Господь...*»

Иисус говорил прямо, уверенно, безапелляционно и торжественно: «*а Я говорю вам...*», в каком-то смысле противопоставляя Свои повеления заповедям Закона. Не менее уверенно звучало и Его «*Аминь говорю вам*». Такая форма речи («аминь» не как подтверждающий ответ *в заключение*, а как *начало*, введение к новому высказыванию) не встречалась более нигде и никогда раньше и, согласно выводам исследователей, считается исключительной, беспрецедентной характерной чертой речи Самого Иисуса. Это тем более удивительно, что перед нами иноязычное (семитское) слово, оставленное в греческом тексте без перевода².

² Славянский перевод, как и греческий, сохраняет «аминь» без перевода («аминь глаголю вам»), тогда как русский синодальный перевод

Дела (чудеса-знамения). Христос проповедовал о наступлении Царствия Божия не только словами, но и делами. Мы привыкли называть их чудесами. В самом деле, читая о том, как Христос исцеляет безнадежно и неизлечимо больных, умиряет бурю на море, умножает хлебы, вполне логично назвать эти деяния чудесами. И все-таки этот русский термин не вполне точно отражает суть и значение того, что делал Иисус. Более того, если русское слово «чудо» означает прежде всего что-то удивительное, непонятное, необъяснимое, то такой смысл не свойственен соответствующему евангельскому термину на языке оригинала, греческом. Главный вопрос относительно так называемых «чудес» ставится в Евангелии совершенно в другой плоскости, нежели как стремление понять и объяснить, *как* то или иное «чудо» сотворил Иисус.

Нам это станет более понятно, если мы уделим некоторое внимание чисто филологической стороне вопроса.

В греческом языке существует слово для обозначения того, что мы называем чудом, — *thauma*. Однако в греческом тексте Евангелий для обозначения дел Иисуса это слово не используется ни разу! Евангелисты пользуются другими терминами — *dynamis* (буквально «сила», «могущество») и *simeion* («знак», «знамение»). В этом отношении славянский перевод явно более близок по смыслу к греческому тексту, чем русский синодальный перевод.

Итак, все Свои дела Иисус творит не для того, чтобы вызвать удивление или произвести впечатление (хотя зачастую так и происходит — в завершение рассказа о том или ином «чуде» Евангелия описывают реакцию людей — «дивились», «изумлялись» и т.п.), а для того, чтобы вызвать вопрос: что это означает и кто Он такой? Его дела стали наглядной проповедью (на языке результативных дей-

дает «истинно (говорю вам)», что, конечно, оправданно с точки зрения миссионерско-катехизаторских задач, но все-таки является отклонением от оригинальной специфики евангельского текста.

ствий) о наступлении Царствия Божия и о том, Кто есть Сам Иисус по отношению к этому Царствию. И если перечислять все дела Иисуса, то *«и самому миру не вместить бы написанных книг»* (Ин. 21:25) — ведь эти дела продолжают-ся до сих пор!

Глава 4

ЕВАНГЕЛИЕ.

КРЕСТНАЯ СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ ИИСУСА ХРИСТА

Установление Нового Завета. Сделав все возможное на пути собирания заново народа Божия, в кульминационный момент, когда предстояло свершиться главному часу Иисуса — сначала Его Голгофе, ставшей для одних соблазном и поводом окончательно разувериться в Нем, а для других печальным, тягостным, но, кажется, неминуемым и таким жестоким часом прощания, Голгофе, из которой затем выросла слава Воскресения, — буквально накануне этого часа по иудейскому обычаю предпасхального вечера Иисус собрал Двенадцать для праздничной трапезы.

Эту последнюю трапезу Господа с учениками мы обычно именуем «Тайной вечерей». Тайная — в смысле «закрытая»: ведь праздник был или семейным, или в кругу учеников со своим учителем.

Порядок Вечери был издавна выработан, богат деталями, но хорошо известен всем правоверным иудеям, которые ежегодно тысячами стекались в Иерусалим на Пасху. Иисус и Его ученики ничего здесь не изобретали и не могли изобретать нового. Вопрос, обращенный к Иисусу: «*где велишь нам приготовить Тебе пасху?*» (Мф. 26:17), то есть Пасхальную трапезу, подразумевает, что за исключением лишь этого самого «где?» все остальное ясно, ибо давно известно.

Вечеря состояла из целого ряда молитв, простейших (ибо дело происходило не в храме, а дома), но в то же время символических священнодействий и яств, само вкушение

которых тоже имело ритуальный характер. Здесь чередовались питье смешанного с водой вина и вкушение горьких трав, опресноков и Пасхального агнца. В течение всей Вечери глава семейства или учитель поднимал, благословлял и предлагал всем по очереди до пяти чаш.

Через все молитвы, благословения и псалмы лейтмотивом проходило благодарственное и хвалебное (в честь Бога) воспоминание об Исходе из Египта как о событии, ознаменовавшем избрание Израиля в Завет с Богом. Таков был главный смысл праздника Пасхи. Ведь именно по Исходу из Египта Господь заключил с народом Израиля Завет, который Моисей скрепил кровью жертвенных тельцов, сказав:

«Вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих» (Исх. 24:8).

Христос полностью совершил такую законную Вечерю со Своими учениками. Евангелисты ничего не говорят о ходе традиционной трапезы, который был сам собой разумеющимся. Но вот о чем они сообщают, так это о том, как, не нарушая общего хода трапезы, Христос позволил Себе целый ряд новшеств. Они и наполнили всю трапезу неожиданным иным содержанием.

Эти новшества касались не внешней стороны происходящего: все те же хлеба (опресноки, часть которых съедалась в начале, а часть оставлялась до конца трапезы), все те же чаши с вином. В конце ужина, «после вечери» (1 Кор. 11:25; Лк. 22:20) съедались остатки хлебов и поднималась последняя чаша. Новшеством стал тот словесно-молитвенный комментарий, которым Христос сопровождал традиционные действия. Благословив хлеб и вино, Он произнес слова, ставшие установительными словами Евхаристии о том, что хлеб сей, преломленный и напоминающий «ломимое», то есть страдающее тело, есть Тело Его, а вино в чаше есть Его Кровь Нового Завета.

Эти слова сохранились в Новом Завете в нескольких немногих отличающихся друг от друга версиях: Мф. 26:26–28; Мк. 14:22–24; Лк. 22:19–20; 1 Кор. 11:23–26. Небольшая разница в редакциях слов Иисуса свидетельствует лишь о том, что они по-разному сохранились через устное предание и уже стали приобретать богослужебные черты. Сюда же нужно отнести и слова Иисуса, сказанные в Евангелии от Иоанна в ином контексте о хлебе, который есть Его «плоть» (Ин. 6:51).

Произнося слова о Новом Завете, Господь, с одной стороны, целиком оставался в контексте темы Пасхального праздника, ибо ветхозаветная Пасха входила в число праздников-воспоминаний о заключении Богом Завета с Израилем. С другой стороны, речь шла о заключении Завета заново: с тем самым новым Израилем, который и собирал Иисус. Но и здесь, устанавливая Новый Завет, Он исполнял пророчества и отвечал всеобщим чаяниям и ожиданиям. Так, еще в VI веке до Р.Х., когда Израиль находился в Вавилонском плену, пророк Иеремия возвестил о том, что Бог заключит со Своим народом «новый завет» (см. Иер. 31:31–34). Во времена Иисуса Христа, когда эсхатологические и апокалиптические ожидания до предела обострились, понятие «Новый Завет» было особенно в ходу. Об этом говорят, например, дошедшие до нас писания наиболее остро эсхатологически настроенных ессеев.

Смерть и Воскресение Иисуса Христа. *«Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего»* (Мф. 26:29).

Столь уверенное пророчество Христос произнес сразу вслед за словами о Хлебе и Чаше — Его Теле и Крови Нового Завета. Установление Нового Завета здесь напрямую увязывается с Его предстоящей смертью.

Свою смерть Он не раз так или иначе предрекал и раньше. И имел в виду не смерть вообще — ибо смертен каждый человек, — а такую смерть, которая станет знамением и путем, вратами к Новому Завету, к торжеству Царствия Божия. А значит, к явлению божественной славы Сына Человеческого.

Предсказания Иисуса Христа о Его грядущей мученической смерти вызывали у учеников то недоумение, то стремление избежать такого грустного конца (Мк. 8:32 и др.). Но чем дальше, тем больше у них было оснований убедиться, что дело кончится именно таким, самым ужасным образом (ср. Мк. 10:32; Ин. 11:16).

Однако подлинный смысл слов о смерти Христовой (в том числе и тех новых слов, которыми Иисус наполнил традиционный Пасхальный обряд) мог дойти до учеников лишь потом: после того, как они успели о них как будто забыть. В самом деле, их сознание заполнила лишь одна страшная картина: Иисус, их Учитель, схвачен и осужден, и Его обезображенное Тело, не имевшее *«ни вида, ни величия»* (ср. Ис. 53:2), истекало кровью в страшных муках на Кресте.

Но как выяснилось впоследствии, эти минуты и часы на Голгофе были необходимым испытанием веры и верности учеников, «Пасхой», прехождением Иисуса из одного качества жизни к другому. А с Ним вместе и прехождением учеников из одного качества веры к другому. Именно этим страшным Голгофским мгновениям и предпосылал Иисус слова о Теле и Крови Нового Завета на Тайной вечере.

Новый Завет не только провозглашен Иисусом на Тайной вечере, после чего кровь Христова действительно истекает, а Его тело страдает, «преломляется» на Кресте. Новый Завет наступает, реализуется тогда, когда ученики не находят своего Учителя среди мертвых — там, где они

Его погребли: «Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал» (Ин. 20:8).

Вера в Новый Завет проходит испытание в сердцах ближайших учеников. Петр, трижды отречшийся от своего Учителя в час суда над Ним, трижды прощен Им по Воскресении (Ин. 21:15–17). Новый Завет, заключенный в Крови Христовой, становится Заветом с Церковью — с новым народом Божиим. Церковь так и сохранила это первичное (как некое «родимое пятно») самоощущение или восприятие самой себя как собрания *прощенных*, то есть тех, кого помиловали после отречения и неверности. Причиной же этого помилования была и остается безмерная любовь Того, Кого предали и от Кого отреклись.

В этом и заключается то искупление или спасение, которое всем нам даруется во Христе Иисусе, Господе нашем.

Воскресение Иисуса Христа и даже явления воскресшего Иисуса (ведь в Евангелиях описано не само Воскресение, а явления Воскресшего) не могут быть подвластны такому же критическому историческому исследованию, какому могут быть подвергнуты проповедь и дела «земного», если угодно, «исторического» Иисуса до Воскресения. Но из этого не следует, что Воскресения не было. Скорее, Воскресение или «иного жития, вечного, начало» — событие, превосходящее сей мир со всеми его неотъемлемыми материальными характеристиками, такими как пространство и время. Это не оживление мертвеца, который впоследствии все равно должен умереть. Это нечто абсолютно новое.

Здесь интересна чисто терминологическая сторона. Еще апостолы, в частности евангелисты, были озабочены проблемой невыразимости Воскресения Иисуса с помощью имеющихся языковых средств. Ведь они выработаны чело-

веком только на основании земного, исторического опыта. Вот и приходилось, за неимением других, применять термины «ожил», «явился живым», «восстал», «воскрес из мертвых» и т.п. Наряду с этими терминами, составляющими ряд в плоскости «смерть/жизнь», в Евангелиях используется и другой ряд, в плоскости «низ/верх»: «восхождение на небо», «вознесение». Сюда же можно отнести и термин «прославление».

В том, что речь идет о чем-то невыразимом, неопиcуемом, но реальном и увиденном учениками, убеждает целый ряд обстоятельств.

Например, предание о пустой гробнице, где не было обрeтено тело погребенного Иисуса. Но как по-разному оно отражено в Евангелиях от Марка и от Иоанна (Мк. 16:1-8; Ин. 20:1–10)! Ап. Павел с чувством «документальной ответственности» говорит о людях, которым явился воскресший Христос (1 Кор. 15:5–7).

Или хотя бы тот факт, что среди свидетелей воскресения первыми оказались те, кто, будучи учениками Иисуса, отреклись от Него в час распятия, рассеявшись, как овцы без пастыря. Наконец, и то, что ученики, которые не могли *«не говорить того, что видели и слышали»* (Деян. 4:20), то есть о Воскресении Иисуса, были не какими-то безграмотными простаками или фанатичными безумцами, а людьми если не богословски образованными, то укорененными в религиозной традиции, трезво взиравшими на мир с его сильными и слабыми сторонами и умевшими использовать эти стороны (см., например, восхитительные по остроумию и прагматичности «ходы» ап. Павла в Афинах, Деян. 17:22–23, или перед Синедрионом, Деян. 23:6–7) и при этом готовыми умереть за правдивость своих свидетельств и истинность своей веры.

Отношение же к Воскресению Иисуса Христа всех тех, кто жил после апостолов, в том числе и современных чи-

тателей Евангелия, зависит от того, верить или не верить всей совокупности столь различных свидетельств, верить или не верить тому опыту, который был пережит в те годы многими людьми и который им было так трудно выразить адекватно: *«Блаженны невидевшие и уверовавшие»* (Ин. 20:29).

Глава 5

ПЯТИДЕСЯТНИЦА. РОЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ. ВВЕДЕНИЕ В ЭККЛЕСИОЛОГИЮ

Господь Бог создал мир и человека не только ради их бытия самого по себе, но для того, чтобы они могли приобщиться Его божественной жизни посредством благодати или божественной энергии. Церковь есть Богочеловеческий организм, предустановленный от начала мира — единство тварного и нетварного бытия. Даже грехопадение человека не смогло помешать Замыслу Божию о Церкви как полноте бытия. Онтологическая порча была преодолена в искупительном страдании Богочеловека, в победе Жизни над смертью. Благодаря подвигу Христа верующие в Него могут войти в Царствие Небесное — Церковь — «Полноту Наполняющего все во всем»: *«безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которую Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем»* (Еф. 1:19–23).

В своем историческом бытии Ветхозаветная Церковь всегда была христоцентричной, ибо жила верой в обетование о воплощении Спасителя мира. Так было во времена: от Адама до Ноя, от Авраама до Моисея, от Давида до пришествия Сына Человеческого.

Некоторые ветхозаветные пророчества, предвосхищая Новозаветную Пятидесятницу, однозначно указывают на особенность новозаветной Церкви как создаваемой и наполняемой благодатью Святого Духа:

«Еще раз, и это будет скоро, Я потрясу небо и землю, море и сушу, и потрясу все народы, и придет Желаемый

всеми народами, и наполню дом сей (храм) славою, говорит Господь Саваоф... Слава сего последнего Храма будет больше, нежели прежнего» (Агг. 2:6–9).

«Вот Муж, — имя Ему Отрасль, Он произрастет из Своего корня и создаст Храм Господень, ... будет и священником на престоле Своем» (Зах. 6:12–13). Согласно этому пророчеству Захарии Мессия должен был создать Храм Господень. Здесь речь идет о создании не каменного (который не мог бы вместить все народы), но духовного храма — Церкви верующих. Ведь Бог обитает в душах верующих, как в храме (Лев. 26:11–20).

А пророк Иоиль предвозвещает новозаветную Пятидесятницу очень определенно: *«И узнаете, что Я посреди Израиля, и Я — Господь Бог ваш, и нет другого, и Мой народ не посрамится во веки. И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения» (Иоиль 2:27–28).*

Многие богословские идеи и события христианской эпохи явились осуществлением ветхозаветных прообразов и предзнаменований. Ветхий Завет был необходим, чтобы подготовить в человечестве почву для принятия Нового Завета и христианского благовестия. Поэтому совпадение названия церковного праздника Пятидесятницы с ветхозаветным неслучайно: христианская Пятидесятница явилась осуществлением прообраза, который был дан в Ветхом Завете.

В ветхозаветном годовом цикле выделялись три главных праздника: Пасха, Пятидесятница и праздник Кущей. Ветхозаветная Пасха стала прообразом Пасхи новозаветной. Первая была воспоминанием об исходе израильского народа из египетского рабства, а вторая стала праздником победы Христа над узами смерти и освобождения уверовавших в Него из рабства греху. Аналогично произошло и с Пятидесятницей, которая из праздника отдельного народа превратилась в торжество для всего человечества.

Ветхозаветная Пятидесятница — воспоминание о даровании Закона народу Израиля. Новозаветная — день, в который через дарование человечеству Святого Духа совершилось дело спасения всего человеческого рода.

Ветхозаветную Пятидесятницу праздновали на 50-й день, то есть спустя семь недель после Пасхи (можно отметить, что семинедельные циклы имели особое значение в ветхозаветном календаре). Христианская Пятидесятница тоже отмечается на 50-й день после дня Воскресения Христова.

Важно понимать, что Пятидесятница — ключевое событие в истории человечества, увенчавшее дело спасительного домостроительства Божия. Отправляясь на Свои Крестные страдания, Господь Иисус Христос сказал ученикам: *«Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам»* (Ин. 16:7).

Таким образом, именно в сошествии Святого Духа на апостолов состоялось исполнение земного служения Христа. С момента Пятидесятницы начинается качественно иная эпоха существования человечества, когда люди, уверовавшие во Христа, образуют церковное сообщество, мистическое тело Церкви, в котором живет Святой Дух.

Во время празднования ветхозаветной Пятидесятницы Господь Иисус Христос призвал людей к богообщению через принятия дара Духа Святого:

«В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него: ибо еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен» (Ин. 7:37–39).

Господь Иисус Христос дает своим ученикам обетование о Духе Святом в своей напутственной беседе:

«Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам.

Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам» (Ин. 16:12–15).

Исполнение обетования о Духе Утешителе:

«При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деян. 2:1–4).

После благодатной проповеди апостола Петра община апостолов стала христианской Церковью:

«Итак охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч. И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах. Был же страх на всякой душе; и много чудес и знамений совершилось через Апостолов в Иерусалиме. Все же верующие были вместе и имели всё общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2:41–47).

В связи с этим можно сделать широкое культурологическое и социологическое обобщение, связанное с проблемой единства человечества и различных утопий, с ней связанных: важно понимать и помнить, что только благодать Святого Духа может дать подлинное единство разрозненному человечеству. Ибо Он есть «Царь небесный, Утешитель, Дух Истины, вездесущий и все наполняющий, Сокровище всех благ и Податель Жизни, Очищающий души от всякой скверны».

О единстве в Духе Христовом говорят следующие цитаты: *«все небесное и земное соединить под главою Хри-*

стом» (Еф. 1:10); «одно тело и один дух» (Еф. 4:4), «так мы, многие, составляем одно тело во Христе» (Рим. 12:5), «ибо все мы одним Духом крестились в одно тело... и все напоены одним Духом... Членов много, а тело одно... Вы — тело Христово, а порознь — члены» (1 Кор. 12:13, 20, 27).

Жительствова в Церкви как ее живая частица, христианин подлинно живет Самим Господом Христом, Главой Церкви, «от которой все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим» (Кол. 2:19).

Об этом согласии, которое дается благодатно любящим Бога и человека, говорят тропарь и кондак праздника Пятидесятницы:

Тропарь

Благословен Ты, Христе Боже наш, явивший премудрых ловцов [человеков], ниспослав им Духа Святого, и через них привлечший всю вселенную, Человеколюбче, слава Тебе.

Кондак

Некогда, сойдя, Ты смешал языки и разделил народы, Вышний; когда же языки огненные раздавал, то призвал в соединение всех, и [теперь] согласно славим Всесвятого Духа.

Но, даже пребывая в Церкви и участвуя в спасительных таинствах, мы постоянно рискуем оказаться недостойными осенения благодатью Святого Духа по причине нашего недолжного устройства. Бог милостив и подает нам щедро по всякой потребности, но самый высший дар Его — благодать Святого Духа («Бог есть Дух»), и что может быть дороже и достойнее, нежели приобщение его Святой Жизни?

С пришествия же Святого Духа начинается личное участие Бога в жизни каждого человека, уверовавшего во Христа и вступившего в Церковь. Это крайне важно. Бог должен действовать в каждом. Благодаря принятым нами Крещению и Миропомазанию, в каждом из нас действительно присутствует Сам Бог — Дух Святой. Апостол Павел пишет

христианам: *«Вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас»* (1 Кор. 3:16). Если бы не произошло Пятидесятницы, если бы люди не уверовали во Христа, Бог не мог бы действовать в них так, как Ему было угодно. Христос стал для нас *«Первенцем из умерших»* (1 Кор. 15:20), освободившим человеческую природу от рабства греху, и после Его Воскресения в искупленных Христом людях, свободно захотевших этого, стало возможным действие Божие. Спасительное домостроительство Христово дало возможность человечеству, добровольно отдавшему себя в рабство греху, вернуться к замыслу Творца о нем без нарушения принципа свободы, который есть великий дар Божий и великая тайна.

Конечно, отчасти действие Бога в людях осуществлялось уже в ветхозаветные времена. Сам Бог обращался к Своему народу устами пророков. Христианам очевидно, что во пророках действовал Святой Дух (1 Петр. 1:21). В Священном Писании Ветхого Завета встречаются упоминания о Духе Божием и даже Духе Святом. Однако Ветхий Завет еще не мог вместить учение о Боге, Едином в Трех Лицах, поэтому эти упоминания были лишь предзнаменованием христианского учения об Ипостаси Святого Духа.

Возникает вопрос о том, почему до Распятия и Воскресения Христова Бог не мог действовать в людях, хотя при этом действовал, например, через пророков. И почему при этом пророки, в которых действовал Сам Бог, все равно, как и другие люди, попадали в ад. Это — тайна, мы можем сказать только, что таково было устройство Божие о мире, что даже самые святые и праведные люди Ветхого Завета нуждались в Пришествии Христовом.

В Новом Завете Святой Дух сходит уже на всех уверовавших во Христа. Он может действовать различно: кому-то Он подает дар пророчества, кому-то — учительства, кому-то — чудотворения (1 Кор. 12), но действует Он в каждом из нас. При этом особое значение имеет дар исповедания христианами своей веры. Господь Иисус Христос, обращаясь к Своим ученикам, большинство из которых впоследствии

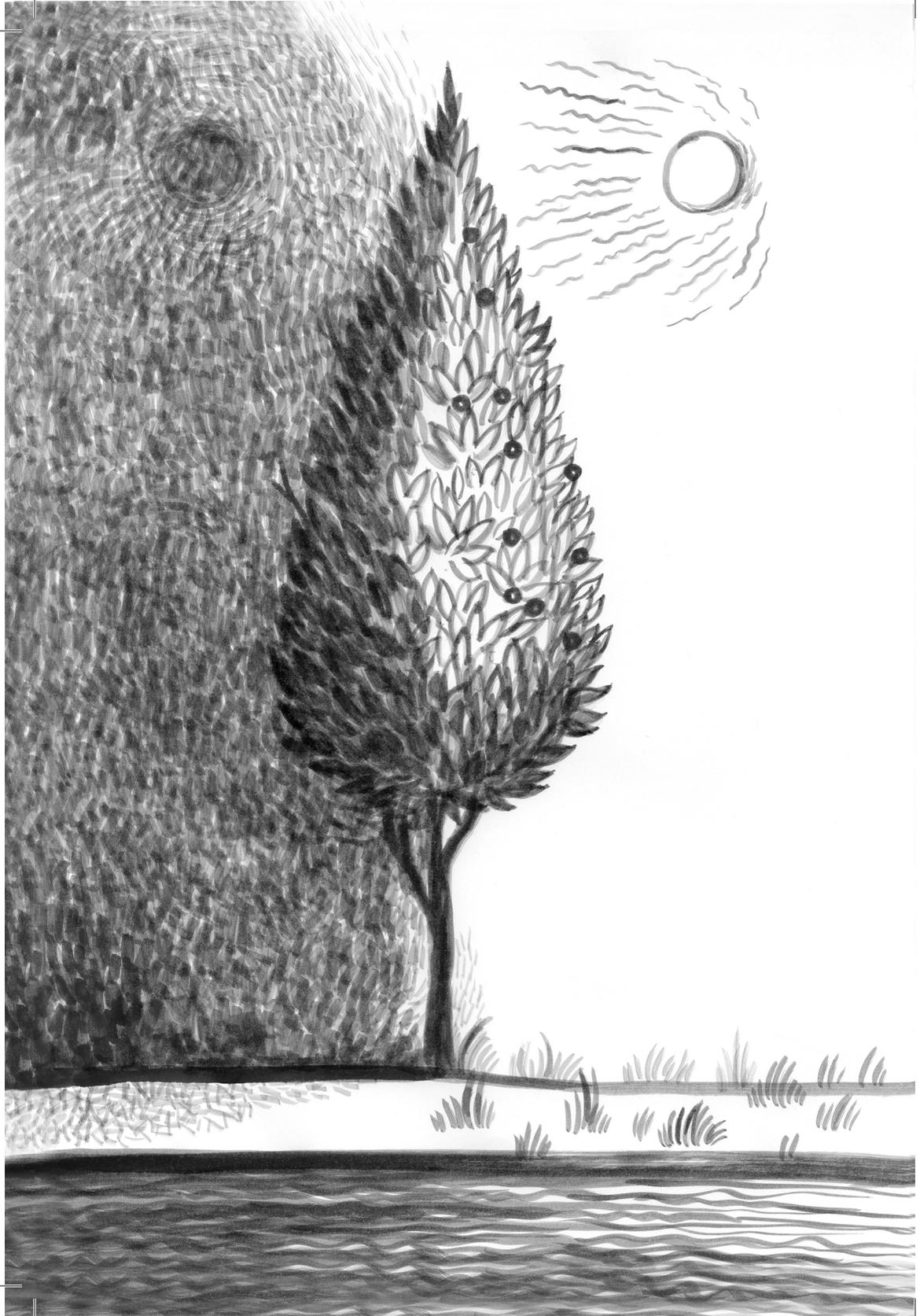
приняли мученическую смерть, сказал: *«Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас»* (Мф. 10:19–20). А апостол Павел прибавляет: *«никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым»* (1 Кор. 12:3; ср.: 1 Ин. 4:2–3). Не зря важнейшим знаком сошествия Святого Духа на апостолов стало то, что они внезапно начали разговаривать на языках различных народов, к которым вскоре и отправились на проповедь Христа.

Эта же мысль о связи между словом пророчества и проповеди и действием Святого Духа отражена в Символе Веры. Святой Дух назван здесь «Господом», то есть «Богом»; «Животворящим», то есть Подающим жизнь; «спокланяемым и сславимым» с Отцом и Сыном, то есть Принимающим равные с Ними почести; «исходящим от Отца»; и, наконец, «глаголавшим пророки», то есть говорившим через пророков.

В учении о Святом Духе принципиально важно, что Православие исповедует Духа Святого как Исходящего «от Отца», но не «от Отца и Сына», как говорится в Символах Веры западных христиан. Нередко в западном богословии можно встретить мысль о том, что Святой Дух — это некая сила, действующая между Отцом и Сыном (скажем, «любовь между Отцом и Сыном»). Это превращает Святого Духа из Третьего Лица Троицы в нечто безличное, почти что атрибут Божества.

Важно отчетливо понимать, что согласно православному учению Святой Дух — не модус или функция Божества, не некое благостное настроение и даже не благодать или энергия Божии. Святой Дух — это Сам Бог, Третья Ипостась Пресвятой Троицы, равная Двум другим — Отцу и Сыну. Бог — один, и в Нем — три Лица, Одно из Которых — Дух Святой.

Именно Господь Дух Божий устроит Церковь Христову в «полноту Наполняющего все во всем». И именно поэтому день новозаветной Пятидесятницы именуется также днем Святой Троицы.

Глава 6 ПОКАЯНИЕ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СПАСЕНИЯ

Понимание своей неправоты, исправление ошибок или, иными словами, угрызения совести, раскаяние, покаяние, исповедание своих грехов, испрашивание прощения у того, перед кем согрешил, — это норма человеческого общения, ведь понимание своих ошибок и исправление их — естественное действие воли, души и ума. Еще древние римляне говорили, что «человеку свойственно ошибаться, но только глупец упорствует в своих ошибках».

Во многих культурах мира стремление к честному, благородному, нравственному идеалу человека было своего рода отчаянной попыткой спасти себя от лжи, неправды, лицемерия и всякой нечистоты в мыслях, чувствах, помышлениях и делах. Но спасти себя без Бога, без Его благодати, без освящающей и укрепляющей силы онтологически было невозможно.

Поэтому все эти величественные попытки нравственного исправления, будь они под ветхозаветным законом или под законом совести, написанном в сердце каждого человека (ср. Рим. 2:1–16), были своего рода «осолением» человечества, останавливающим процесс духовного гниения и разложения, но не могущим сообщить ему жизнь вечную через обожение. Только вочеловечение Бога, взявшего на себя наши грехи и победившего грех, смерть и тление, открыло нам возможность приобщения благодати Христовой и вхождения в Царствие Небесное через покаяние и крещение, то есть через со-умирание со Христом для греха и со-воскресение с Ним для обновленной жизни в Духе Святом. При этом нужно понимать, что плоды этого спа-

сения распространились силой Божией на всех праведников, живших до боговоплощения и чаявших Христова утешения.

Иными словами, христианское понимание покаяния сугубо христоцентрично. В свете события Боговоплощения и его плодов всякий нравственный закон может быть только начальным основанием для принятия призыва *«Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное»* (Мф. 3:2; 4:17).

Кроме того, христианское понимание покаяния основано на непосредственном установлении этого Таинства Господом Иисусом Христом.

Конечно, милость Божия велика и Он может простить грешника на всяком месте, видя его искреннее покаяние, молитву, исправление и добрые дела. Но если крещеный человек по каким-то причинам начинает игнорировать церковные Таинства, то он, как бы испытывая милосердие Божие, рискует незаметно «расцерковиться» и утратить то, что получил по милости Божией. Поэтому никакое домашнее покаяние «в душе» не может быть самодостаточным действием для спасения человека, а является одним из событий его духовной жизни, ведущим его к церковному Таинству, ибо в Церкви действует Сам Господь Иисус Христос: *«...и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах»* (Мф. 16:18–19).

Иными словами, по своему началу покаяние, как и другие Таинства Православной Церкви, есть учреждение Божественное. Благодать вязать и решить грехи была сперва обещана апостолам Иисусом Христом еще во время Его земной жизни (*«Истинно говорю вам: что вы свя-*

жете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 18:18)), а затем была преподана апостолам и их преемникам по воскресении Христовом: «Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20:21–23). Здесь благодать и власть вязать и решить грехи названа Духом Святым, и, таким образом, разрешение или удержание их представляется делом Божиим. Поэтому покаяние и именуется Таинством Церкви.

Итак, главной вестью Нового Завета и главным отличием христианского учения о покаянии является весть о прощении грехов через Иисуса Христа. *«И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима» (Лк. 24:46–47).*

В то же время в Евангелии мы видим встречу ветхозаветного и новозаветного учения о покаянии.

Из евангельского повествования видно, как учение о покаянии Иоанна Крестителя вобрало в себя элементы ветхозаветного покаяния: кроме сожаления о грехах и обращения к Богу, иудеи приходили к Иоанну, *«исповедуя грехи свои» (Мф. 3:6)*, а сам Иоанн давал пример внешнего выражения покаяния через облачение в грубую одежду и постоянный строгий пост (Мф. 3:4). Результатом покаяния, по его мысли, должно было стать делание добрых дел: *«сотворите же достойный плод покаяния»* — обращается Иоанн Креститель к фарисеям и саддукеям (Мф. 3:8). Он учит о том, что Сам Бог приготовил суд тем, кто не желает обратиться: *«Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают*

в огонь» (Мф. 3:10). Есть у него и учение о благодатном очищении Богом раскаявшегося, принявшие обращение через него, Иоанна Крестителя, выразили это через погружение в воду, а грядущий за ним Мессия очистит обратившихся к Нему *«Духом Святым и огнем»* (Мф. 3:11).

Вспомним, как описывается в Ветхом Завете внешнее выражение покаяния: раздирание своих одежд и облачение во вретиче, то есть грубую одежду простой формы наподобие мешка, сделанную из козьей шерсти (3 Цар. 21: 27; Иоиль 1:13; Иона 3:6; Неем. 9:1 и др.); сидение либо возлежание в пепле или посыпание им своей головы (Ис. 58:5; Неем. 9:1; Дан. 9:3; Есф. 4:3 и др.). Пост и вретиче как проявления покаяния были известны и за пределами Палестины, что видно из повествования книги Ионы, где описано, как раскаявшиеся ниневитяне наложили пост и вретича не только на себя, но и на свой скот (Иона 3:7). Одним из важнейших проявлений покаяния было публичное исповедание грехов пред Господом. Это могло быть исповедание всего народа, как, например, при Самуиле, когда народ раскаялся в идолопоклонстве (1 Цар. 7:6), при Неемии, в момент возобновления Завета, когда сыны Израилевы *«встали и исповедывались во грехах своих и в преступлениях отцов своих»* (Неем. 9:2), или же отдельных личностей — как покаянная молитва Даниила и песнь трех отроков, Седраха, Мисаха и Авденаго, вверженных в вавилонскую печь (Дан. 9:4–19; 3:25–90), — хотя и они раскаивались не в своих личных грехах, а в грехах всего народа.

Более того, в период царской власти пророки передают призыв к покаянию через символику, в которой отношения народа Израилева с Богом представлены то как брак, в котором Израиль оказался неверной женой (Ос. 1–3; ср. Иер. 1:16; 2:13; 5:7), то как восстание сынов на своего отца (Ис. 1:2). Эти образы были призваны подчеркнуть,

что грех является проявлением особого состояния измены Богу или даже ухода от Господа. Поэтому покаяние в пророческой литературе мыслится как возвращение с греховного пути к прежним, праведным отношениям с Богом, обусловленным Заветом с Ним. Неслучайно в древнееврейском тексте основным термином для выражения понятия покаяния является слово «шув», первоначальный смысл которого — «вернуться», «обратиться назад»; данное значение является доминантным для содержания ветхозаветного термина «покаяние».

Именно этот термин передается в Новом Завете греческим существительным «метанойя». Общее значение этих слов в древнегреческом языке и греческой литературе — «перемена ума», в более широком смысле — «перемена образа мыслей». Связь с ветхозаветным «шув» дополняет его значением «обращение (возвращение) к Богу», что и является главным смыслом «покаяния».

Только Господь может исцелить от грехов, поэтому Он и призывает человека к возвращению. Сама по себе нравственная и законническая праведность недостаточна. Нужно непосредственное действие Божие, но без нашего произволения, без обращения оно рискует остаться только в области призыва. Пророк Исайя говорит о том, что каждый человек согрешает перед Богом: *«Все мы сделались — как нечистый, и вся праведность наша — как запачканная одежда»* (Ис. 64:6). Причину согрешений и отсутствие покаяния пророк видит в злых привычках; но, лишая себя покаяния, народ лишает себя и очищения, даруемого Господом: *«огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их»* (Ис. 6:10). Если кто-то из грешников покается, Господь обещает ему полное и всецелое прощение и очищение от греха: *«если будут грехи ваши, как багря-*

ное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю» (Ис. 1:18). Ведь Господь желает только одного: чтобы человек жил.

«И ты, сын человеческий, скажи дому Израилеву: вы говорите так: “преступления наши и грехи наши на нас, и мы истаеваем в них: как же можем мы жить?” Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам, дом Израилев?» (Иез. 33:10–11).

Учение о покаянии Господа Иисуса Христа, так же как и у Иоанна Крестителя, предполагает полную перемену жизни человека для обращения к Богу, для новой жизни — жизни вечной. Принципиальное отличие учения Иисуса Христа от ветхозаветного и Иоаннова в том, что пророки и Иоанн Креститель, призывая к покаянию, в качестве конечной цели верующего указывали на Бога, оставаясь при этом лишь глашатаями Божиими. Христос, как воплотившийся Сын Божий, призывая в покаянии к Богу, призывает к Себе, и именно Он дает покаявшемуся новую вечную жизнь.

И если крещение Иоанна святой апостол Павел назвал *«крещением покаяния»* (Деян. 19:4), то Христово крещение требует покаяния лишь в качестве подготовительного этапа, само же по себе является вхождением в Царство Небесное и соединением с Богом во Христе, ибо оно дарует верующему в Сына Божия очищение от грехов и благодать Святого Духа (Мф. 3:11; Лк. 3:16; Деян. 1:5; 2:38; 22:16).

Учение о покаянии Господа Иисуса Христа имеет также конкретный, практический аспект: сожаление человека о соделанном грехе. *«Наблюдайте за собою, — поучает Христос. — Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему; и если покается, прости ему; и если семь раз*

в день согрешишь против тебя и семь раз в день обратится, и скажет: каюсь, — прости ему» (Лк. 17:3–4).

Христианское покаяние выражается в открытом исповедании своих грехов перед Богом и людьми. Зачастую, раскаиваясь в душе, человек бывает не в силах исповедовать свои грехи открыто в Церкви на таинстве исповеди и поэтому лукаво начинает себя убеждать, либо что у него нет грехов, либо что не хочет исповедоваться перед таким же грешным человеком. Тем самым он лишает себя спасительного действия благодати Христовой и показывает свое маловерие и нежелание быть последовательным христианином, как бы не доверяя Христу, который дал врачевание человеку через человека, предоставив возможность апостолам и их преемникам благодатью Божией «вязать» и «решить» человеческие грехи (Мф. 18:18; Ин. 20:23).

К сожалению, к таким людям могут быть отнесены эти слова: *«Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине; если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом, и Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха. Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды. Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас» (1 Ин. 1:6–10).*

Покаяние в грехах и их исповедание есть примирение с Богом. Именно поэтому апостол Павел называет свое служение служением примирения. *«Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения» (2 Кор. 5:18).*

Свидетельства о связи покаяния с внешним исповеданием грехов перед членами ранней Церкви можно найти

в книге Деяний апостольских и в послании св. ап. Иакова. Так, в первом тексте говорится о случае в Ефесе, когда *«многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои»* (Деян. 19:18). Во втором тексте содержится призыв св. ап. Иакова к христианам: *«Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного»* (Иак. 5:16).

Итак, христианское покаяние подразумевает два этапа. Первый — собственно покаяние. Человеку нужно покаяться, изменить желания, мысли, мировоззрение, но этого недостаточно. Второй этап — прощение его Богом. *«Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога»* (1 Кор. 4:5). Мы не должны никого ни судить, ни оправдывать — это дело Божие. Если видим что-то хорошее, то достойно произнести благодарение Богу; если видим что-то дурное, то милосердным будет помолиться о согрешающем, ходатайствуя пред Господом о его прощении. Но осуждать грешника означает не что иное, как самоутверждаться за счет его в своей мнимой праведности: *«Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и [Бог] даст ему жизнь, [то есть] согрешающему [грехом] не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился»* (1 Ин. 5:16). *«Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его»* (Рим. 14:4).

Можно сказать, что Таинство Исповеди включает в себя: молитву кающегося, раскаяние как сожаление о соделанном грехе, «перемену ума» как отказ от системы оправданий себя в грехах, получение прощения через ходатайственную молитву священника, а также твердое намерение

усовершенствования в добродетели — в противоположность дурному навыку.

Именно эту цель выполняет епитимия (по необходимости): укрепить человека в противодействии досаждающему ему греху и искушению. Епитимия употребляется в смысле научения избавляться от греха. Епитимию должен налагать священник, который знает человека, ее отменить может или сам наложивший епитимию, или правящий епископ. Формы епитимии могут быть разные.

Важно помнить об опасности искушения кощунством и хулой на Духа Святого: *«Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем»* (Мф. 12:31–32).

Несколько слов следует сказать об истории практики публичной и частной исповеди в Церкви.

Уже в апостольский век исповедание грехов, смотря по обстоятельствам, было или тайное, или открытое, публичное. Публичное покаяние требовалось от тех христиан, которые своими грехами производили соблазн в Церкви.

Исповедание грехов соединялось с духовными наказаниями, которые были трех видов:

1) лишение на определенное время права делать приношения и участвовать в причащении (назначалось за менее важные преступления);

2) за более важные грехи Церковь запрещала присутствовать на собраниях верующих, особенно при литургии;

3) высшей степенью наказания за грехи тяжкие (убийство, прелюбодеяние), соединенные с нераскаянностью, было исключение из числа верующих. Виновных епископ изгонял из собрания. И только если они высказывали ис-

креннее раскаяние, епископ, по ходатайству диаконов, позволял им посещать собрания верующих вместе с оглашенными, а потом допускал в число кающихся.

К концу первой половины III века публичное покаяние оформляется уже в виде особого, точно определенного правилами Церкви чина принятия в Церковь христиан, своими преступлениями расторгших с ней общение. Поводом к этому послужило гонение императора Декия. Во время тридцатилетнего покоя, предшествовавшего этому гонению, стало заметно ослабление первоначальной живой веры и чистой нравственности как в рядовых христианах, так и в церковном клире. Поэтому неудивительно, что в гонение Декия оказалось много падших (отрекшихся от Христа). Это немаловажное само по себе явление послужило началом спора о падших. Повод к возникновению этого спора подали отчасти сами падшие, думавшие недостаток покаяния восполнить свидетельствами исповедников, отчасти исповедники, без надлежащего внимания и разбора дававшие свидетельства, и, наконец, отчасти и сами пресвитеры, которые не всегда осторожно принимали падших в общение с Церковью. В Церкви Карфагенской и Римской в III веке возник даже раскол, произведенный Фелициссимом (в Карфагене) и пресвитером Новацианом (в Риме). Фелициссим образовал партию своих сторонников, стоявших за принятие всех падших без покаяния. Новациан же вдался в другую крайность, утверждая, что падших нельзя вовсе принимать в общение с Церковью, ибо тогда она перестала бы быть святою. На созванных при таких обстоятельствах Карфагенском и Римском Соборах было определено принимать в общение с Церковью чрез публичное покаяние тех отпавших от веры христиан, которые принесли жертву идолам или воскурили им фимиам, или же путем подкупа получили фальшивые свидетельства

о принесении ими жертвы идолам. Наконец, к этому классу были присоединены после гонения Диоклетиана предатели, выдававшие гонителям книги Священного Писания, церковные синодики (диптихи) и своих собратий христиан.

Все указанные лица, расторгшие общение с Церковью, если искренне желали снова возвратиться в Церковь, приходили к пресвитеру-духовнику с изъявлением своего желания. Духовник, убедившись в искренности желания пришедших, вносил имена их в церковный список для общего сведения и поминовения при богослужении, возлагал на них руки в свидетельство разрешения их от отлучения и принятия в число кающихся и отпускал их. Принятые таким образом в число кающихся, они пребывали потом вне церкви в подвигах поста, молитвы и милосердия. Являясь же в церковь, они должны были пройти четыре степени публичного покаяния (епитимии): плачущих, слушающих, припадающих и купностоящих.

Кающиеся плачущие могли входить только во внешний притвор (портик) храма, вне врат храма, где с плачем умоляли верных, и особенно предстоятелей Церкви, помолиться о них. Эта степень была подготовительной и как бы введением к собственно церковному покаянию.

Слушающим дозволялось входить во внутренний притвор храма, стоять вместе с оглашенными, слушать с верными пение и чтение Священного Писания и поучения в продолжение первой половины литургии, после чего они выходили вместе с оглашенными (Первый Вселенский Собор, 11 и 12 пр.).

Кающиеся третьей группы — припадающие — стояли в самом храме, в задней его части, и участвовали с верными в молитвах о кающихся, внимая им, падши ниц. По окончании этих молитв они, преклонив колена и получив благословение от епископа, удалялись из храма.

Купностоящие стояли с верными до конца литургии, не приступая только к Евхаристии (Первый Вселенский Собор, 11 пр.; Анкирский Собор, 4 пр.).

Во все продолжение времени, назначенного для исполнения епитимии кающимися, Церковь возносила за них молитвы в храме между литургией оглашенных и литургией верных (Лаодикийский Собор, 19 пр.). По содержанию своему они почти не отличаются от тех молитв, которые читаются в настоящее время пред исповедью. Одна из этих молитв сохранилась в (конце) литургии апостола Иакова, а другая — в Постановлениях апостольских (VIII, 9).

Заключительным моментом покаяния по исполнении епитимии было то, что прошедшие все степени покаяния, в более или менее продолжительное время, публично кающиеся исповедовали свои грехи пред всей Церковью во главе с епископом и получали разрешение, обыкновенно в четверг или пятницу Страстной седмицы, чрез возложение руки епископа и чтение разрешительной молитвы, и допускались к Евхаристии. Самое принятие кающихся в Церковь не только было общественным актом, но и входило в состав общественного богослужения и совершалось торжественным образом.

После окончания гонений Церковь в период мирного ее существования (в IV веке) распространила публичное покаяние не только за отпадение от веры, но и за другие преступления: идолопоклонство, блудодеяние, убийство, еретичество.

Наряду с публичным покаянием (общественным) в древней Церкви было в обычае и частное покаяние, или исповедание грехов пред одним только епископом или пресвитером. Оно совершалось по желанию кающегося и состояло в открытии грехов и разрешении их с молитвою и возложением рук. О частном покаянии говорят Климент Римский, Ориген, Киприан и др.

Практика публичного покаяния продолжалась в Церкви до конца IV века. При Константинопольском патриархе Нектарии (398 г.) была отменена должность пресвитера-духовника, а после этого постепенно уничтожились степени покаяния и обряды, которыми сопровождалось принятие в число публично кающихся. К концу периода Вселенских Соборов (VIII–IX вв.) публичная исповедь окончательно исчезает и заменяется тайной.

Побуждением к отмене общественной (публичной) исповеди и замене ее тайной было то, что общественная исповедь, столь благотворная в древние времена при строгости нравов того времени и ревности к благочестию, казалась тягостною для христиан последующего времени. Многие начали избегать ее из-за стыда или скрывали свои грехи. Кроме того, грехи, открываемые всенародно, могли послужить в соблазн для некоторых немощных христиан. А потому, чтобы врачевство для одних не обратилось в погибельный соблазн для других, Церковь, во избежание этой опасности, заменила публичную исповедь тайной.

В X–XII вв. в Восточной Церкви покаяние и исповедь принимают те формы (духовничество духовников-священников из монашествующих и мирских и тайная исповедь), в каких они существуют потом целые века и существуют по настоящее время, с правом духовника налагать тайную или открытую епитимию на тех христиан-грешников, которые прежде подвергались публичной исповеди.

Кроме того, в наше время в Православной Церкви существует практика применения общей исповеди, когда священник перечисляет основные грехи (как бы от лица каждого), а затем произносит над каждым исповедующимся разрешительную молитву. При особых грехах, конечно, он выслушает частную исповедь.

О желательности (а порой и необходимости) исповеди перед причастием говорит недавний документ «Об участии верных в Евхаристии» (одобрен на Архиерейском Совещании Русской Православной Церкви, прошедшем 2–3 февраля 2015 года в Храме Христа Спасителя в Москве):

«Готовящийся ко святому причащению совершает испытание своей совести, предполагающее искреннее *раскаяние в совершенных грехах и открытие их перед священником в Таинстве Покаяния*. В условиях, когда многие приходящие в храмы еще недостаточно укоренены в церковной жизни, в связи с чем подчас не понимают значения Таинства Евхаристии или не осознают нравственных и канонических последствий своих греховных деяний, исповедь позволяет исповедующему священнику судить о возможности допустить кающегося к принятию Святых Христовых Таин.

В отдельных случаях в соответствии с практикой, сложившейся во многих приходах, духовник может благословить мирянина приобщиться Тела и Крови Христовых несколько раз в течение одной недели (например, на Страстной и Светлой седмицах) без предварительной исповеди перед каждым причащением кроме ситуаций, когда желающий причаститься испытывает потребность в исповеди. При преподании соответствующего благословения духовникам следует особо помнить о высокой ответственности за души пасомых, возложенной на них в Таинстве Священства.

В некоторых приходах имеет место длительное ожидание начала причащения мирян. Это происходит из-за долгого причащения духовенства при совершении соборных богослужений или совершения исповеди после запричастного стиха. Такое положение дел следует признать нежелательным. Таинство покаяния должно совершаться по возможности вне Божественной Литургии, дабы не лишать

исповедающего и исповедающегося полноценного участия в совместной Евхаристической молитве. Недопустимо совершение исповеди помогающим за литургией священником во время чтения Евангелия и евхаристического канона. Исповедь желательно проводить преимущественно с вечера или до начала Божественной Литургии. Кроме того, важным является установление на приходах фиксированных дней и часов, когда священник в обязательном порядке присутствует для встречи с желающими общения с пастырем».

Глава 7 О МОЛИТВЕ

Бодрствуйте и молитесь...
(Мк. 14:38)

Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите...
(1 Фес. 5:16–18)

В предыдущих главах уже не раз отмечалось, что многим богословским понятиям и явлениям христианской жизни невозможно дать четкие и исчерпывающие определения. И термин «молитва» в этом списке занимает одно из первых мест. Наверное, этот факт кого-то удивит. Ведь молитва, казалось бы, такой привычный атрибут церковной жизни для верующего человека. Мы молимся как в храме во время богослужения, так и дома, читая утреннее и вечернее молитвенное правило как перед вкушением пищи, так и после него. Мы обязательно молимся, приступая к совершению какого-то серьезного дела, и благодарим Бога по его завершении. И тем не менее молитва — такое хорошо знакомое нам явление, ставшее для многих неотъемлемой частью жизни, — навсегда останется для человека удивительной и загадочной.

Доктор богословия, профессор Московской Духовной Академии Константин Ефимович Скурат пишет: «Молитва есть одно из таинственных явлений христианской жизни. “Имя молитвы есть чудно, — говорит архимандрит Иринарх, — непостижимо человеческим разумом, недоведомо ангельским умом, объясняемое только во глубине неисследимой бездны любви Божией к человеческому роду”.

Поэтому-то дать полное, исчерпывающее определение молитвы — невозможно.

Святые отцы и подвижники христианские, всю свою жизнь посвятившие молитвенному подвигу, достигшие самых высоких ступеней в нравственном совершенствовании, не могли с точностью указать, что нужно понимать под христианской молитвой. Одни из них придают ей преимущественно интеллектуальные свойства: называют ее “беседою ума”, его восхождением к Богу. Другие определяют молитву со стороны волевых функций: называют ее “деланием”, “путем к Богу”, “служением выше других” и т.д. Третьи говорят о молитве как о сердечной деятельности. “Молитвою, — пишет святитель Феофан, — преимущественно оживляется сердце в чувствах своих”. <...> А святитель Василий Великий и святитель Григорий Нисский определяют молитву как “прошение у Бога”³. Несть числа попыткам описать явление молитвы или как-то охарактеризовать его. Вот лишь малая часть примеров: «Молитва ... “есть ключ к небесным сокровищам”, “посредница между Богом и человеком, лестница, соединяющая небо с землею, творение с Творцом”»⁴.

И на вопрос — откуда такое разнообразие образов и определений — следует ответ: «Такое различие в определении молитвы, по суждению Исаака Сирина, объясняется тем, что для предметов будущего века, каковым и является

³ *Скурат К. Е.* Христианское учение о молитве и ее значение в деле нравственного совершенствования. Отдел I. Понятие о христианской молитве и краткое изъяснение молитвы Господней как образца всякого нашего моления. Глава 1. Понятие о христианской молитве. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/hristianskoe-uchenie-o-molitve-i-ee-znachenie-v-dele-nravstvennogo-sovershenstvovanija/1.

⁴ *Скурат К. Е.* Христианское учение о молитве и ее значение в деле нравственного совершенствования. Введение. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/hristianskoe-uchenie-o-molitve-i-ee-znachenie-v-dele-nravstvennogo-sovershenstvovanija/#note21.

молитва, мы не имеем подлинного и истинного названия»⁵. Или: «... христианская молитва есть тайна, и потому данные определения не вполне отражают всей ее сущности. “Каким образом человек, терние, прикасается во время молитвы к Богу, огню поедающему, и не опалается?” — спрашивает архимандрит Иринарх. “О! это тайна, — отвечает он же, — непостижимая и для умов ангельских, которые изумевают пред человеколюбием Божиим, зряще, как человек, облеченный плотию, дерзает мыслью своею возлетать на небо — к Престолу Божию и там открывать во уши Самого Господа чувствование своей души и делается вместе с ними участником славословия Господа”»⁶.

Попытки систематизации православного отношения к молитве неизбежно сталкиваются с духом свободы и творчества в этом явлении: «По слову <...> святителя Феофана, “учение о молитве не должно подлежать никакой системе, потому что духовное дело, подчиняясь системе, необходимо должно терпеть усечение, лишаться своей безграничной свободы, свойственной духу, находящемуся под действием и управлением Духа Божия, а не человеческого узаконения”»⁷.

В Православной Церкви ни одно таинство не существует без молитвы. Более того, молитва сама по себе в определенном смысле есть уже таинство. И тем не менее помимо мистической стороны в любом церковном таинстве существует структурно-обрядовая, видимая его часть, являющаяся ре-

⁵ *Скурат К. Е.* Христианское учение о молитве и ее значение в деле нравственного совершенствования. Отдел I. Понятие о христианской молитве и краткое изъяснение молитвы Господней как образца всякого нашего моления. Глава 1. Понятие о христианской молитве. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/hristianskoe-uchenie-o-molitve-i-ee-znachenie-v-dele-nravstvennogo-sovershenstvovanija/1.

⁶ Там же.

⁷ *Скурат К. Е.* Христианское учение о молитве и ее значение в деле нравственного совершенствования. Введение. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/hristianskoe-uchenie-o-molitve-i-ee-znachenie-v-dele-nravstvennogo-sovershenstvovanija/#note21.

зультатом синергии Бога и человека, каких-то важных выводов и заключений, которые в определенной мере человек в состоянии сформулировать. Точно так же и в вопросе с молитвой: в православном богословии наработан огромный опыт, который возможно (и даже просто необходимо!) передать всем ищущим Бога людям. Этот опыт содержит как мистическую составляющую, так и рациональную.

Катехизация не предполагает детальное рассмотрение всех аспектов богословских тем, особенно таких объемных, как молитва. Нас будут интересовать самые важные и основополагающие моменты.

Первое, с чего мы начнем, будет знакомство с двумя понятиями: *молитва в узком смысле* и в *широком смысле слова*.

Приведем пример *молитвы в узком смысле слова*. Когда мы после напряженной трудовой недели в воскресенье идем в храм, мы оставляем за его дверьми всю нашу мирскую суету, обращаем наш мысленный взор к Богу и самым активным образом участвуем в литургии, т.е. в соборной молитве. Все наши мысли и чувства сконцентрированы на богослужении. А после его окончания мы выходим из храма, степень концентрации нашего внимания на Боге резко уменьшается. Мы возвращаемся к нашим будничным делам. Вот такое наше молитвенное состояние во время богослужения можно назвать молитвой в узком смысле слова.

Или, например, наша молитва в рамках вечернего молитвенного правила. Переделав все домашние дела, мы подходим к иконе, зажигаем лампаду (а у кого-то она постоянно горит), берем в руки молитвослов, осеняем себя крестным знамением и начинаем молиться. Началась молитва в узком смысле слова... Когда прозвучало последнее «Аминь!», мы закрыли молитвослов, положили его на полку и мысленно вернулись к своим бытовым вопросам. Мы уже не на молитве.

Молитва в узком смысле слова имеет видимое начало, продолжение и окончание. Профессор К. Е. Скурат описы-

вает ее следующим образом: «...беседа человека с Богом — как определенный религиозно-нравственный акт выражения вовне известного духовного состояния — и есть молитва, понимаемая в узком смысле слова. Так именно и определяется молитва в Пространном православном христианском катихизисе. “Молитва, — читаем в нем, — есть возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу... и сопровождаемая другими знаками благоговения”»⁸.

Можно добавить, что «существенным признаком молитвы, понимаемой в узком значении, служит устремление души человека к Богу. “К Тебе, Господи, воздвигох душу мою” (Пс. 24:1), “Возвесели душу раба Твоего, яко к Тебе взях душу мою” (Пс. 85:4; 142:8), — восклицает Псалмопевец. Возношение души к Богу есть не что иное, как устремление всех ее сил. Некоторые из святых отцов и подвижников благочестия все душевные движения возводят к уму и сердцу, как главным силам души, и потому определяют молитву как “восхождение ума и сердца к Богу”»⁹.

Теперь речь пойдет о *молитве в широком смысле слова*, то есть «как религиозно-нравственное душевное состояние в смысле постоянного сердечного и благоговейного памятования о Боге, упования или надежды на Него во всех случаях жизни»¹⁰. «В таком именно смысле может быть понята и заповедь святого апостола Павла о непрестанной молитве. Об этом говорит и собственный пример самого апостола, который, работая днем и ночью в деле благо-

⁸ *Скурат К. Е.* Христианское учение о молитве и ее значение в деле нравственного совершенствования. Отдел I. Понятие о христианской молитве и краткое изъяснение молитвы Господней как образца всякого нашего моления. Глава 1. Понятие о христианской молитве. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/hristianskoe-uchenie-o-molitve-i-ee-znachenie-v-dele-nravstvennogo-sovershenstvovanija/1.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

вестия Христова, добывая себе пропитание собственными руками, в то же время “ночь и день преизлиха молящися” Богу. О молитве в широком смысле говорят и святые отцы. Так, святитель Василий Великий учит, что молитву “следует не в словах заключать, но поставлять ее силу более в душевном расположении и в добродетельных делах, непрерывно проходящих чрез всю жизнь. Таким образом человек может достигнуть того, что вся жизнь его окажется непрерывною и непрестанною молитвою”¹¹.

Человек, пребывающий в молитве в широком смысле, постоянно ощущает себя на длани Божией (руке Божией). Именно в таком состоянии находился человек в раю до грехопадения. Для него не существовало момента, когда бы он не молился. Митрополит Иларион (Алфеев) делает важный вывод: «Идеал христианства — достичь такого состояния, чтобы вся жизнь превратилась в молитву, чтобы каждое дело и каждая мысль были проникнуты молитвой»¹².

Молитва также может быть *личной* или *соборной*.

Молитва личная — совершающаяся человеком уединенно, так сказать «один на один» с Богом. Однако здесь есть один важный момент. Не следует думать, что такая молитва звучит в отрыве от всего человечества. «Христианин, даже если он молится наедине, является членом Церкви: “Личная молитва возможна только в контексте общины. Никто не является христианином сам по себе, но только как член тела. Даже будучи в уединении, “в келлии”, христианин молится как член искупленного общества, Церк-

¹¹ *Скурат К. Е.* Христианское учение о молитве и ее значение в деле нравственного совершенствования. Отдел I. Понятие о христианской молитве и краткое изъяснение молитвы Господней как образца всякого нашего моления. Глава 1. Понятие о христианской молитве. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/hristianskoe-uchenie-o-molitve-i-ee-znachenie-v-dele-nravstvennogo-sovershenstvovanija/1.

¹² *Еп. Иларион (Алфеев).* Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 216.

ви” (протоиерей Георгий Флоровский). Личная молитва неотделима от богослужения и является его продолжением. Вся жизнь христианина есть Литургия, которую он совершает в своем сердце и посвящает Святой Троице — Отцу, Сыну и Святому Духу»¹³. Таким образом, личная молитва в отрыве от соборной теряет важнейшее качество — приобщенность к Церкви, к ее литургической жизни. Поэтому любые высказывания типа «Церковь мне не нужна! Бог у меня в душе, и если мне что-то будет надо от Бога, сам как-нибудь помолюсь Ему» свидетельствуют о полном непонимании сути молитвы.

Теперь поговорим о *соборной молитве*. Вначале отметим, что сам термин «соборность» означает не только, даже не столько «вместе», «сообща», сколько подчеркивает другое важное свойство — каждый член такого сообщества обретает полноту бытия. В контексте молитвы можно сказать, что, не умаляя важнейшее значение личной молитвы каждого человека (любой человек — высшая ценность в глазах Божиих), соборная молитва группы людей не есть просто «сумма» молитв каждого из них, но она обретает совершенно потрясающие и удивительные качества. И наоборот — в соборной молитве я могу помолиться так, как мне не удастся в личной молитве. Причем это будет одновременно и моя, и соборная молитва. Недаром «соборность» является одним из четырех свойств Церкви, которые перечислены в Символе веры. Здесь сочетается уникальность каждого члена Церкви с совершенством соборной жизни Церкви. *«И вы — тело Христово, а порознь — члены»* (1 Кор. 12:27).

Важнейшим видом соборной молитвы является *богослужение*. И в первую очередь — *литургия*. Невозможно переоценить исключительную ее важность в церковной жизни. «Христианство есть литургическая религия, — писал протоиерей Георгий Флоровский. — Церковь есть прежде все-

¹³ *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 217.

го богослужбное общество. Богослужение во-первых, учение и дисциплина — во-вторых”. Церковь выросла не из догматических формулировок и даже не из Священного Писания, а из Литургии. В первые годы после Воскресения Христова, когда еще не было написано ни одно Евангелие, не был сформулирован ни один догмат, ни одно дисциплинарное правило, Литургия уже существовала и именно она объединяла последователей Христа в Церковь — Его мистическое тело»¹⁴.

Но молитва есть не только творческий процесс, но и проявление вовне переживаемых человеком изменений его духовного состояния, осознания его причастности к животворящему свету Христову. Таким образом, все богатейшее нравственно-спасительное наследие Церкви находит свое отражение в молитве. «Православная Церковь всегда придавала исключительное значение богослужению как молитвенному воплощению вероучительных истин. *Lex orandi lex est credendi* (“Закон молитвы есть закон веры”) — на этом основополагающем принципе построена жизнь Православия»¹⁵.

С другой стороны, именно богослужение может открыть человеку все богатство его души и духовную жажду Богообщения. «Богослужение <...> является школой молитвы: оно захватывает ум и сердце человека и погружает их в ту глубину, где происходит встреча с Богом. Каждая церковная служба, каждое молитвенное слово может стать для нас встречей и соприкосновением с Живым Богом, если мы молимся внимательно и сосредоточенно, если молитва церкви становится нашей личной молитвой. Нередко, однако, слова богослужения проходят мимо нас и мы присутствуем в храме только телом, а ум блуждает на стороне — в этом случае никакой встречи не происходит и мы

¹⁴ *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 196.

¹⁵ Там же. С. 198.

лишаемся того плода, который приносит участие в церковной службе»¹⁶. Заключительное предложение предыдущей цитаты стоит рассмотреть подробнее.

Почему не так просто войти в состояние настоящей плодотворной молитвы и сохранять его? Откуда у нас появляется целый рой каких-то случайных посторонних помыслов? Как научиться истинной молитве?

Процесс молитвы можно условно разделить на три этапа: молчание, внимание и умное делание.

Молчание.

«Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6:6-8). Конечно, слова Христа о комнате неверно воспринимать лишь в буквальном смысле. Хотя, действительно, перед молитвой мы стараемся где-нибудь уединиться, чтобы ничего не отвлекало от молитвы. Но в этих словах Спасителя мы видим призыв к внутреннему — интеллектуальному и душевному уходу от всех своих раздумий и переживаний, когда мы остаемся наедине с самим собой. Но речь не идет об одиночестве. Потому что мы, оставаясь один на один со своим «я», одновременно обращаем свой мысленный взор к Богу. «Молитва — отношение, которое устанавливается между человеком, между видимым и лежащим в его основе невидимым — целым глубинным миром, включающим все существующее. Вот почему <...> молитва — искание, исследование этой области невидимого и мира наших собственных глубин, который ведом одному только Богу, который только Он и может нам открыть. И через молитву, сначала на ощупь,

¹⁶ *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 199.

в проблесках нового видения, мы ищем и открываем Бога и человека в их взаимосвязи»¹⁷.

Но не всегда процесс умиротворения всех своих помыслов и эмоций доставляет удовольствие человеку. Потому что когда успокаиваются волны бушующего моря моих страстей, я начинаю видеть самого себя. И эта картина далеко не всегда радостная. Я начинаю видеть, что слишком много во мне того, что бы мне не хотелось бы иметь. А того, чтобы я хотел бы иметь внутри себя, — маловато. Поэтому человеку гораздо проще пребывать в окружении «белого шума», только чтобы не встретиться с самим собой. «Все несчастья людей происходят от того, что они не умеют пребывать в покое в собственной комнате», — говорил Паскаль. Отсутствие вкуса к уединению и молчанию есть болезнь современного человека. Многие даже боятся тишины, боятся одиночества и свободного времени, потому что нечем заполнить пустоту: нужны слова, впечатления, нужно быть занятым и всегда спешить, чтобы создавалась иллюзия бурной и наполненной жизни. А жизнь с Богом начинается тогда, когда слова и мысли умолкнут, когда земные дела отойдут на второй план и в душе человека освободится место, которое может заполнить Бог»¹⁸.

Даже когда человек пытается отдохнуть, он не может (но скорее — не хочет) привести себя в должное, равновесное с миром состояние. Не так много людей, решающих восстановить свои силы, выезжают за город и ищут живописные места девственно чистой природы, чтобы уединиться там и побыть в тишине... Но даже если отдых и подразумевает не шопинг или сидение в ресторане, а все-таки выезд куда-нибудь за пределы шумного мегаполиса, то часто в эти места вывозится и вся наша цивилизация в компактном виде: с плеерами, радиоприемниками, горячи-

¹⁷ Митр. Сурожский Антоний (Блум). Труды. М.: Практика, 2002. С. 860.

¹⁸ Еп. Иларион (Алфеев). Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 205.

тельными напитками и пр. Да и само пребывание на природе нередко превращается в шумную вечеринку. Разумеется, после такого рода «отдыха» человек возвращается в мир (хотя на самом деле он внутренне оттуда и не выезжал), но вряд ли можно считать, что такое пребывание на природе очень благотворно сказалось на его здоровье, в том числе и на духовном.

Если мы говорим, что молитва — это не монолог, а диалог с Богом, тогда мы должны вспомнить, как мы строим диалог с человеком. Не замечаем ли мы за собой желание в первую очередь высказаться самому, но не выслушать ответа собеседника? Даже близким людям мы чаще рассказываем что-нибудь не для того, чтобы услышать их ответ, но чтобы выговориться, облегчить свою душу. А их ответ нас не интересует, даже если они искренне переживают за нас и готовы во всем помочь, в том числе дельным советом. Скорее, здесь мы имеем дело с монологом, потому что в центре такого «диалога» стою я-любимый со всеми моими страстями и слабостями. Ну а собеседник мне нужен лишь в качестве «громоотвода», на которого можно все вывалить и уйти, психологически облегчив свое состояние.

Но даже если мы и даем другому человеку сказать что-нибудь в ответ, то не факт, что мы его услышим. Слушать другого человека, оказывается, мы тоже часто не умеем. Возможно, отчасти по причине таких вот монологов, о которых только что упоминалось. Но не только. Наверное, всем известно выражение «Он умеет слушать!» Или много раз повторяющееся в Новом Завете «*Кто имеет уши слышать, да слышит!*» Да... Оказывается, недостаточно иметь только уши. Нужно уметь еще слышать. Нам всегда очень приятно, если нас внимательно слушают. Но почему-то других мы не всегда готовы выслушать со вниманием.

Так и в молитве. В своем потоке речей мы же часто не даем Богу даже слово Свое вставить! Поэтому для того, чтобы научиться молитве, нужно сначала научиться мол-

чать. Митрополит Сурожский Антоний пишет по этому поводу: «Когда <...> безмолвие сходит на нас, нам не нужны слова, чтобы почувствовать тесную близость с нашим собеседником, чтобы приобщиться в самых наших глубинах и даже еще глубже тому, что нас объединяет. И когда это безмолвие достаточно глубоко, из его глубин можно начать говорить, но как бережно, как трезво, как внимательно мы тогда говорим, чтобы не разбить молчание шумом или сумбуром слов»¹⁹.

Митрополит Иларион (Алфеев) добавляет: «Почему Христос заповедует не многословить в молитве? Потому что молитва рождается не из слов и она не есть только сумма произнесенных нами прошений. Прежде чем произнести молитву, ее нужно услышать. Все великие произведения поэзии и музыки не были составлены поэтами и композиторами из отдельных букв или нот, но прежде родились где-то в глубинах души, прозвучали там, а потом уже воплотились в слова и звуки. Молитва тоже является творчеством — она рождается не в многословии, а в глубокой тишине, в сосредоточенном и благоговейном молчании. Прежде чем начинать молитву, нужно внутренне умолкнуть, отрешиться от обычного многословия и многомыслия, услышать тишину:

Слушай, сын, тишину...
Где идут отголоски ко дну.
Тишину, где немеют сердца,
Где не смеют поднять лица.
(Федерико Гарсиа Лорка)

Сердце, разум, уста, чувства должны “онеметь”, слова и звуки — уйти на дно. “Достичь тишины — это самое трудное и решающее в искусстве молитвы. Тишина — не только негативное (состояние), пауза между словами, временное

¹⁹ Митр. Сурожский Антоний (Блум)». Труды. М.: Практика, 2002. С. 887.

прекращение речи, но... в высшей степени позитивное — состояние внимательной бдительности, ожидания и прежде всего вслушивания. Исихаст (безмолвник), человек, достигающий исихии, — внутреннего покоя или тишины, есть... тот, кто слушает. Он слушает голос молитвы в своем сердце, и он понимает, что этот голос — не его собственный, но Другого, говорящего внутри него” (Епископ Диоклийский Каллист). Как и всякая беседа, молитва есть диалог, и цель ее — не столько высказаться самому, сколько услышать Другого. “Молчание есть таинство будущего века, а слова суть орудия этого мира”, — пишет преподобный Исаак Сирин»²⁰.

Вспомним, как общаются друг с другом влюбленные. Да, бывает так, что они не могут наговориться, но во время этих разговоров они внимательно слушают друг друга! А ведь часто они просто молчат, глядя друг другу в глаза. И не нужно в этот момент никаких слов! Не произнося ни звука, эти счастливые люди общаются, притом их общение глубоко и многообразно! Но оно бессловесно.

Молитвенный процесс можно также сравнить с общением малыша с папой или мамой. Даже когда ребенок совсем еще кроха и не то чтобы слова, но даже не все еще звуки произносит, он все равно самым активным образом общается с нами, а мы — с ним. Его родители лишь по одному его движению или взгляду уже знают — что нужно их малышу и в каком он настроении. «Святые Отцы часто пишут о том, что молитва, рождающаяся из молчания, должна быть простой и немногословной. Состояние молящегося сравнивается с состоянием ребенка, говорящего со своим отцом: “Не употребляй в молитве твоей премудрых выражений, ибо порой и безыскусный лепет детей был угоден Небесному Отцу их. Не старайся многословить, беседа с Богом, чтобы ум твой не расточился на изыскание слов. Одно слово мытаря умилостивило Бога, и одно изречение,

²⁰ *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 203–204.

исполненное веры, спасло разбойника. Многословие при молитве часто развлекает ум и наполняет его мечтаниями, а единословие обычно собирает его” (Иоанн Лествичник). Детская вера должна сочетаться с чувством глубокого смирения: “Ходи перед Богом в простоте, а не в знании. За простотою следует вера, а за утонченностью и извращением помыслов — самомнение, за самомнением же — удаление от Бога. Когда предстанешь в молитве перед Богом, сделайся в помысле своем как бы муравьем, как бы пресмыкающимся по земле, как бы букашкой, как бы немотствующим ребенком. Не говори перед Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему, и ходи перед Ним, чтобы сподобиться тебе того отеческого промышления, какое имеют отцы о детях своих младенцах” (Исаак Сирий)²¹.

Очень лаконично, но удивительно проникновенно об этом говорит святитель Тихон Задонский: «Лучше пред Богом сказать от сердца и со смирением и благоговением два или три слова, нежели много прочесть молитв и канонов без рассуждения и со скоростью. Бог внимает внутреннему, а не внешнему и слушает воззвания сердечные, а не устные»²².

Итак, мы достигли внутренней тишины. Теперь нам необходимо сконцентрировать всего себя на определенном действии. То есть речь пойдет о внимании.

Внимание.

«Молитва только тогда имеет цену, когда она бывает внимательной, когда ум и сердце вкладываются в каждое слово. Молится ли человек по книге или своими словами — каждое слово должно быть пережито и прочувствовано, должно стать своим. Святитель Феофан Затворник гово-

²¹ *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 205–206.

²² *Терещенко Т. Н.* Симфония по творениям свт. Тихона Задонского. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/simfoniya-po-tvorenijam-svt-tihona-zadonskogo/155.

рит: “Не то значит молитва, чтобы прочитать только молитвы, но то, чтобы воспроизвести в себе содержание их и так произносить, как бы они шли от нашего ума и из нашего сердца”. <...> Молитва невнимательная, рассеянная, холодная не приносит пользы душе и оставляет человека без плода»²³, — пишет митрополит Иларион (Алфеев).

К сожалению, очень часто можно услышать такую фразу «вычитывание молитв». Любому нашему собеседнику будет приятно (и нам полезно!), когда мы говорим искренне и одновременно с чувством доверия к слушающему нас человеку, к его ответам. В еще большей степени это относится к молитве. Ведь здесь нашим собеседником является Сам Бог! Даже когда мы молимся давно знакомыми молитвами, которые уже знаем наизусть, это не должно становиться чем-то обыденным, автоматическим. Митрополит Сурожский Антоний отмечает: «Слишком часто наши молитвы подобны вежливым речам, отшлифованным от долгого употребления, мы их приносим Господу изо дня в день, будто достаточно повторять Ему холодным сердцем, ленивым умом, без всякого участия нашей воли огненные слова, которые родились в пустыне, в одиночестве, в предельном человеческом страдании, в самых напряженных ситуациях, какие когда-либо знала история. Мы повторяем молитвы, которые носят имена великих духовных подвижников, и думаем, что Бог их слушает, что Он принимает во внимание их содержание, тогда как единственное, что важно для Бога, — это сердце того, кто произносит эти слова, воля говорящего, устремленная к исполнению Его воли»²⁴.

Часто наше внимание во время молитвы переключается на какие-то посторонние предметы. Собственно, это объяснимо — диавол никогда не будет спокойно смотреть на

²³ *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 206–207.

²⁴ *Митр. Сурожский Антоний (Блум)*. Труды. М.: Практика, 2002. С. 836–837.

тот факт, что мы обращаемся к Богу. И будет всячески препятствовать этому. Самый простой его способ — отвлечь наше внимание от молитвы на какой-нибудь посторонний предмет. Это становится возможным в том случае, когда наше внимание рассеянно. «Древнецерковные писатели <...> говорят о том, что причиной рассеянности бывает неумение человека справляться с помыслами — посторонними греховными образами, фантазиями и мечтаниями, появляющимися в уме. Каждый помысел овладевает человеком постепенно.

Различают несколько стадий развития помысла в уме человека. Сначала появляется некий *прилог* — мимолетный образ, входящий как бы извне, за каждым греховным помыслом стоит реальная демонская сила. *Сочетанием* называют собеседование ума с появившимся прилогом, изучение и исследование его. *Сосложение* — внутреннее согласие ума с помыслом и услаждение им. *Борьба* — равенство сил ума и помысла, один из которых должен одержать победу, то есть или ум одолеет помысел и отвергнет его, или помысел овладеет умом. *Пленение* — “насильственное и невольное увлечение сердца или продолжительное сочетание сердца с предметом, разоряющим доброе устройство”. *Страсть* — окончательная победа помысла над человеком, или “порок, от долгого времени поселившийся в душе и через навык сделавшийся как бы ее природным свойством, так что душа сама произвольно к нему стремится” (Иоанн Лествичник). Сами по себе помыслы безгрешны, они приобретают греховную окраску по мере своего развития и становятся грехом тогда, когда ум принимает их»²⁵.

Последнюю фразу цитаты хорошо иллюстрирует следующая картина поведения человека в храме. После исповеди перед литургией мы идем участвовать в богослужении, но перед самым Причастием кто-то снова бежит к священнику

²⁵ *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 207.

и с ужасом в глазах говорит: «Простите меня, грешную! Ведь только что исповедовалась! А тут такие мысли греховные меня посетили! Как же я теперь буду причащаться?» Ответ очень простой. Если мы не согласны с появившимися в уме помыслами, то и не стоит обращать на них никакого внимания. Это — не наши помыслы. Их подсовывает нам враг, желая вывести нас из состояния душевного равновесия и духовного восхождения к Богу. К любым помыслам такого характера, какими бы они чудовищными не были, нужно относиться как к тучке, закрывшей на время от нас Солнце. Мы же особо не обращаем на нее внимание, зная, что она все равно сама уйдет и Солнце вновь засияет для нас.

Итак, «искусство борьбы с помыслами заключается в том, чтобы не впускать их внутрь, не давать им развиваться и пленить ум. Для того чтобы ум во время молитвы был чистым, необходимо отсекаать прилоги помыслов: “Начало молитвы состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы при самом их появлении» (Иоанн Лествичник)»²⁶.

Интересно, что развитие помысла и проникновение его внутрь человеческого сознания мы можем увидеть на примере первого грехопадения человека. «Грехопадение первых людей тоже было следствием внутреннего сочетания с помыслом. Святитель Филарет Московский приводит в пример Еву, которая *“увидела... что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно”* (Быт. 3:6), и потом вкусила от него. “Увидела” — это прилог, образ помысла; “приятно для глаз” — собеседование с прилогом, исследование его; “вожделенно” — внутреннее согласие с помыслом, пленение им»²⁷.

Научившись бороться с помыслами, мы подошли к следующему этапу молитвы.

²⁶ *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 208.

²⁷ Там же.

Умное делание.

Этот термин больше имеет отношение к Иисусовой молитве²⁸. Но он вполне применим и к общей теме «Молитва». Всякая молитва в известном смысле должна быть умным деланием. «Основным правилом при Иисусовой молитве является требование “заключить ум в слова молитвы” (Иоанн Лествичник)»²⁹. Это же условие необходимо соблюдать во всякой молитве.

Еще одним важным условием обретения моей молитвой состояния полноты является ее гармоничное вплетение в общий строй моей христианской жизни. «Молитва только тогда приносит плод, когда она сочетается с истинно христианской жизнью, иначе она является лишь имитацией духовности»³⁰. Очень легко превратиться в христианского фарисея, демонстративно произнося слова молитв, но не переживая их всем своим сердцем и не подтверждая их соблюдением Божиих заповедей. Вспомним слова Иисуса Христа: «*Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!”*, войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7:21). Однако «всякая истинная молитва, то есть совершаемая в полном смирении, в отказе от обращенности на себя, во всецелом предании себя Богу, рано или поздно получает живоносную благодать Духа Святого. Она становится закваской каждого действия и служит его мерилom, она является всем в жизни, перестает быть деланием и превращается в само бытие, становится изливанием Того, Кто исполняет все и все ведет к полноте»³¹.

Еще один очень важный аспект — связь понятий «молитва» и «богословие».

²⁸ Иисусова молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!», ее сокращенный вариант: «Господи, помилуй!»

²⁹ *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 213.

³⁰ Там же. С. 215.

³¹ *Митр. Сурожский Антоний (Блум)*. Труды. М.: Практика, 2002. С. 901.

«Святые Отцы называют молитву “истинным богословием”: “Если ты богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты богослов” (авва Евагрий). Для Отцов Церкви богословие не было отвлеченным теоретизированием о “неведомом Боге”: оно было поиском личной встречи с Ним. Истинное богословие — не “о” Боге, а “в” Боге: оно не рассматривает Бога как посторонний объект, но беседует с Богом как Личностью. Христианское богословие молитвенно и опытно. Оно противопоставляет себя голой безблагодатной “учености”: “Философствовать о Боге можно не всякому, да! не всякому... Способны к этому люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают душу и тело... (Богословствовать можно), когда внутри нас тишина, и мы не кружимся (умом) по внешним предметам”, — говорит святитель Григорий Богослов.

Но и молитва не является спонтанным и произвольным деланием ума — она тоже зиждется на богословии. Церковь верует, что вне правильного догматического сознания не может быть полноценной молитвы: искажение догматов ведет к искажениям в молитвенной практике...»³².

Наконец, резонно возникает вопрос — а каковы должны быть или могут быть *плоды молитвы*?

«Если молитва — совместное творчество человека и Бога, то от человека зависит приложить усилие, потрудиться, а от Бога — даровать плоды. Молитва есть духовная работа, и к ней приходится принуждать себя: она, как и Царство Божие, “усилием берется” (Мф. 11:12). Все, что объединяют в понятии “плоды молитвы”, является даром свободной воли Божией, а не следствием прилагаемых усилий. Когда и что даровать молящемуся — зависит только от Бога»³³.

³² *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 217.

³³ Там же. С. 219.

Категорически неверно и духовно небезопасно считать, что полученные дары от Бога — неизбежный результат моей «правильной» молитвы. Вообще все, чем мы окружаем себя в нашей жизни, все наши успехи и достижения мы получаем от Бога не заслуженно, но по великой милости Его.

Другое дело, что для того чтобы решилась какая-то проблема, о разрешении которой мы просим Бога, нам необходимо услышать Его ответ, осознать Божий промысел о нас в этой ситуации, чтобы в синергии с Богом участвовать в процессе ее разрешения. «Если мы хотим действовать заодно с Богом, мало предоставить Ему действовать свободно, сказав: “Господи, в любом случае Ты сделаешь по своему, так и поступай, я не буду Тебе мешать”. Надо учиться различать волю Божию, надо войти в судьбы Божии, но помнить и то, что порой судьбы Божии бывают сокровенны. Вспомните хананеянку (Мк. 7:24—30). Очевидность бросалась в глаза, поражала слух: ей дан отказ, и, однако, сила ее веры и духовная чуткость уловили что-то другое, и она сумела проявить настойчивость как бы вопреки воле Божией, на самом же деле в согласии с реальной волей Спасителя. Надо уметь глядеть, надо искать незримый след Божий. Господь действует, будто ткёт ковер, только <...> мы видим изнанку, лицевая сторона обращена к Богу. И проблема жизни, проблема того видения, которое приведет нашу молитву не в противоречие с волей Божией, а в гармонию с ней, состоит в том, чтобы суметь взглядеться достаточно долго в эту изнаночную сторону, чтобы прозреть ее лицевую сторону, то, каким образом Бог выстраивает историю, направляет жизнь, углубляет ситуацию, создает связи, и действовать не против Него, не независимо от Него, а вместе с Ним и дать Ему действовать, позволить Ему действовать с нами и в нас»³⁴.

³⁴ Митр. Сурожский Антоний (Блум). Труды. М.: Практика, 2002. С. 841.

Но самым главным плодом молитвы должно быть «полное преображение всего человека, его кардинальное изменение к лучшему. <...> Если человек молится, но не становится лучше, если он вычитывает каноны и акафисты, но остается холодным и каменносердечным, значит, молитва его еще не принесла надлежащего плода. Христианину следует поэтому всегда заботиться о том, чтобы вся его жизнь соответствовала молитве, то есть чтобы она стала непрерывным “хождением перед Богом”»³⁵.

Теперь необходимо дать некоторые предостережения и обозначить ошибки, которые нас могут подстергать на пути достижения молитвенных высот.

Первое, на что стоит обратить внимание. Когда мы стоим у иконы или когда закрываем глаза и в памяти пред нами предстает образ того святого, кому мы хотим помолиться, или Самого Бога, то необходимо всегда осознавать, что мы молимся не образу (на иконе или в воображении), но первообразу. Лучше всего вообще не представлять себе никаких изображений, но просто мысленно сказать себе: «Я молюсь сейчас Иисусу Христу», или Пресвятой Богородице, или кому-то еще. Иначе мы действительно будем обращаться к образу, а не первообразу. Другое дело, что икона нам очень помогает в молитве. Но и здесь мы не должны забывать, что *«настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»* (Ин. 4:23-24), то есть Богу можно поклоняться в любом месте пространства, где не обязательно должна быть икона.

Второй важный момент. Во время молитвы не стоит искать каких-то очень приятных или невероятных ощущений. Даже если таковые и были дарованы нам Богом в те-

³⁵ *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 225.

чение молитвы, то необходимо поблагодарить за это Бога, но не пытаться их снова испытать в следующий раз, когда я снова стану на молитву. И если нам не суждено было больше их испытать, из этого не следует, что молитва без этих ощущений стала какая-то неполноценная. Мы молимся не для достижения ощущений, но потому что молитва — это богообщение. И все дары, получаемые нами от Бога во время молитвы и после нее, должны восприниматься нами смиренно и с благодарностью. Иначе мы рискуем впасть в состояние «прелести»³⁶.

Иногда во время молитвы по молитвослову вдруг возникает резкое желание помолиться своими словами. «Рекомендуют также молиться своими словами, если пришло такое желание в минуту умиления: “Никогда не пропускай без внимания этих проявляющихся в душе твоей восхождений к Богу, но всякий раз, когда они возбуждятся, остановись и молись своими словами. <...> В церкви ли, дома ли душа твоя захочет помолиться своим, а не чужим словом — дай ей свободу, пусть молится, хоть всю службу сама промолится, а дома от правила молитвенного отстанет и не успеет совершить его” (Феофан Затворник)»³⁷.

Мы можем приступать к молитве в различном душевном состоянии. Например, как пишет поэт Петр Андреевич Вяземский, близкий друг А. С. Пушкина, в своем стихотворении «Молитва»:

Бывают дни, когда молиться так легко,
Что будто на душу молитвы сходят сами.
Иль Ангел, словно мать младенцу на ушко,
Нашептывает их с любовью и слезами.

³⁶ Прелесть (от славянского «лесть» — обман) — состояние самообмана, самообольщения; очарование, вызванное кем-то или чем-то. URL: <https://azbyka.ru/prelest-duhovnaya>.

³⁷ *Еп. Иларион (Алфеев)*. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Клин, 2004. С. 220.

В те дни нам жизнь ясней, и внутренним глазам
Доступней Промысла таинственная книга.
И чаще радость в нас, и крест не в бремя нам,
И благ тяжелый гнет возлюбленного ига.

Это же состояние описывает и митрополит Сурожский Антоний: «Очень важно, прежде чем мы начнем молиться, дать себе время прийти в себя, оглянуться на себя и осознать, в каком расположении духа мы пришли к Богу. Бывают дни, когда сердце наше открыто Ему и мы могли бы сказать: *Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое... Как лань желает к потокам вод, так желает душа моя к Тебе* (Пс. 56:8; 41:2)»³⁸.

Но далеко не всегда нам сопутствует прекрасное расположение духа. Прочтем дальше стихотворение Петра Вяземского:

Бывают дни, когда мрак на душе лежит:
Отяжелевшая и хладная, как камень.
Она не верует, не любит, не скорбит,
И не зажжется в ней молитвы тихий пламень.

Хранитель Ангел мой! Не дай мне в эти дни
Пред смертью испытать последнее сомненье
И от души моей ты немощь отжени,
И хлад неведенья, и чувств окамененье.

Но теплых слез во мне источник обновы,
Когда остынет он в дремоте лени томной;
Дай умиление мне молитвы и любви,
Дай память смертную, лампаду в вечер темный.

Петру Андреевичу вторит митрополит Сурожский Антоний: «Но очень часто мы плетемся к Нему унылым уси-

³⁸ Митр. Сурожский Антоний (Блум). Труды. М.: Практика, 2002. С. 870.

лием воли. Мы исполняем долг, не вкладывая сердца; мы принуждаем себя внешне быть тем, чем, как мы знаем, являемся в самых наших глубинах, но чего сейчас не ощущаем; источник живой воды иссяк в песке, который остался сухой и горячий. Мы так и должны сказать Тому, Кто есть Истина: «Господи, я пришел к Тебе сухим сердцем, но я заставляю себя предстать перед Твоим лицом по глубокому убеждению. Я Тебя люблю, я поклоняюсь Тебе в самых моих глубинах, но сегодня эти глубины не выходят на поверхность»³⁹.

Да, иногда нам не хочется идти молиться. «Вдруг» находят какие-то якобы неотложные и срочные дела. Но мы должны всегда понуждать себя к молитве. Недаром существует такое понятие, как «молитвенный подвиг». Вспомним, что Сам Спаситель почти все время молился. И как молился — до кровавого пота! *«Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его. И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю»* (Лк. 22:43, 44).

И что очень важно, Иисус Христос еще подал нам пример самой молитвы — молитвы Господней — «Отче Наш!» (Мф. 6:9-13, Лк. 11:2-4). И хотя эта молитва обращена к Богу Отцу, она по сути своей тринитарна, так как *«Дух свидетельствует о [Нем] (о Сыне), потому что Дух есть истина. Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино»* (1 Ин. 5:6-7). «Мы никогда не сможем молиться, кроме как под воздействием Святого Духа, храмами Которого мы призваны быть, и не только местом Вселения, но откровением, проявлением, сиянием Его в мире»⁴⁰.

В заключение снова приведем цитату профессора Московской Духовной Академии К. Е. Скурата. Итак, молитва «невозможное делает возможным. То, что представляется

³⁹ Митр. Суражский Антоний (Блум). Труды. М.: Практика, 2002. С. 870.

⁴⁰ Там же. С. 858.

для нас трудным, молитва делает легким. Бессильный человек с молитвою приобретает такую силу, пред которой не могут устоять никакие другие силы. Чистой молитвою он побеждает самую природу, переменяет ее законы. Так, по молитве великого вождя Богоизбранного народа разверзлись недра земные, в которые едва проникают все усилия людей, и поглотили нечестивых возмутителей (Числ. 16:32, 33). Иисус Навин остановил молитвой солнце при сражении с хананеянами и продлил один день как два (Нав. 10:12-14). Пророк Исаия возвратил солнечную тень (Ис. 38:8). Сильно и страшно бурное море, неудержимым потоком переливаются в нем воды, с неотразимую силою восстают под дыханием ветра его бурные волны, для которых человек со всею его мудростью — игрушка. Но и страшное море уступает силе молитвы (Исх. 14:22). Ужасна стихия огня, но и ее преодолевает молитва (Дан. 3:94). Неудержимы разрушительные движения воздуха. Нет силы, которая бы могла остановить страшные его течения, кроме одной только — силы молитвы (Мф. 8:25, 27). Молитва побеждает и злобу хищных зверей (Дан. 6:16-19), и истребляет страшные полчища врагов (Ис. 37:14-20, 36). Молитва отражает и притоки болезней, поражающие тело человека и преодолевающие всякое искусство (Ис. 38:1-5). По силе молитвы Сам Господь Бог нередко изменял определения Своей святой воли, удерживал Свою карающую руку, отворачивал Свой гнев от преступного народа (Исх. 32:10, 14). “Нет, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — подлинно нет ничего сильнее молитвы и даже ничего равного ей”⁴¹.

⁴¹ *Скурат К. Е.* Христианское учение о молитве и ее значение в деле нравственного совершенствования. Введение. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/hristianskoe-uchenie-o-molitve-i-ee-znachenie-v-dele-nravstvennogo-sovershenstvovanija/#note21.

Глава 8

ПОСТ В ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА

По своей сути пост — это воздержание. Прежде всего, это воздержание от недолжного, от небогоугодного⁴². Пост — это осознанное стояние в Истине, вере и благочестии. Можно сказать, что согласно библейскому мировоззрению пост был установлен еще в раю: *«И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»* (Быт. 2:16–17).

Богообщение в духе было естественным устройением духовно-материального человека. Своего рода «условием» (заветом, связью, заповедью) этого общения было испытание свободой после предложенного нравственного закона об элементарном воздержании ради любви и послушания Богу.

Но «падший ангел» соблазнил человека не только тем, что можно якобы стать онтологически автономным через вкушение плодов запретного дерева («будете как боги»), но и тем, что само это вкушение может сообщить духовность и знание — без Бога, помимо Бога, вместо Бога: *«И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание»* (Быт. 3:6).

После грехопадения (отчуждения человека от Подателя Жизни) условием возвращения человека к Богу могло

⁴² Вполне очевидно, что пост отличается от диеты своим религиозным целеполаганием — высвобождение духа человека от зависимости потребностям тела: ради облегчения общения с миром духовным. Соблазн состоит в том, что после грехопадения человек склонен общаться не с Духом Святым, а с «падшими духами». В том числе поэтому в преддверии Таинства Крещения (при оглашении) человек отрекается от сатаны и всех его «ангелов» и всех его дел, и всей его гордыни.

быть уже не легкое воздержание, а суровое напоминание о последствиях свободно выбранного онтологического разрыва творения со своим Творцом: *«проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься»* (Быт. 3:17–19).

За усугубление греха убийством брата на Каина был наложен сугубый пост для вразумления, что не земля является источником его внутреннего достоинства (вспомним, что Каин *«принес от плодов земли дар Господу»*): *«когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле»* (Быт. 4:12)⁴³.

Плодородие и жизненная сила земли вкупе с «похотью плоти» привели человечество к почти полному забвению богообщения: *«И сказал Господь [Бог]: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет»* (Быт. 6:3). Это было уже крайней мерой для вразумления и напоминания о духовной первооснове бытия.

После Потопа условия жизни Ноя и его семьи изменились кардинально, и соответственно им была дана новая заповедь о посте: *«все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все; только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте»* (Быт. 9:3–4). С этого момента божественная педагогика ведет человека к принятию того, что Святой Кровью Богочеловека спасется человечество: от запрета на вкушение крови (сакрализация) до жертвенной крови животных (жертва за грех умирает вместо согрешившего), типологически прообразующей иску-

⁴³ Наглядным примером религиозного помрачения даже послепотопного человечества служит повсеместное распространение культа плодородия в Древнем мире.

пительную Голгофскую Жертву (безгрешный умирает за грешников ради их покаяния и обожения).

В Пятикнижии пост, покаяние и жертвоприношение переплетались очень тесно. Так, в зависимости от причины, по которой приносились жертвы по закону Моисееву, две из четырех имели прямое отношение к созданию покаянного настроения у ветхозаветных верующих. Это — «жертва повинности» (по-еврейски «ашам»), которая приносилась в случае, если человек *«согрешит и сделает что-либо против заповедей Господних»* (Лев. 5:17), и «жертва за грех» (по-еврейски «хаттат»). Последняя приносилась не только в случае, когда человек становился ритуально нечистым (например, через прикосновение к трупам, при месячном истечении у женщин и т.д.), но и при нарушении религиозных и морально-нравственных норм, то есть при осознании своей духовной нечистоты (Исх. 29:14; Лев. 4:13–35).

Стоит отметить, что анализ родственных аккадских понятий показывает, что древнееврейское слово «хаттат» использовалось для обозначения понятия греха как ненормального, ущербного бытия грешника. Поэтому — согласно «хаттат» — грех, будучи дисгармонией с установленным Богом порядком вещей, заключается не только в нарушении конкретных заповедей Божиих, нередко сопряженных с причинением вреда ближнему, но и в неполноценности жизни самого грешника, является причиной его безрадостного состояния. Для избавления от греховного состояния и предписана жертва за грех.

С другой стороны, помимо жертвоприношения, внешним проявлением раскаяния со стороны как всего народа, так и отдельных личностей был пост, представлявший собой покаянные действия, выражающие внешнее смирение, которые заключаются в отказе от пищи и питья и передаются древнееврейским глаголом «цом», то есть «держаться пост».

Вот несколько примеров: Моисей после 40-дневного поста принял на Синае заповеди (Исх. 34:28); постом была

подкреплена покаянная молитва израильтян, произнесенная Самуилом, после обращения народа от языческих культов Ваалов и Астарт (1 Цар. 7:6); пост наложил на себя Давид после согрешения с Вирсавией, когда молился с покаянием об исцелении родившегося младенца (2 Цар. 12:16); усиленно постился и Ахав, когда узнал от Господа страшный приговор о себе и своем потомстве (3 Цар. 21:27-29).

Кроме того, «все дни вдовства своего», за исключением праздничных и предпраздничных, постилась Иудифь (Иудифь 8:6). В течение дня до вечера постились «сыны Израилевы» перед битвой с «сынами Вениаминовыми» (Суд. 20:26). В Сузах, узнав подробности о разрушенном Иерусалиме и бедствиях соплеменников, Неемия молился Всевышнему, подкрепляя молитву постом (Неем. 1:4). Есть основания видеть намек на 40-дневный пост и в жизни пророка Илии (3 Цар. 19:8).

Строго постился и пророк Даниил: *«Я, Даниил, был в селении три седмицы дней. Вкусного хлеба я не ел; мясо и вино не входило в уста мои»* (Дан. 10:2–3). Постом и покаянием ответили на проповедь пророка Ионы жители Ниневии: *«И поверили Ниневитяне Богу, и объявили пост, и оделись во вретница, от большого из них до малого»* (Иона 3:5). Так они избежали грядущей катастрофы.

Накануне возвращения в Палестину провел пост крупнейший еврейский законоучитель, религиозно-политический реформатор Ездра: *«И провозгласил я там пост у реки Агавы, чтобы смириться нам пред лицом Бога нашего, просить у Него благополучного пути для себя и для детей наших и для всего имущества нашего, так как мне стыдно было просить у царя войска и всадников для охранения нашего от врага на пути, ибо мы, говоря с царем, сказали: рука Бога нашего для всех прибегающих к Нему [есть] благодеющая, а на всех оставляющих Его — могущество Его и гнев Его! Итак мы постились и просили Бога нашего о сем, и Он услышал нас»* (Езд. 8:21–23).

Как можно видеть, уже ветхозаветные евреи соблюдали посты, которые могли быть частными и общественными, накладываться человеком лично на себя или духовным лидером на многих людей, продолжаться в течение одного дня или быть многодневными, вплоть до пожизненного поста.

Духовное значение поста особо подчеркивали ветхозаветные пророки. Пост не должен был становиться самоцелью, поскольку с помощью поста израильтяне должны были обратиться к живому и истинному Богу.

«Обратитесь ко Мне, – заповедует Сам Бог через пророка Иоиля, – всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему... Вострубите Трубою на Сионе, назначьте пост и объявите торжественное собрание» (Иоиль 2:12–15).

Пророк Исайя предупреждает об опасности формального поста и перечисляет признаки поста истинного, поста, который приятен Богу и может очистить грех:

«Не носите большие даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новолуний и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие — и празднование! Новолуния ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их... Ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову» (Ис. 1:13–17).

И в другом месте: *«Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи уз ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом... Тогда ты воззовешь, и Господь услышит... И будет Господь вождем твоим всегда»* (Ис. 58:6–11).

О духовном смысле поста в Новом Завете говорит уже Сам Иисус Христос: *«Также, когда поститесь, не будьте*

унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6:16–18).

Будучи Богочеловеком, Господь Иисус Христос не только напомнил о сути поста, но и Сам показал, что значит истинный пост перед Своим выходом на проповедь: *«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал» (Мф. 4:1–2; см. также: Мк. 1:12–13; Лк. 4:1–2).* И во время Своего проповеднического служения Христос подтвердил необходимость поста: *«Ученики Иоанновы и фарисейские постились. Приходят к Нему и говорят: почему ученики Иоанновы и фарисейские постятся, а Твои ученики не постятся? И сказал им Иисус: могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься, но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни» (Мк. 2:18–20).*

И мы знаем, что впоследствии апостолы исполнили Его слова, последовав примеру Спасителя: *«Рукоположив же им пресвитеров к каждой церкви, они помолились с постом и предали их Господу, в Которого уверовали» (Деян. 14:23).* *«В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учителя: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четвертовластника, и Савл... Они служили Господу и постились...» (Деян. 13:1–2).*

Помимо текстов Нового Завета о посте как существующем церковном явлении и даже спорах, которые возникали вокруг практики поста, сообщают исторические источники, начиная уже с рубежа I–II веков.

Одним из важных моментов в ранней Церкви был вопрос о том, надо ли христианам из язычников соблюдать

установления ветхозаветного закона. Созванный в 49 году Апостольский Собор выработал решения об условиях принятия в лоно Церкви язычников, а также определил условия относительно их общения во время богослужения с христианами из иудеев.

Решение Апостольского Собора было следующее: *«Поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали, то мы, собравшись, единодушно рассудили... угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идолжертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо делаете. Будьте здоровы»* (Деян. 15:24-29). Эти принципы воздержания относятся непосредственно к содержанию христианского поста в условиях языческого мира.

В раннехристианском памятнике «Дидахе» («Учение 12 апостолов») сообщается о предписании соблюдения постов по средам и пятницам, а также о посте перед крещением.

Другой текст, «Дидакалия апостолов», созданный, по всей вероятности, в первой половине III века в Сирии, свидетельствует об установленной норме накладывать пост от двух до семи недель на кающихся в тяжелых прегрешениях и о шестидневном посте перед Пасхой. «Дидакалия» также говорит о посте в среды и пятницы.

Сведения о постах находятся в наследии святителя Ипполита Римского (ок. 170 — ок. 236) и в сочинениях отца и учителя Церкви Иустина Мученика. Священномученик Иринеи Лионский († 202) в послании папе Виктору (сохранилось в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (260–340)) замечает, что готовившиеся к Пасхе христиане постились день или два, а некоторые несколько дней; он подчеркивает, что различия в продолжительности говения

произошли «не в наше время, но гораздо прежде у наших предков». Полемикой православных с монтепанистами было вызвано целое сочинение «О постах» («De jejuniis») христианского апологета Тертуллиана (ок. 160–220). Тертуллиан сообщает о посте продолжением в «нескольких дней» перед Пасхой, а также о постах в случае чрезвычайных обстоятельств (стихийных бедствий, например). Ориген (ок. 185–231) называл среду и пятницу постными днями. Есть у Оригена и свидетельство о 40-дневном посте. Святитель Дионисий Александрийский († 265) в послании к епископу Василиду писал, что пост перед Пасхой продолжался шесть дней и носил название «предпасхального».

Как видно, уже в эпоху ранних христиан были широко распространены разные посты. Они не только применялись в качестве рекомендованной меры благочестия, но и входили в очистительную практику перед особыми событиями в жизни христианина. Важнейшее место среди постов занимал пост перед Пасхой, впоследствии получивший название Великого, или Четырнадцатидневия. На основании имеющихся источников уверенно прослеживается динамика увеличения продолжительности этого поста. Указания на 40-дневный пост, тогда еще не повсеместный, но применявшийся в ряде христианских областей, относятся к III веку. По мнению некоторых исследователей, в частности русского историка Церкви начала XX века М. Н. Скабаллановича, установление 40-дневной практики Великого поста, первоначально произошедшее в Палестине и в течение III века широко распространившееся, с начала IV века становится повсеместным в христианском мире. Современный уровень знания позволяет с уверенностью говорить о том, что 40-дневный пост был принят повсюду в Церкви к рубежу IV–V веков. Древнейшее бесспорное указание на Великий пост перед Пасхой продолжительностью в 40 дней содержится во 2-м праздничном (пасхальном) послании святителя Афанасия Великого,

относящемся к 330 году. А его обязательное соблюдение, равно как постов в среды и пятницы, закреплено 69-м Апостольским правилом (окончательная редакция Апостольских правил произведена в конце IV века): «Аще кто епископ, или пресвитер, или диакон, или чтец, или певец не постится во святую Четырдесятницу перед Пасхою, или в среду, или в пяток, кроме препятствия от немощи телесная, да будет извержен. Аще же мирянин, да будет отлучен». Также нужно знать о том, что согласно 64-му Апостольскому правилу недопустим пост в воскресные и субботние дни: «Аще кто из клира усмотрен будет постящимся в день Господень, или в субботу, кроме единыя токмо (великия субботы): да будет извержен. Аще же мирянин, да будет отлучен».

Весьма близко ко времени канонического закрепления в практике Церкви Великого поста стоит и установление Петровского поста (Апостольского). Сведения о нем находим у святителя Афанасия Великого (296–373), святителя Амвросия Медиоланского (ок. 340–397), Феодорита Кирского († ок. 457) и святителя Льва Великого († 461).

Приведем некоторые сведения по исторической ретроспективе в контексте формирования современной практики говения и евхаристического поста перед причащением из документа «Об участии верных в Евхаристии» (одобрен на Архиерейском Совещании Русской Православной Церкви, прошедшем 2-3 февраля 2015 года в Храме Христа Спасителя в Москве):

«В IV веке была окончательно зафиксирована сложившаяся еще в доникейскую эпоху норма об обязательном евхаристическом посте — полном воздержании от пищи и питья в день причащения до момента принятия Святых Тайн Христовых: “Святое таинство олтаря да совершается людьми не ядшими” (41-е [50-е] правило Карфагенского Собора; подтверждено 29-м правилом Пято-Шестого Собора). Однако уже на рубеже IV–V веков, как пишет свя-

титель Иоанн Златоуст, многие христиане связывали причащение не только с евхаристическим воздержанием перед Литургией, но и с соблюдением Великого поста. Святитель порицает возведение этого обычая в ранг нормы: “Прошу, скажи мне: приступая к причащению раз в году, ты действительно считаешь, что сорока дней тебе достаточно для очищения грехов за весь [этот] период? А потом, по прошествии недели, опять предаешься прежнему? Скажи же мне: если бы ты, выздоравливая в течение сорока дней от продолжительной болезни, потом опять принялся за ту же пищу, которая причинила болезнь, то не потерял ли бы ты и предшествовавшего труда? Очевидно, что так. Если же так устроено физическое [здоровье], то тем более — нравственное... [Всего] сорок — а часто и не сорок — дней ты посвящаешь здоровью души — и полагаешь, что умилистил Бога? <...> Говорю это не с тем, чтобы запретить вам приступать однажды в год, но более желая, чтобы вы всегда приступали к Святым Тайнам” (Беседы на Послание к Евреям 17:4).

Вместе с тем в Византии к XI–XII векам в монашеской среде установилась традиция причащаться только после подготовки, включавшей в себя пост, испытание своей совести перед монастырским духовником, прочтение перед причащением особого молитвенного правила, которое зарождается и начинает развиваться именно в эту эпоху. На эту же традицию стали ориентироваться и благочестивые миряне, поскольку монашеская духовность в Православии всегда воспринималась как идеал. В наиболее строгом виде эта традиция представлена, например, в указании русского Типикона (гл. 32) об обязательном семидневном посте перед причащением.

В 1699 году в состав русского Служебника была включена статья под названием “Учительное известие”. В ней, в частности, содержится указание и об обязательном сроке подготовки ко Святому Причащению — в четыре много-

дневных поста причащаться могут все желающие, а вне постов следует поститься семь дней, но этот срок может быть сокращен: “Три дни или один день да постятся точию”.

На практике крайне строгий подход к подготовке ко Святому Причащению, имевший положительные духовные стороны, приводил, однако, и к тому, что некоторые христиане подолгу не причащались, ссылаясь на необходимость достойной подготовки. Против этого злоупотребления была, в частности, направлена норма об обязательном причащении всех христиан Российской империи хотя бы раз в году, содержащаяся в “Духовном регламенте”: “Должен всяк христианин и часто, а хотя бы единожды в год причащаться Святой Евхаристии. Сие бо есть и благодарение наше изящнейшее Богу о толиком смертию Спасителевою содеянном нам спасении. Елижды аще ясте Хлеб сей, и Чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет. И напутствие к животу вечному. Аще не ясте Тела Сына человеческого, и не пиете Крове Его, живота не имате в себе. И есть характер или знамение, которым являем себе быти уды единого мысленного Тела Христова, сиесть, сообщники единой Святой Церкви... Того ради, аще который Христианин покажется, что он весьма от Святаго Причастия удаляется, тем самым являет себе, что не есть в Телe Христовe, сиесть, не есть сообщник Церкви”.

В XIX — начале XX века благочестивые люди стремились причащаться хотя бы во все четыре поста, а святые того времени, среди которых — святитель Феофан Затворник, праведный Иоанн Кронштадтский и другие, — призывали приступать к Святым Тайнам еще чаще. Исповеднический подвиг Церкви в годы безбожных гонений XX века побудил переосмыслить существовавшую ранее практику редкого причащения, так что сейчас большинство воцерковленных православных людей причащается со значительно большей частотой, чем христиане в дореволюционной России.

Определяемые духовником требования подготовки ко Святому Причащению зависят от частоты приобщения Святых Тайн и духовно-нравственного состояния верующего.

Практика приуготовительного поста (говения) регулируется аскетической традицией Церкви. Пост в форме воздержания от скоромной пищи (а в более строгом варианте — в форме сухоядения) и удаления от развлечений, сопровождаемый усердной молитвой и покаянием, традиционно предваряет причащение Святых Тайн. В то же время продолжительность и строгость говения как подготовки ко Святому Причащению могут быть разными в зависимости от внутреннего состояния христианина, а также от объективных условий его жизни.

Сложившаяся в наши дни практика, согласно которой для причащающихся несколько раз в году достаточно погостить три дня, а для причащающихся чаще одного раза в месяц — одного дня, при условии соблюдения однодневных и многодневных постов, — вполне соответствует преданию Церкви, отраженному в том числе в Учительном известии.

Согласно церковной традиции говение состоит не только в отказе от определенной пищи, но и в более частом посещении церковных богослужений, а также в совершении определенного домашнего молитвенного последования, которое обычно состоит из канонов и акафистов Спасителю, Божией Матери, Ангелу Хранителю, святым, иных церковных молитвословий. Объем и состав домашнего молитвенного правила в период говения согласно Следованной Псалтири (точнее, включенному в ее состав “Правилу готовящимся служить, и хотящим причаститься Святых Божественных Таинств, Тела и Крове Господа нашего Иисуса Христа”) может изменяться и находится в зависимости от духовного устройства готовящегося к причастию, а также объективных условий его жизни. Наиболее важная часть молитвенной подготовки причастника — последова-

ние ко Святому Причащению, состоящее из соответствующего канона и молитв. Поскольку Евхаристия есть вершина всего богослужебного круга, присутствие на предваряющих Божественную Литургию службах — в первую очередь вечерне и утрени (или Всенощном бдении) — является важной частью подготовки к принятию Святых Тела и Крови Христовых.

Духовникам при определении меры поста и объема молитвенного правила готовящегося ко Святому Причащению следует принимать во внимание душевное и телесное состояние говеющего, общую занятость и обремененность попечениями о ближних.

При подготовке ко Святому Причащению необходимо помнить, что целью говения является не внешнее выполнение формальных условий, но обретение покаянного состояния души, искреннее прощение и примирение с ближними.

От говения следует отличать евхаристический пост в строгом смысле слова — полное воздержание от пищи и питья с полуночи до Святого Причащения. Этот пост канонически обязателен (см. выше) и не может быть отменен. При этом следует заметить, что требование обязательного евхаристического поста не может быть применимо к младенцам, а также к лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями, требующими неопустительного приема лекарств, и к умирающим.

Поскольку Литургия Преждеосвященных Даров согласно Уставу соединена с вечерней, совершение ее в вечернее время предполагает увеличение продолжительности евхаристического поста, в который включаются не только ночь и утро, но и день. Поэтому при вечернем причащении за Литургией Преждеосвященных Даров воздержание от пищи с полуночи сохраняется в качестве нормы. Однако для лиц, не имеющих физической крепости, Священный Синод Русской Православной Церкви на своем заседании

от 28 ноября 1968 года установил возможность сокращения евхаристического поста при причащении вечером до шести полных часов.

Каноническое право предписывает воздерживаться в период подготовки ко Святому Причащению от супружеского общения. 5-е и 13-е правила Тимофея Александрийского говорят о воздержании в течение суток перед причащением».

Аскетический аспект поста связан со стяжанием добродетели. Конечно, по своей природе пост выявляет и углубляет в нас покаянные чувства. В то же время он позволяет нам увидеть действие обострившихся страстей. Борьба с ними происходит посредством молитвы, покаяния и преодоления греховного навыка через насаждение и укрепление навыка в добродетели, противоположной той или иной страсти, которая в нас проявляется. Аскетике как искусству преодоления грехов и стяжания добродетелей посвящены многие книги в Православной традиции: наиболее известными являются корпус «Добротолюбие» и «Лествица» св. преп. Иоанна Лествичника.

Таким образом, пост является упражнением не только в воздержании, но и в совершении добрых дел. На этом назначении поста Церковь настаивает в великопостных песнопениях. Например, в следующей стихире: «Постясь, братия, телесно, постимся и духовно, разрушим всякий союз неправды, дадим алчущим хлеб, и нищих и бездомных введем в дома» (на вечерне среды 1-й седмицы Великого поста).

В завершение можно сказать, что христианский пост христоцентричен. Он совершается в среду и пятницу как траурный пост, в Четыредесятницу как пост покаянный перед воспоминанием голгофских событий и Воскресения Христова, в Петровский пост как миссионерский в знак готовности проповедовать Благою весть о воскресшем Христе, в Успенский — как траурный в память об Успении Пресвятой Богородицы, в Рождественский — как покаян-

ный перед празднованием Рождества Христова. Конечно, аскетическое содержание (то есть воздержание от страстей и усовершенствование в добродетели) пост имеет всегда.

Рассматривая жизнь человека как целостный процесс по утверждению в «целомудрии» (целостной мудрости), Православная Церковь учит, что отсекаать дурные позывы и порывы, быть умеренным и трезвомысленным во всем христианин должен всегда. А научиться этому помогает периодическое утеснение естественных потребностей через постепенное, но постоянное соблюдение поста. Пост учит нас различать должное от недолжного, богоугодное от небогоугодного, учит нас свободному и ответственному различению Промысла Божия в нашей жизни. Таким образом, пост и воздержание — это не временное явление в жизни христианина, а осозанный и постоянный образ «равноангельной», духовно ориентированной христианской жизни.

Глава 9

ЧЕЛОВЕК — СО-ТВОРЕЦ БОГУ. ТВОРЧЕСТВО. ХРИСТИАНСТВО И ИСКУССТВО. ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Цивилизация и современность

Наверное, ни одно из предшествующих столетий не породило столь огромного количества ожесточенных и непримиримых споров, мнений, трудов о культуре, искусстве и творчестве, как век XX. Действительно, минувшее столетие явилось подлинной эпохой ломки и ликвидации прежних, в основном традиционных, испытанных веками, представлений о большинстве сторон человеческой жизни и деятельности. Подобные цивилизационные сдвиги, увлекшие в небытие целые империи, политические, экономические и социальные формации, коснулись также и традиционных представлений о культуре и искусстве. И пусть разностороннее осмысление этих явлений началось еще в эпоху Возрождения и продолжилось позже в век Просвещения, но настоящим испытаниям явления культуры и искусства подвергли именно события XX века.

Апогеем краха традиционных представлений о красоте и прекрасном стало стремление к эстетизации безобразного и уродливого, что, кажется, является лозунгом и стержнем всей современной «культуры». О подобной тенденции точно выразился Владимир Соловьев: *«Странно, кажется, возлагать на красоту спасение мира, когда приходится спасать саму красоту от художественных и практических опытов, старающихся заменить идеально-прекрасное*

*реально-безобразным»*⁴⁴. В сущности, характеристику Соловьева можно отнести ко всей современной «культуре» и «искусству», которые еще более хлестко описал немецкий философ Ода Марквард: «*Искусства, которые больше не являются прекрасными»*⁴⁵. Этими словами, как опытный и мудрый врач, Марквард поставил безапелляционный духовный диагноз всему человечеству. Этот список диагнозов может продолжить и мнение Сергея Булгакова, жестко выразившегося относительно произведений кубизма словами: «*Труп красоты»*⁴⁶.

Таким образом, XX век всеми силами пытался выдавить прекрасное из искусства и творчества, культуру и высокие идеалы из цивилизации.

Тогда же человечество решило, что оно будто бы не нуждается более в своем Создателе и может прекрасно обойтись без Него, порвав также связь многих отраслей своей деятельности с Его началом. Сегодня весьма распространено мнение о том, что человечество живет ныне в постхристианскую эпоху, и сторонники этой теории ссылаются на неактуальность и несостоятельность христианства в современном мире. Однако причина не в том, что христианское учение устарело или что Господь оставил этот мир, что, в сущности, является абсурдным и невозможным, но в том, что человек сам гордо отошел от Него. Лишив себя подобным актом живой связи с Творцом, человеческая цивилизация автоматически опустошила себя, свою душу и соответственно все то, к чему прикасается рука *homo sapiens*. Таким образом, все проявления деятельности человека стали бездуховными, а иными слова, лишенными смысла, идеи и цели.

Что же противостоит этому? Что должно стать аргументом и антитезой подобным явлениям? Рецептов и мнений

⁴⁴ Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 89.

⁴⁵ Гулыга А. В. Творцы русской идеи. М., 2006. С. 278.

⁴⁶ Там же. С. 279.

может быть здесь множество, однако одним из них, без сомнения, может стать творчество, живое творчество духовного, свободного человека, чье творчество является искусством, высоким проявлением культуры.

Размышляя о предметах настоящей темы, невозможно обойти стороной сами определения и понятия обсуждаемых явлений. Так что же все-таки такое культура, искусство и творчество?

Культура

Ведя разговор о культуре, люди часто забывают, откуда пошло это понятие и что оно означает. По мнению большинства исследователей данного вопроса, термин «культура» впервые употребляет древнеримский политик и писатель, слывший защитником нравственности и борцом с пороками общества, Марк Порций Катон Старший в своем труде «О земледелии» (*De Agri Cultura*), написанном около 160 г. до Р. Х.⁴⁷ К слову, ему же принадлежит крылатое выражение «Карфаген должен быть разрушен». В своем трактате Катон использует понятие *cultura* в значении возделывания почвы. Интересно отметить, что позднее римляне использовали этот термин в связке с каким-либо объектом в родительном падеже только в словосочетаниях, означающих улучшение или совершенствование того, с чем он сочетался: *culture jures* (выработка правил поведения), *culture lingual* (совершенствование языка). Таким образом, с самого начала своей истории «культура» как понятие была связана с трудом, работой над собой, имела возвышенный, идеальный, сугубо положительный характер. Казалось бы, этот факт является самоочевидной истиной, однако цивилизация XX века решила все оспорить и подменить понятия. Еще в XVIII веке Иммануил Кант печально отмечал бурное развитие именно цивилизации

⁴⁷ Марк Порций Катон. Земледелие. Пер. и комм. М. Е. Сергеенко при участии С. И. Протасовой. М., 1950. С. 220.

и с тревогой указывал на ее отрыв от культуры, которая тоже идет вперед, но гораздо медленнее. В подобной диспропорции немецкий мыслитель видел причину многих бед для человечества. Опасения своего соотечественника подтверждает историософ Освальд Шпенглер уже в первой половине XX века: «*Цивилизация начинается там, где умирает культура*»⁴⁸.

В бытовом значении под культурой понимается воспитанность и образованность человека, а в самом широком — все созданное рукой человека (мы специально не рассматриваем значение культуры в сугубо специфических узких отраслях, например анатомии — «культура клетки», или биологии — «культура холеры»). Однако в чем же в данном случае отличие культуры от цивилизации? Гигантские мусорные свалки на окраине мегаполисов — тоже результат деятельности человека, однако разве это культура? Залп батареи тяжелой артиллерии, направленный на уничтожении всего живого, это тоже дело рук человека, но где здесь можно найти следы культуры? Нет, решительно можно утверждать, что в широком значении, с различными гранями и оценками, результат человеческой деятельности следует определять термином «цивилизация», но не культура. Если же культура — это более узкое значение, то как же его определить? Размышляя об этом, Павел Флоренский писал: «*Как в плоскости культуры отличить церковь от кабака или американскую машину для выламывания замков от заповеди “Не укради”?* Великий покаянный канон Андрея Критского от произведений маркиза де Сада?»⁴⁹ В данном случае при решении подобной нравственной задачи на помощь нам приходит сама изначальная история термина *cultura*, который у древних римлян был овеян именно высшим идеалом. Таким образом, культура призвана возвышать человека, служить благу и добру, духовно

⁴⁸ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 51.

⁴⁹ См.: Богословские труды. Сборник статей. №17. М., 1977. С. 127.

оздоравливать человека. Следуя этому утверждению, получается, что культура — это деятельность для человека со знаком плюс, это та деятельность, которая освящена высшим идеалом.

Искусство и творчество

От рассмотрения явления культуры теперь необходимо перейти к следующему фундаментальному понятию — «искусство», являющемуся неразрывным атрибутом, характеристикой, способом, процессом культуры. О предмете искусства за прошедшие столетия было сказано и написано предельно много, но самое важное, что объединяет мысли великих людей, — это принадлежность искусства к прекрасному и безусловное служение искусства добру и красоте. *«Цель искусства — очищение (κάθαρσις) души от низменных страстей посредством созерцания прекрасного»*⁵⁰, — писал Аристотель в IV в. до Р. Х. Следовательно, искусство — это не только процесс, но и некое лекарство, коим является видимый результат. Эту мысль через две тысячи лет подхватывает Федор Михайлович Достоевский: *«В том-то и признак настоящего искусства, что оно всегда современно, насущно, полезно»*⁵¹.

Искусство невозможно представить не только без труда, усилий, работы мастера над собой, профессионального роста, самосовершенствования, но и без творчества. Интересно отметить, что понятие «искусство» восходит к латинскому термину *experimentum*, что дословно означает «опыт», «проба», а они неотделимы от свободного поиска мастера, то есть от творчества. Получается, что искусство уже само в себе заключает и подразумевает творчество. Не всякий хорошо сделанный предмет является произведением искусства, так же как и не всякая профессиональная деятельность может называться творчеством. *«Творческий*

⁵⁰ Гулыга А. В. Творцы русской идеи. М., 2006. С. 34.

⁵¹ Там же. С. 36.

акт... есть событие, протекающее во времени, но творимая им идея как возможность... есть нечто невременное»⁵², — писал Николай Лосский, предельно ясно и точно определив границы времени и пространства творчества, точнее, указав на их отсутствие. Подлинное творчество приводит к искусству, которое пребывает вне веков и эпох, оно вечно, оно всегда актуально и полезно для человека. «В творческом акте не устраивается “мир сей”, а создается мир иной, подлинный космос. Творчество не есть приспособление к этому миру, к необходимости этого мира — творчество есть переход за грани этого мира и преодоление его необходимости»⁵³, — продолжает мысль о трансцендентальности творчества Николай Бердяев.

Начавшееся в XX веке стремительное развитие физики, математики и техники привело к началу освоения человеком космического пространства, позволило ученым заглянуть в глубину Вселенной, подойти вплотную к вопросу о сотворении мира, а также постижению тайны времени и пространства. Однако мало кто задумывается, что и без сложнейших математических теорий и ракетных двигателей человеку подвластны время и пространство, и подвластны они ему именно в процессе творчества. «Попытка вывести все высшее целиком из низшего без содействия... высших начал, приняв за исходный пункт творческой эволюции пустое чистое пространство и время, есть нагромождение непонятностей уже потому, что пространство и время есть только пассивные формы, неспособные существовать без содержания и быть источником творчества»⁵⁴, — заключает Николай Лосский.

⁵² Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С. 240.

⁵³ Бердяев Н. А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М., 1916. С. 109.

⁵⁴ Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С. 154.

Размышления о вневременности творчества и искусства приводят мастера или художника к самому главному вопросу: во имя чего или Кого я творю и созидаю? Самый простой ответ может заключаться в том, что художник творит для собственного «я», для достижения материальных благ, удовлетворения эстетического вкуса власть имущих и прочее. Однако едва ли подобные произведения рук человека останутся в веках. Подлинные временные произведения искусства и творчества связаны с Тем, кто также вне времени и пространства. Именно Бог создал этот мир, Он же вдохнул жизнь в человека и наделил его даром творчества и даже сотворчества с Собой. *«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его»* (Быт. 1:27). Размышление над этим библейским стихом привели Николая Бердяева к следующей мысли: *«Творец дает человеку — своему образу и подобию — свободную творческую мощь. Творчество человека подобно творчеству Бога, не равно и не тождественно, но подобно»*⁵⁵. Человек призван к творчеству, созиданию, познанию, и через это он не только открывает себя, но и приближается к своему Творцу, становится способным прикоснуться к тайне Божественного бытия. Так же как физические нагрузки и упражнения закаляют тело и физически развивают человека, так и творчество позволяет совершенствовать свою душу и сердце.

Размышления о вневременном и Божественном характере явления «творчество» неизбежно приводят к первым страницам Священного Писания — к Книге Бытия. *«В начале сотворил Бог небо и землю»* (Быт. 1:1).

Господь творит наш мир «из ничего» (*ex nihilo*), когда еще ничего не существовало, но было уже Божественное творчество, возможность которого Он передал затем человеку. Результат творчества Бога — Вселенная и человек, заключающий в себе ее саму. Так к какому же еще творче-

⁵⁵ Бердяев Н. А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М., 1916. С. 116.

ству призван человек? При завершении каждого дня творения в тексте Библии мы встречаем фразу: «*И увидел Бог, что это хорошо*». Бог может творить только так, только совершенно, только хорошо. Без сомнения, именно к такому творчеству, свободному и совершенному, призван человек во всей своей полноте.

Однако история человеческой цивилизации в XX веке показала стремление венца творения Бога не просто к тотальным разрушениям, но и к самоуничтожению себя самой. И хотя человечество преодолело, но лишь на время, угрозу ядерной катастрофы, то есть угрозу существования, оно лицом к лицу встретилось с другими вызовами, разрешать которые оно пока не спешит. Очевидно, что культура и искусство заключают в себе мощнейший потенциал и являются неисчерпаемым источником духовных ресурсов, способных помочь решению многих глобальных задач современности. Но об этом мало кто вспоминает и это использует. Наоборот, создается такое впечатление, что человечеству нужны сегодня именно псевдокультура, псевдоискусство и псевдотворчество.

Кризис искусства

Кризис искусства последнего времени заключается в том, что религиозное сознание человека находится на очень низком уровне. Стремление создать вечные произведения искусства, освященные высшим идеалом, сменило желание заработать как можно больше здесь и сейчас. В этой ситуации подлинные мастера и художники уступают место либо безумным фанатикам с больным воображением, либо откровенным дельцам, стремящимся к сверхдоходам. Многие теоретики искусства утверждают сегодня, что классическое творчество исчерпало себя, что ему на смену пришло самовыражение. Об этом предельно глубоко размышлял архимандрит Виктор Мамонтов: «*Современный человек хочет создать что-то красивое в этом мире,*

но — сам по себе, занимаясь самовыражением и самоутверждением, отключившись от Бога. Он преподносит миру свои страсти — в музыке, в живописи, в кино и т.д. У людей полно своих страстей, а их еще навязывают извне. И человек взрывается от перегрузок. Если человек пишет картину, художественное произведение, музыку без Бога, то его творение будет плодом мира сего, а не плодом вечной жизни. Современный человек дерзает быть самодостаточным, делая себя центром мира. Он находится в богоборческом состоянии, хочет поклонения себе, не стесняется искать славы человеческой и ищет ее, а не славы Божьей. Это — болезнь духовная»⁵⁶.

Современные культура и искусство пребывают в глубоком упадке из-за смещения ориентиров и подмены понятий. Если прежде главными критериями произведений искусства были красота и гармония, то сейчас — эпатаж, скандал и количество заработанных вокруг них денег. На наших глазах происходит то, о чем предупреждали мыслители еще сто лет назад. Красоту приходится спасать саму, а идеально-прекрасное подменяется реально-безобразным. Кризис культуры — это кризис человечества. Оно больно, и больно духовно. Что же может его исцелить и спасти? «Красота спасет мир». Эту широко известную фразу, приписываемую Федору Михайловичу Достоевскому, знают все и цитируют от случая к случаю часто. Но какая именно красота спасет мир? И что именно имел в виду Достоевский?

В романе «Идиот» слова о спасительной роли красоты передает смертельно больной Ипполит как якобы услышанные от главного героя произведения — князя Льва Мышкина. Однако вот что говорит сам герой. Взирая на портрет признанной красавицы Настасьи Филипповны, князь произносит следующую фразу: «Это гордое лицо,

⁵⁶ *Гриц И. и М.* Тайнство детства — Беседы с архимандритом Виктором (Мамонтовым). М., 2005. С. 91.

ужасно гордое, а вот не знаю, добра ли она? Ах, как бы добра! Все было бы спасено!»⁵⁷. Таким образом, именно доброта спасает мир. В романе красота, лишенная доброты, но наделенная гордостью, губит все вокруг. В другом романе Достоевского, «Бесы», олицетворение зла Петр Верховенский убеждает: «Я нигилист, но люблю красоту»⁵⁸. И это может быть правдой. Красота, не обремененная нравственной нагрузкой и не освященная высшим идеалом, может являться на самом деле истинным злом. «Красота не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца человеческие»⁵⁹, — читаем мы в романе «Братья Карамазовы». Только красота, служащая добру, идеалу, Творцу, может обладать спасительным потенциалом. Это подтверждает Владимир Соловьев: «...в жизни есть смысл; культ силы и красоты невольно указывает нам, что этот смысл не заключается в силе и красоте, отвлеченно взятых, а может принадлежать им лишь при условии торжествующего добра»⁶⁰.

Сама по себе красота еще не гарантия спасения. Когда Достоевский говорил, что красота спасет мир, то он имел в виду прежде всего высший идеал — Бога, а не то, что думает об этом светский человек, который считает, что красота — это лишь эстетика. Подлинная красота соединяет воедино и форму и содержание, превращая созданный предмет в завершенное произведение искусства. Признак подлинной культуры и искусства — безусловное стремление к добру, посвящение произведения высшему идеалу, способность одухотворять и исцелять тех, кто к нему становится причастен. **Искусство является стержнем культуры, а творчество суть стержень искусства. Стремление в творчестве к доброй красоте и гармонии, посвящение**

⁵⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 16. М., 1972. С. 363.

⁵⁸ Гулыга А. В. Творцы русской идеи. М., 2006. С. 277.

⁵⁹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М., 1972. С. 162.

⁶⁰ Гулыга А. В. Творцы русской идеи. М., 2006. С. 278.

произведения Творцу и служению ближнему превращает всякое творение не просто в произведение искусства, но и в уникальное духовное явление.

Духовное преображение в творчестве

То, что искусство возвышает и преображает — безусловно. Более того, творчество и его результаты могут быть источником исцеления не только для тех, кто к нему обращается, но и для того, кто творит, даже если он к этому не стремится. Если проследить творческий путь Александра Сергеевича Пушкина по его произведениям, то можно без труда заметить, какой колоссальный духовный путь проделал великий поэт за свою недолгую жизнь — от вольнодумных и откровенно богохульных четверостиший периода южной ссылки до стихотворения «Отцы пустынноики и жены непорочны...», написанного незадолго до смерти, которую он встретил мужественно и стойко, успев выполнить свой христианский долг; от молодого повесы, страстного дуэлянта и любителя сердечных приключений до любящего мужа и заботливого отца. Даже беглый взгляд на биографию А. Пушкина покажет, с одной стороны, всю гениальность поэта, но с другой стороны, ту цену, которую он за нее заплатил. С духовной точки зрения, кто-то может сказать, что гениальность поэта губила его душу и несла ему непоправимый вред, не меньший, чем рана от пули, выпущенной Ж. Дантесом на Черной речке. Об этом много размышлял Николай Бердяев: *«И вот рождается вопрос: в жертве гения, в его творческом исступлении нет ли иной святости перед Богом, иного религиозного делания, равнодостоинного канонической святости? Я верю глубоко, что гениальность Пушкина, перед людьми как бы губившая его душу, перед Богом равна святости Серафима, спасавшей его душу. Гениальность есть иной религиозный путь, равноценный и равнодостоинный пути святости. Творчество гения есть не “мирское”,*

а «духовное» делание»⁶¹. Осознав на определенном этапе своей жизни и творчества всю степень ответственности, поверя в высшее предназначение своего таланта, А. Пушкин, без сомнения, всего себя отдал творчеству, плодам которого с удовольствием приобщаемся мы и ныне.

Сегодня человечество обладает уникальным накопленным опытом и знаниями. Однако, к величайшему сожалению, оно не извлекает из них необходимых уроков. Точно так же современному человеку доступно уникальное культурное наследие предшествующих эпох. Современные информационно-коммуникационные средства открывают человеку доступ ко всему многообразию классической музыки, литературе, живописи, 24 часа в сутки и в любом месте земного шара. Но в достаточной ли степени использует человек эти возможности? С развитием науки и техники человек лишился необходимости добывать себе пищу или кров изнуряющими или опасными способами, но средства к существованию, так или иначе, он вынужден искать и ныне. Это, а также многие другие отвлекающие факторы сегодняшнего дня мешают человечеству отделить главное от второстепенного, временное от вечного, подлинное от мнимого, а также приобщиться к вечному. Однако *«не хлебом одним будет жить человек»* (Мф. 4:4). Этот «хлеб духовный» как раз и предлагает, среди прочего, классическое искусство и путь созидательного творчества. Обдуманное и глубокое приобщение к образцам классического искусства — суть созерцание Творца, диалог с Ним, молитва. Поэтому **подлинная культура, искусство, творчество являются отблеском Бога, Его любви и заботы здесь, на земле. Искусство включает в себе значительный вероучительный потенциал и способность открывать человеку Бога.** Едва ли кто-то задавался целью провести широкомасштабный социологический опрос с участием сотен тысяч людей

⁶¹ Бердяев Н. А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М., 1916. С. 122.

на тему влияния искусства на приобщение к вере и религии, но сама история искусства подтверждает, что это влияние огромно. Частности и обстоятельства подобного влияния, конечно же, строго индивидуальны, зависят от многих факторов, например вида искусства, опыта и душевного состояния человека, но то, что оно не оставляет равнодушным, заставляет так или иначе задуматься о главных вещах, а также вызывает желание погрузиться в это еще более — это бесспорно.

Глава 10

ХРИСТИАНСТВО И МАГИЗМ. УСИЛИЕ И НАСИЛИЕ

От созидательных идей,
Упрямо требующих крови,
От разрушительных страстей,
Лежащих тайно в их основе,

От звезд, бунтующих нам кровь,
Мысль облучающих незримо, —
Чтоб жажде вытоптать любовь,
Стать от любви неотличимой,

От Правд, затмивших правду дней,
От лжи, что станет им итогом,
Одно спасенье — стать умней,
Сознаться в слабости своей
И больше зря не спорить с Богом.

Наум Коржавин
(стихотворение «От созидательных идей,
Упрямо требующих крови...», 1969)

И сказали они: построим себе город
и башню, высотой до небес,
и сделаем себе имя.

(Быт. 11:4)

Как уже отмечалось в предыдущих лекциях, человек был создан Богом по образу и подобию Божию. Подобие Божие дано человеку в виде потенциала, который в течение своей жизни он должен реализовать — обожиться. То есть стать богом, но не по природе, а по благодати. Еще

одно уникальное качество человека состоит в том, что он призван привести весь тварный мир в состояние совершенства. Это возможно потому, что весь окружающий мир — до самых краев вселенной — отражается в человеке⁶². И человек не только способен на него воздействовать, но по замыслу Божию он просто не может иначе.

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими (и над зверями,) и над птицами небесными, (и над всяким скотом, и над всею землею,) и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:27, 28). Человек не может жить, не владычествуя над миром и не обладая им. Другое дело — как он владычествует над миром? В синергии с Богом объяв вселенную своей любовью или бездушно уродуя его своим эгоизмом? Бог дал человеку власть над тварным миром, надеясь на благоразумие человека и ожидая от него ответной любви, без которой человек не сможет должным образом употребить эту власть.

До грехопадения человек «жил только Богом и Богом питал вселенную»⁶³ (В. Н. Лосский). Человек был в полной гармонии с окружающим миром. Все было пропитано любовью человека к вселенной. Все законы бытия, вся истина, которой человек питался от Бога, служили человеку исключительно во благо. Обладающий всем миром человек не мыслил себя без Бога.

Однако все резко изменилось после первого грехопадения. Процесс отпадения человека от Бога, описанный в третьей главе книги Бытия, можно рассматривать в различных аспектах. В том числе с позиции появления у человека же-

⁶² Существует даже такой термин: *человек-макрокосм*.

⁶³ *Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие*. М., 1990. С. 285.

лания управлять окружающим миром, властвовать над ним без Бога. *«И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание»* (Быт. 3:6). Невозможно себе представить, чтобы человек до этого момента жил без знания. Наоборот — он обладал максимальным знанием, которое только мог вместить на тот момент. И главное — он знал Бога. Но здесь человек увидел возможность использовать знания без Бога. О, как это, оказывается, приятно! Обладать всем миром и знаниями о его устройстве, но без Бога! И ложная сладость греха (в рассматриваемом аспекте — власти над миром без Бога) в человеческом сознании берет верх... Да, искушение властью, пожалуй, самое сильное из всех, которые может испытать человек. Существует даже такая фраза: «огонь, вода и медные трубы»⁶⁴, подчеркивающая тот факт, что прошедшему даже через «огонь» и «воду» очень непросто пройти через «медные трубы», под которыми здесь подразумевается слава, фанфары в честь человека. А слава — не что иное, как одна из разновидностей власти над людьми. Недаром третье искушение Христа было именно властью (Мф. 4:8-9; Лк. 4:5-7). Но и его выдержал Спаситель, ответив: *«отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи»* (Мф. 4:10; Лк. 4:8)⁶⁵.

⁶⁴ Под таким же названием — «Огонь, вода и медные трубы» в 1967 году режиссером Александром Роу был снят художественный фильм-сказка.

⁶⁵ Не следует думать, что Иисусу Христу было легче выстоять перед искушениями, чем любому другому человеку. Скорее наоборот — именно Спасителя сатана пытался искушить с такой силой, которую мы даже представить себе не можем. Ведь со мной он это делает гораздо проще, прекрасно зная — у кого где находится его самое уязвимое место, его духовная «ахиллесова пята». Но последнее не означает неизбежности моего грехопадения, а лишь подчеркивает — с каким усилием я порой должен и могу (но не хочу, поэтому и падаю) препятствовать искушению.

Протоиерей Александр Мень пишет: «Магизм усматривал во Вселенной некие неизменные законы и силы, овладение которыми якобы сулило человеку благоденствие. Он был более всего заинтересован теми внешними выгодами, которые люди могут извлечь, подчиняя себе видимый и невидимый мир. Подлинная религиозная жажда была чужда магизму, ставившему на место молитвы, веры и любви волхование, заклятие, принуждение. В этом проявлялась его глубинная связь с грехопадением, с притязаниями человека утвердить свою волю выше воли Божественной»⁶⁶.

Собственно говоря, *магизм* и есть воздействие человека на мир, обладание миром без Бога. И отказ от высшей цели — богоподобия. «В магизме скрыто присутствует та духовная тенденция, которая коренится в первородном грехе человечества: поставить себя в центре мироздания и заставить служить себе его силы. Именно поэтому магизм явно посястононен. Высшим благом для него являются блага земные. Предел желаний мага — процветание здесь, на земле»⁶⁷.

Понятие *магизм* гораздо шире, чем кажется на первый взгляд. И, например, колдовство и ведовство — лишь специфическая часть этого явления. Нам важно разобраться в его сути, чтобы увидеть, что магизм проник практически во все сферы человеческой жизни, в том числе и в религиозную.

В первую очередь необходимо отметить, что магизм онтологически противостоит религии. Если религия — возврат человека к состоянию единства с Богом, то магизм,

⁶⁶ Прот. Александр Мень. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Том 2. Магизм и Единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. Введение. URL: http://www.alexandrmn.ru/books/tom2/2_vved.html.

⁶⁷ Прот. Александр Мень. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Том 2. Магизм и Единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. Магическое мирозерцание. URL: http://www.alexandrmn.ru/books/tom2/2_gl_04.html.

наоборот, бесконечно удаляет человека от Бога. В своей работе прот. Александр Мень приводит слова Вильгельма Шмидта: «в магизме нужно видеть “самое резкое противоречие религии”»⁶⁸. «Человек есть прежде всего личностное существо. Самосознающая личность, способная в своем мышлении охватить весь мир, не растворяясь в нем, есть вершина тварного бытия. Именно возрастание личностного начала было условием для движения человечества вперед. Но магизм затормозил “исполнение времен” на многие тысячелетия. Он извратил и самую религиозность человека, его отношение к Богу, его отношение к Природе и себе подобным. Магизм ждет от Неба только даров, Природу (включая незримые силы) он хочет поработить»⁶⁹.

Любые попытки использовать Церковь в своих интересах вне контекста спасения — тоже проявление магизма. Pokреститься, «чтобы получить некую защиту», освятить квартиру или машину «на всякий случай», поставить свечку и отгонять от нее всех, «чтобы, притронувшись к ней, не напортили чего-нибудь в моей карме», фанатичное следование ритуально-обрядовой букве при нежелании понять дух и смысл происходящего — все это яркие и, к сожалению, типичные примеры пропитанного магизмом поведения человека в храме. Что, в общем, психологически объяснимо. Гораздо проще верить в неизбежность и предопределенность результата моих действий в храме, чем искать волю Бога по отношению ко мне и выстраивать с Богом личные отношения. Разумеется, спокойнее иметь «гарантию» спасения, скрупулезно соблюдая все пункты правил церковного поведения, не видя за ними живой Церкви.

⁶⁸ Прот. Александр Мень. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Том 2. Магизм и Единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. Магическое мирозерцание. URL: http://www.alexandrmn.ru/books/tom2/2_gl_04.html.

⁶⁹ Там же.

Верить в ритуал и верить в Бога — не совсем одно и то же. Например, церковные таинства имеют свое действие только по нашей искренней вере и доверию Богу. Принцип *ex opere operato* («в силу сделанного дела») здесь не работает. Церковь — это Тело Христово, то есть живое тело!

Но не стоит думать, что в случае нашей недостаточной веры таинство вообще не свершилось. Церковное таинство в любом случае будет действительным, однако может остаться не действенным. То есть тот потенциал, который вручен нам Богом через это таинство, может так и остаться не реализованным. Магическое, бездушное отношение к таинству можно сравнить с нашим отношением к подарку, который искренне и с большой любовью вручил нам родной человек, а мы до сих пор даже не открыли его...

«Магия всегда существовала параллельно с различными религиозными системами и отравляла их своим *обрядовым детерминизмом*. Магизм привносил в религию слепую, почти маниакальную веру во всеислие ритуалов и заклятий. На духовную сферу перевилась мертвенная причинность, возникало отношение к высшему началу, лишенное всякого живого религиозного чувства и мистической жажды. Отсюда такие странные, на первый взгляд, явления, как избиение идола, если он не выполнял требований просящего. Насколько такое “потребительское” отношение живуче, свидетельствует хотя бы то, что даже у христианских народов бывали случаи, когда статуи святых “наказывали” за то, что они не слышали просьб народа. Религиозный магизм убежден, что высшую силу можно заставить подчиниться. Нужно лишь найти ключ, слово, действие — и все будет в руках человека»⁷⁰.

⁷⁰ Прот. Александр Мень. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Том 2. Магизм и Единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. Магическое мирозерцание. URL: http://www.alexandrmn.ru/books/tom2/2_gl_04.html.

Однако в жизни людей иногда происходят вещи, которые не укладываются в привычные рамки сознания. Мы это называем чудом. Но чудо никакого отношения к магии не имеет. Наоборот — оно есть проявление любви Бога к своему творению. «Господь может сотворить любое чудо — по Его любви к людям и миру»⁷¹. Настоящее чудо — это восстановление естественного состояния тварного мира (вывод его из противоестественного состояния, являющегося следствием греха) посредством любви Божией и Его всемогущества. Избавление человека от болезни, воскрешение мертвых — все это возврат человека в естественное состояние, так как болезнь и смерть появились в человеческой жизни как следствие грехопадения.

Любое чудо — это непосредственное действие Бога в жизни человека с целью спасти его от какой-либо опасности или искаженного грехом состояния, когда на какое-то время Бог отменяет действие им же созданных законов мироздания, чтобы восторжествовал самый главный закон — закон любви. Но и здесь мы имеем дело со свободной волей человека, с его верой. Вспомним, что Иисус Христос в своем родном городе Назарете не смог сотворить ни одного чуда по неверию его жителей: «*И не совершил там многих чудес по неверию их*» (Мф. 13:58). Интересно, что часто Спаситель просил многих людей, кого он исцелил, никому не говорить об этом. Иначе многие бы пошли за Ним не как за Учителем, но как за магом и волшебником. То есть человеку иногда нужен больше внешний эффект, чем внутреннее содержание. Здесь снова уместно вспомнить одно из искушений Христа, когда именно такой способ привлечь к Нему внимание многих людей предлагал сатана: «*Потом берет Его*

⁷¹ Прот. Константин Пархоменко. Чудеса Христовы. URL: <https://azbyka.ru/parkhomenko/chudes-a-v-biblii.html#n1>.

диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Мф. 4:5–6). Но и здесь Спаситель побеждает искушение.

С другой стороны, мы должны видеть в настоящих чудесах не только проявление любви Божией к тому человеку, с которым произошло чудо, но и обращение Бога к нам, чтобы мы уверовали в Его всемогущество и любовь. *«И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но [это для] [того], чтобы на нем явились дела Божии»* (Ин. 9:1–3).

Существует еще одно заблуждение, связанное с понятиями «белой» и «черной» магии. Заключается оно в том, что якобы «белая» магия — хорошая, а «черная» — плохая. Но раз и то и другое — все равно магия, то как одна из них может быть «хорошей»? Любая магия есть насилие над свободной волей Бога и волей человека.

Самый простой пример. В магической практике есть такое понятие, как «приворожить», то есть заставить одного человека почувствовать сильнейшую привязанность, влечение к другому. О любви даже речи никакой не идет. Если я хочу, чтобы этот человек был со мной, я пытаюсь добиться этой цели любыми средствами, не спрашивая его желания. Здесь речь идет о самом элементарном насилии: над волей другого человека, не желающим быть со мной; над волей Бога, так как меня не интересует Его воля по отношению к этому человеку и даже по отношению ко мне. Я хочу и все!

Необходимо добавить, что, скорее всего, действительно существуют способы повлиять на человека, в том числе

с помощью небесного плана — мира д^ухов, что обычно и называют колдовством. Но на настоящего христианина это все не действует по очень простой причине — он находится под защитой Самого Бога. *«Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог!»* (Ис. 8:10).

Здесь обязательно нужно сделать одно предостережение. Когда маг или колдун для своих целей призывает мир падших духов, это может очень плачевно для него закончиться. Сначала ему будет казаться, что именно он использует темные бесплотные силы, но на самом деле сам маг оказывается во власти демонов. И потом ему уже просто так оттуда не выбраться. История знает немало примеров того, как трагично заканчивали свой жизненный путь любители поколдовать. Но человек — существо свободное. И если он сам захочет, то может выйти в трансцендентальный план, но уже со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В христианстве нет никакого «тайного знания». И в этом его главное отличие от гностицизма. В христианстве есть знание Бога, а значит, и понимание того, как распорядиться другими знаниями, которые Бог вкладывает в руки человека. Человеку свойственно познание. Но с одним важным условием — чтобы Бог в сознании человека оставался на главном месте. Тогда и все знания займут достойные и подобающие им места.

Знания сами по себе не хороши или плохи. Все зависит от цели и способов употребления этих знаний. Они, например, могут использоваться для того, чтобы нашу жизнь сделать более комфортной. Прот. Александр Мень пишет: «Разумеется, сам по себе рост материальной цивилизации не есть зло. Он становится злом, когда вытесняет духовные ценности. А этот соблазн человек почти никогда не в силах преодолеть. Одним словом, я здесь не защищаю первобыт-

ного образа жизни, а только хочу сказать, что наличие ракет и холодильников не дает права “цивилизованному” человеку считать себя духовно выше всех тех, кто был лишен этих благ технического века»⁷².

Очень красочно показан результат ухода цивилизации на путь научно-технического прогресса в ущерб духовности в кинокартине Георгия Данелии «Кин-дза-дза».

Любая сфера человеческой деятельности должна быть одухотворена. Наука в том числе. Одна и та же ее область может привести к созданию атомной бомбы или аппаратов лучевой терапии, используемых в онкологии. Вспоминаются слова Бертона — персонажа художественного фильма Андрея Тарковского «Солярис»: «Не делайте науку безнравственной!»

Стоит добавить, что нет никакого внутреннего противоречия между наукой и религией, как это иногда пытаются «доказать» атеисты. Достаточно, например, хотя бы вспомнить ученых с мировыми именами, которые были верующими людьми — христианами: Блез Паскаль, М. В. Ломоносов, Макс Планк, Луи Пастер и др. А еще лучше прочитать их высказывания.

Блез Паскаль: «Христос притягивает к Себе все человечество... Без учения Христа у человека будут пороки и бедствия, заблуждения, мрак, отчаяние, смерть. Исполняя учение Христа, люди могут освобождаться от этого. Во Христе — вся наша добродетель и блаженство. Без учения Христа люди бы заели друг друга, мир сделался бы адом и развратился бы... Только Бог может заполнить вакуум в сердце каждого человека. Ничто из сотворенного человеком этот вакуум заполнить не может. Только Бог,

⁷² Прот. Александр Мень. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Том 2. Магизм и Единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. Доисторические мистики. URL: http://www.alexandrmens.ru/books/tom2/2_gl_03.html.

которого мы познаем через Иисуса Христа, заполняет эту пустоту... Познание Бога без познания своей греховности приводит к гордости. Познание своей греховности без познания Бога приводит к отчаянию. Познание же Иисуса Христа приводит на верный путь, так как в Нем находим мы Бога и свою греховность...» «Евангелие дает человеку не только Божие откровение нашего призвания, но и утешение. Без учения Христа мы ничего не знаем и ничего не видим»⁷³.

Макс Планк: «Куда бы мы ни обращали наши взоры, каким бы ни был предмет нашего наблюдения, мы нигде не находим противоречия между наукой и религией. Мы, скорее, констатируем их абсолютную гармонию в основных пунктах, особенно в области естествознания. Как религия, так и наука, в конечном результате, ищут истину и приходят к исповеданию Бога»⁷⁴.

М. В. Ломоносов: «Природа есть в некотором смысле Евангелие, благовествующее громко творческую силу, премудрость и величие Бога. И не только небеса, но и недра земли проповедуют славу Божию»⁷⁵.

Луи Пастер: «Потомки в один прекрасный день от души посмеются над глупостью современных нам ученых-материалистов. Чем больше я изучаю природу, тем более изумляюсь неподражаемым делам Создателя»⁷⁶.

Но если человек с помощью научных знаний пытается управлять этим миром без Бога, он автоматически становится на путь магии. «Главной задачей магии было ис-

⁷³ Портал «Свод житейской мудрости». URL: <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/49122.html?page=2>.

⁷⁴ Портал «Свод житейской мудрости». URL: <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/51181.html>.

⁷⁵ Электронная христианская библиотека. URL: <http://bibleoteka.com/statements/word.html>.

⁷⁶ Портал «Свод житейской мудрости». URL: <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/48868.html>.

пользовать открытые человеком закономерности для своих повседневных нужд и целей»⁷⁷.

Магизм проявляет себя в самых неожиданных областях. Например, в политике. Уже было отмечено, что там, где существует магизм, там всегда насилие. «Магизм <...> в человеческом обществе воцаряет насилие. В коллективе, подчиненном воле царя-мага, личность должна раствориться среди племенного целого, ибо властителю легче управлять “массой”, нежели личностями.

Властитель и коллективное сознание — вот две преграды для духовного возрастания человека. Племя и власть становятся над духом. Человек сливается с родом, он не имеет своей жизни, не смеет иметь своего суждения, не смеет сомневаться, он подпадает под гипноз “коллективных представлений”. Эти представления, по словам Леви-Брюля, передаются в социальной группе из поколения в поколение, “они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т. д. в отношении своих объектов. Они не зависят в своем бытии от отдельной личности”.

Народы, не дерзнувшие в течение тысяч лет изменить хотя бы йоту в установившихся канонах, — жертвы “коллективных представлений” Магизма. Они парализовали творческую активность и религиозный гений человека, ибо только в сознании личной ответственности и духовной свободы находит он свое высшее призвание как образ и подобие Творца Вселенной»⁷⁸. «Отчуждение от Бога вело к разобщению и в человеческом роде. Первобытные и архаи-

⁷⁷ Прот. Александр Мень. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Том 2. Магизм и Единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. Магическое мирозерцание. URL: http://www.alexandrmn.ru/books/tom2/2_gl_04.html.

⁷⁸ Там же.

ческие общества — это чаще всего “закрытые” группы, враждебные всем прочим. В них царили боязнь “чужаков” и ненависть к ним, да и в наши дни эти инстинкты дают о себе знать. Во многом люди жили по волчьим законам борьбы за существование. Личность была чаще всего оттеснена на задний план; племя диктовало все: правила, веру, образ жизни. И только колдун или вождь стоял над этой “человеческой стаей”, постепенно превращаясь в новый объект идолопоклонства. Иными словами, первобытное язычество создало прообраз тоталитарного строя»⁷⁹. Очень хотелось бы сделать актуальные выводы из этих строк, чтобы никогда не повторилось в истории нашей страны (да и всего человечества) трагедий, связанных с человеческим унижением, доведением ценности жизни почти до нуля. Хотя очень тяжело обходиться политикам без магизма, а обществу — без идолопоклонства. Тяжело, но необходимо.

Магизм проявляет себя в том числе и через искусство. Мы все хорошо понимаем степень влияния искусства на человека. Но в этом состоит и его опасность, если не должным образом и без необходимой мудрости и степени ответственности подходить к вопросу о творчестве. Не будем забывать, что именно творческий гений отличает нас от всего остального мира. Человек создан со-творцом Богу, и его деятельность должна во всем быть истинным творчеством, а значит — не отравленной магией.

В заключение вернемся к тем страницам истории, когда человек в раю только позволил магии войти в его жизнь. А дальше «будет происходить этот постепенный рост магии, который на многие тысячи лет замедлит ход духовной истории человека. <...> Живое чувство Бога будет заглу-

⁷⁹ Прот. Александр Мень. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Том 2. Магизм и Единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. Единый. URL: http://www.alexandrmn.ru/books/tom1/1_gl_10.html.

шаться натуралистическими культурами, <...> эти культы и вера в магию создадут почву для материализма с его полным отказом от всего, что выходит за рамки чувственного.

Но <...> грехопадение не смогло уничтожить образ Божий в Адаме. Поэтому активность человека будет проявляться и как подлинное творчество. Ноосфера окажется не только разрушительной, но и созидательной силой. Она внесет в ландшафт Земли плоды разума, а следовательно — смысл и цель. Цивилизация будет, выражаясь словами Булгакова и Тейяра, очеловечиванием природы. В хозяйственной и культурной деятельности человека явится — пусть бледное и несовершенное — предчувствие нового Эдема, о котором возвестят пророки Библии.

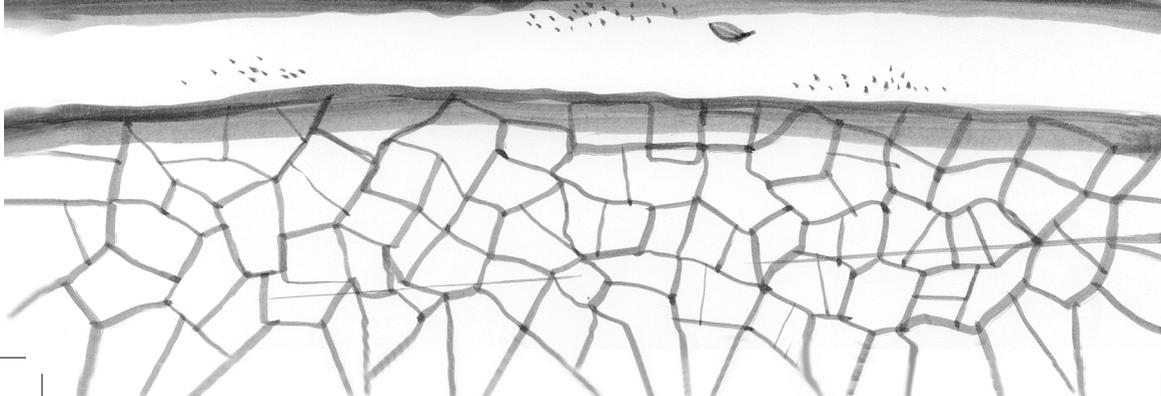
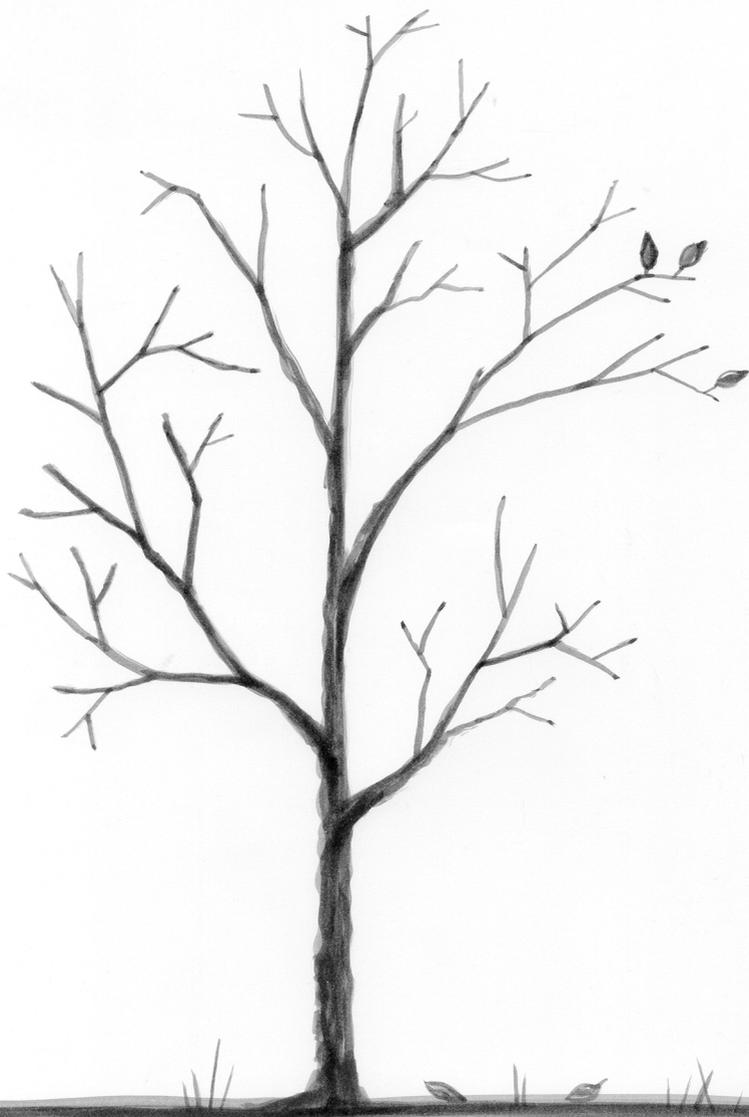
И в отношениях к Творцу Адам не останется до конца ослепленным враждой, недоверием и корыстью. В нем пробудится тоска по Небу, по божественной Любви и свободе богосыновства. Как река, остановленная наносами, прокладывает рукава в дельте, чтобы направить свои воды к морю, так и дух будет искать пути, ведущие в дом небесного Отца.

Единый Бог снова начнет возвращаться в сознание человека. Сначала Его будут считать лишь главой пантеона, но постепенно образ Его станет проясняться, освобождаясь от языческой копоты.

В конце концов, отзвуки первоначальной интуиции Единого и новые духовные поиски приведут к великим мировым религиям и восстанию против тирании магизма. А эти религии, в свою очередь, явятся прелюдией и подготовкой к Новому Завету, который откроет миру Сущего в лице Богочеловека»⁸⁰.

⁸⁰ *Прот. Александр Мень*. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Том 2. Магизм и Единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. Единый. URL: http://www.alexandrmn.ru/books/tom1/1_gl_10.html.

И в самом конце беседы о магизме сделаем вывод. Чтобы избежать в жизни магического отношения к миру, достаточно следовать словам Спасителя: *«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф. 6:33).

Глава 11

ХРИСТИАНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ. ВВЕДЕНИЕ В ЭСХАТОЛОГИЮ

Что мы знаем о смерти

Начиная говорить о смерти, мы должны сразу для себя уяснить, что все наше знание заключается в том, что мы не знаем по большому счету ничего. Это незнание таит в себе самую главную загадку, которая заставляет людей либо об этом не думать, либо же, что куда полезней, искать ответ. Другое дело, что и найдя объяснение, человек по большому счету просто успокаивает себя, и это успокоение не приносит ему ничего, кроме психологического ухода от главных вопросов: «куда я иду и зачем я здесь?» Загадка смерти пугает нас, мы чувствуем себя загнанными в угол неизбежности, которая с каждым днем все больше дает о себе знать. Пока человек молод, он мало обращает внимание на столь важные вопросы, ведь для многих из них это ненужный негатив, кажущийся неразрешимым. Время жизни идет, и человек не меняется, меняются лишь формы беспамятства. Молодежная тусовка, учебные будни и романтическая влюбленность сменяются домашним бытом, рабочими буднями и редкими встречами с друзьями.

Но как человек может прожить жизнь, видеть смерть близких людей, знакомых, слышать о трагедиях в СМИ и не задумываться о своей кончине? К великому счастью, таких людей очень мало, и те, кто встречает смерть, особенно самых близких, уже никогда не остаются прежними. Они видят то, к чему не готовы, они не готовы принять тот факт, что человек, живший, смеявшийся, любивший, шутивший, сопровождавший по жизни и тем самым занявший особое место в нас самих, вдруг исчез из этого мира.

После такой встречи человека охватывает множество вопросов, на которые найти ответ самостоятельно он не в состоянии. И тогда его либо поглощает душевная скорбь, которую он старается заглушить всеми возможными и невозможными способами, либо же он начинает искать ответ на вопрос «что такое смерть?», и на этот вопрос он не находит явного ответа. Христианство не говорит нам, «что такое смерть», потому что это человеку попросту не нужно. Любая попытка дать ответ на этот вопрос приведет лишь к еще большим вопросам, ответами на которые человек не удовлетворится. Людям нужны не ответы, им нужно знать, как жить дальше. Именно по этой причине Христос не раскрывает подробно то, что нас ждет за горизонтом жизни. Он учит, как следует жить в этом мире, чтобы в будущей жизни оказаться в Царствии Его.

Примечателен случай из жизни митрополита Антония Сурожского, где он рассказывает о том, что почувствовал, когда пришел в комнату к умершему отцу: «Я пришел к нему, в бедную комнатку на верхушке французского дома, где была кровать, стол, табуретка и несколько книг. Я вошел в его комнату, закрыл дверь и стал. И меня обдала такая тишина, такая глубина тишины, что я, помню, воскликнул вслух: “И люди говорят, что существует смерть!.. Какая это ложь!” Потому что эта комната была преисполнена жизнью, причем такой полнотой жизни, какой вне ее, на улице, на дворе я никогда не встречал»⁸¹. Этот случай красноречиво говорит нам о том, что для христианина не возникает вопроса о том, что такое смерть, он знает, что ее просто нет.

Страх перед неизбежностью

В современности для человека неверующего память о смерти превращается в невроз, именно так называет про-

⁸¹ *Митр. Сурожский Антоний (Блум)*. Православие и Мир. Беседы на тему: Почему я не боюсь смерти. URL: <http://wwwpravmir.ru/mitropolit-antonij-rochemu-ya-ne-boyus-smerti-video/>.

тоиерей Александр Шмеман отношение социума к смерти в современной культуре: «Лишенная смысла, потерявшая значение события, придающего смысл жизни, смерть в нашей культуре превратилась в невроз, болезнь, требующую лечения. Несмотря на приукрашивание ее похоронной индустрией, несмотря на “гуманизацию” ее апостолами всего “естественного” и “натурального”, смерть сохраняет свое присутствие в мире, но именно как невроз. И именно благодаря этой болезненной тревоге никогда не пустуют кабинеты психологов, психоаналитиков всех мастей и направлений, именно эта тревога (хотя никогда и не называемая прямо) лежит в основе бесконечных терапевтических бесед о социальной адаптации (adjustment), идентичности, самореализации и т.п. Ибо на глубине, под кажущимися непробиваемыми и научными защитными механизмами, выстроенными секуляризмом, человек знает, что если смерть не имеет смысла, то не имеет смысла и жизнь, и не только сама жизнь, но и ничто в этой жизни. Отсюда скрытое отчаяние и агрессия, утопизм, разврат и в конечном итоге глупость, которые и есть истинный фон, темное подсознание нашей на вид счастливой и рациональной секулярной культуры»⁸².

Мы все реже встречаемся со смертью лицом к лицу, нас прячут от смерти. Современные развлекательные корпорации делают все возможное для того, чтобы мы воспринимали ее как нечто далекое и нас не касающееся. Рекламы пестрят заголовками: «Лови момент», «Живи полной жизнью», «Наслаждайся», но нет таких реклам, где призывают задуматься о настоящем, будущем и неизбежном. Нам свойственно воспринимать позитив, мы любим позитив и совсем не хотим испытывать негатив. Именно поэтому мы так охотно любим шутки о смерти, смотрим боевики,

⁸² Прот. Александр Шмеман. Литургия смерти и современная культура. Смерть как «невроз». URL: http://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/liturgija-smerti-i-sovremennaja-kultura/.

где убийство представляется перед нами как нечто незначительное и предстает в игровой форме, даже самой большой популярностью пользуются те новости, которые говорят о летальном исходе. Нам если и может быть интересна смерть, но только как нечто нас не касающееся, далекое от нас. Как только мы сталкиваемся с ней напрямую, она застает нас врасплох, и все что мы можем сказать при виде ее, это: «Такого же не может быть, это дурной сон».

Встречаясь со смертью своих близких, мы первым делом начинаем ставить себя на их место, нам становится страшно оказаться перед этой таинственной неизбежностью. Самое страшное, это остаться в этот момент совсем одному, однако верующему человеку этого не приходится бояться, он всегда со Христом. Страшно представить состояние человека не верующего, которому предстоит сделать шаг туда совсем одному, и хорошо если его будут в этот момент окружать близкие... А если нет? У митрополита Антония Сурожского произошел на эту тему очень наглядный случай во время войны, когда он был младшим хирургом в прифронтовом госпитале: «У нас умирал молодой солдатик лет двадцати пяти, моих лет. Я пришел к нему вечером, сел рядом и говорю: “Ну, как ты себя чувствуешь?” Он посмотрел на меня и ответил: “Я сегодня ночью умру”. — “А тебе страшно умирать?” — “Умирать не страшно, но мне больно расставаться со всем тем, что я люблю: с молодой женой, с деревней, с родителями; а одно действительно страшно: умереть в одиночестве”. Я говорю: “Ты не умрешь в одиночестве”. — “То есть как?” — “Я с тобой останусь”. — “Вы не можете всю ночь просидеть со мной...” Я ответил: “Конечно, могу!” Он подумал и сказал: “Если даже вы и просидите со мной, в какой-то момент я этого больше сознавать не буду, и тогда уйду в темноту и умру один”. Я говорю: “Нет, вовсе не так. Я сяду рядом с тобой, и мы будем разговаривать. Ты мне будешь рассказывать все, что захочешь: о деревне, о семье, о детстве,

о жене, обо всем, что у тебя в памяти, на душе, что ты любишь. Я тебя буду держать за руку. Постепенно тебе станет утомительно говорить, тогда я стану говорить больше, чем ты. А потом я увижу, что ты начинаешь дремать, и тогда буду говорить тише. Ты закроешь глаза, я перестану говорить, но буду тебя держать за руку, и ты периодически будешь жать мне руку, зная, что я тут. Постепенно твоя рука, хотя будет чувствовать мою руку, больше не сможет ее пожимать, я сам начну жать твою руку. И в какой-то момент тебя среди нас больше не будет, но ты уйдешь не один. Мы весь путь совершим вместе”. И так час за часом мы провели эту ночь. В какой-то момент он действительно перестал сжимать мою руку, я начал его руку пожимать, чтобы он знал, что я тут. Потом его рука начала холодеть, потом она раскрылась, и его больше с нами не было. И это очень важный момент; очень важно, чтобы человек не был один, когда уходит в вечность»⁸³.

Страх перед смертью естественен для человека как неверующего, так и верующего, но форма этого страха совершенно разная. Для первого главный страх состоит в отсутствии будущего, для него смерть является концом всех воспоминаний, знакомств, накоплений, радостей, ему не помыслить себя без этого. В итоге он как будто ходит по жизни с бомбой за пазухой, детонатор которой может сработать в любую секунду. Верующий же также испытывает страх, но этот страх быть недостойным находится рядом со Христом, страх быть незаслуженным Его великой любви. Такой страх открывает перед человеком стремление действовать, становиться лучше, чтобы смерть стала не потерей накоплений, но радостью приобретения.

⁸³ *Митр. Суроожский Антоний (Блум)*. Православие и Мир. Беседы на тему: Почему я не боюсь смерти. URL: <http://www.pravmir.ru/mitropolit-antonij-pochemu-ya-ne-boyus-smerti-video/>.

Подготовка к встрече

Можно ли подготовиться к тому моменту, о котором мы «ни дня, ни часа не знаем»? Подготовка в нашем классическом понимании, конечно, абсурдна. Не думаю, что человека, заранее смастерившего себе гроб, заказавшего место на кладбище и написавшего завещание, можно назвать подготовленным к смерти, но такое отношение у неверующих людей действительно есть. Они думают, что, «построив дом, посадив дерево и вырастив сына», они смогут со спокойной совестью отправиться в мир иной, ведь они сделали, что были должны. К сожалению, мы можем встретить аналогичное отношение к смерти и у верующих людей, когда они своими жертвованиями, скорее количественным, а не качественным отношением к обрядам и Таинствам пытаются выбить себе место в Царствии Божием, как будто там пропуск по билетам, которые мы сможем приобрести, расплачиваясь количеством богоугодных дел, за которые апостол Петр должен нам дать место ближе ко Христу, ведь «столько поклонов и часов пребывания в храме, как у меня, ни у кого нет». Несмотря на всю комичность подобной ситуации, из-за такого понимания подготовки к смерти начинает скрежетать сердце.

Современный человек сторонится прямого контакта со смертью. Когда кто-то медленно умирает, его уносят подальше от глаз людей — в дома престарелых, хосписы и, наконец, морги, — все это как ширма отделяет человека от неизбежной реальности, которая обязательно коснется и его. Митрополит Сурожский Антоний призывал людей не сторониться этих встреч, особенно он говорил о важности этой встречи в раннем детском возрасте, так как чем раньше и правильней сформируется отношение к смерти у ребенка, тем лучше у него будет фундамент восприятия мира, на котором будет строиться его личность: «Ребенок может познакомиться со смертью уродливым образом, и это искалечит его, или, напротив, здраво, спокойно, как

покажет следующий пример (он взят из жизни, это не притча). Глубоко любимая бабушка умерла после долгой и тяжелой болезни. Меня позвали, и когда я приехал, то обнаружил, что детей увели. На мой вопрос родители ответили: “Мы же не могли допустить, чтобы дети остались в одном доме с покойницей”. — “Но почему?” — “Они знают, что такое смерть”. — “И что же они знают о смерти?” — спросил я. “На днях они нашли в саду крольчонка, которого задрали кошки, так что они видели, что такое смерть”. Я сказал, что, если у детей сложилась такая картина смерти, они обречены через всю жизнь пронести чувство ужаса. При всяком упоминании о смерти, на каждом похоронах, у любого гроба — в этом деревянном ящике для них будет скрыт невыразимый ужас... После долгого спора, после того как родители сказали мне, что дети неизбежно получат психическое расстройство, если им позволить увидеть бабушку, и что это будет на моей ответственности, я привел детей. Первый их вопрос был: “Так что же случилось с бабушкой?” Я сказал им: “Вы много раз слышали, как ей хотелось уйти в Царство Божие к дедушке, куда он ушел прежде нее. Вот это и произошло”. — “Так она счастлива?” — спросил один из детей. Я сказал: “Да”. И потом мы вошли в комнату, где лежала бабушка. Стояла изумительная тишина. Пожилая женщина, лицо которой много лет было искажено страданием, лежала в совершенном покое и мире. Один из детей сказал: “Так вот что такое смерть!” И другой прибавил: “Как прекрасно!” Вот два выражения того же опыта. Дадим ли мы детям воспринимать смерть в образе крольчонка, разодранного кошками в саду, или покажем им покой и красоту смерти?

Смерть вовсе не следует скрывать, она проста, она — часть жизни. Дети могут посмотреть в лицо умершего и увидеть покой. На прощание мы целуем умершего. И надо не забыть предупредить ребенка, что лоб человека, который обычно был теплый, теперь, когда он его поцелует, окажется холод-

ным, тут можно сказать: “Это печать смерти”. Жизни сопутствует тепло — смерть холодна. И тогда ребенок не пугается, потому что у него есть опыт тепла и холода: и то и другое имеет свою природу и свое значение»⁸⁴. Более того, помимо того что мы не должны бояться встретить смерть, нам необходимо присутствовать рядом с умирающим. Как бы нас, возможно, не пугал этот процесс, своим участием в его уходе из этого мира, поддерживая в столь ответственное время, мы невольно сами готовимся к этому последнему аккорду в нашем земном бытии.

Мотивация смертью

Часто для человека именно смерть является толчком к осознанию собственной жизни, она ставит перед ним вопрос качества его земного бытия. Вновь приведем рассуждения митрополита Антония Сурожского: «Подумайте, каков был бы каждый момент нашей жизни, если бы мы знали, что он может стать последним, что этот момент нам дан, чтобы достичь какого-то совершенства, что слова, которые мы произносим, — последние наши слова, и поэтому должны выражать всю красоту, всю мудрость, все знание, но также и в первую очередь — всю любовь, которой мы научились в течение своей жизни, коротка ли она была или длинна. Как бы мы поступали в наших взаимных отношениях, если бы настоящий миг был единственным в нашем распоряжении и если бы этот миг должен был выразить, воплотить всю нашу любовь и заботу? Мы жили бы с напряженностью и с глубиной, иначе нам не доступными. И мы редко сознаем, что такое настоящий миг. Мы переходим из прошлого в будущее и не переживаем реально и в полноте настоящий момент. Достоевский в дневнике рассказывает о том, что случилось с ним, когда, приговоренный к смерти, он стоял перед казнью, — как он стоял

⁸⁴ Митр. Сурожский Антоний. Жизнь. Болезнь. Смерть. М., 2015. С. 43.

и смотрел вокруг себя. Как великолепен был свет, и как чудесен воздух, которым он дышал, и как прекрасен мир вокруг, как драгоценен каждый миг, пока он был еще жив, хотя на грани смерти. “О, — сказал он в тот миг, — если бы мне даровали жизнь, ни одно мгновение ее я не потерял бы...” Жизнь была дарована — и сколько ее было растеряно!»⁸⁵.

Осознав неизбежность смерти, неизбежность тления всего и вся, человек старается искать то, что в этом мире не увядает. И он может это найти, среди всего искусственного в этом мире, построенного на выгоде, развлечениях, страстях, человек может найти те бриллианты, которые принесут его жизни подлинное счастье. Что является этим не тлеющим брильянтом и как его найти? У многих тут же всплывут в голове такие слова, как семья, дружба, любимое дело, и это очень похоже на правду, но, направляя свою жизнь на созидания этих целей, мы поступаем опрометчиво, так как и семья, и друзья, и любимое дело, все может в любой момент ускользнуть от нас.

Никто не говорит, что этот поиск прост, но, вспоминая слова Спасителя *«просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят»* (Мф. 7:7), нам необходимо держаться твердо заданного курса, а память о смерти в этом контексте должна напоминать нам о том, что жизнь далеко не так продолжительна, как нам хотелось бы, и действовать нужно уже сейчас. Это единственный путь, молить и доверять Богу, желать найти Его, а Он обязательно даст нам найти «настоящее» в этом мире. Было бы замечательно иметь универсальную формулу распознавания этого «настоящего», но каждый из нас уникальная личность, с особым жизненным и духовным опытом, поэтому и подход у нас должен быть уникальный.

⁸⁵ Митр. Сурожский Антоний. Жизнь. Болезнь. Смерть. М., 2015. С. 46.

Христианское учение дает нам ориентир в ответе на вопрос: «как найти главное, не тленное в этом мире», оно говорит о том, что прежде нужно искать Царства Божьего и правды Его, а остальное все приложится нам (см. Мф. 6:33). Что это значит? Это означает то, что все земные блага в свете Христовой Любви и в стремление обрести эту Любовь открываются перед человеком совершенно по-иному. Человек, поставивший себе цель войти в особые отношения с Богом, начинает понимать, как важно по особенному относиться и к людям вокруг, он перестает бояться смерти, ведь смерть перестает быть для него страхом потерять земные блага, но становится чаянием встречи с любимыми людьми в обители любящего Бога. Реализовывать это необходимо согласно нашему сердцу, Священному Писанию и Преданию Церкви, совету духовного наставника. «Мы не для того ведь сотворены, чтобы есть, пить и одеваться, но чтобы угодить Богу и получить будущие блага. Итак, усиленно и заботиться и молиться о земном не должно. Потому Спаситель и сказал: ищите же прежде Царства Божьего, и это все приложится вам. И не сказал: даны будут, но — приложатся, чтобы ты знал, что настоящие блага ничего не значат в сравнении с величием будущих. Потому-то Он и не повелевает просить настоящих благ, но просить иных благ, и надеяться, что и те присоединятся к этим. Итак, ищи благ будущих — и получишь настоящие; не ищи видимых — и непременно получишь их. Да и неприлично тебе приступать к Владыке с молитвой о таковых благах. Будучи обязан прилагать все тщание и всю заботу свою о неизреченных благах, ты крайне бесчестишь себя, когда изнуряешь себя заботливыми помыслами о благах скоропреходящих»⁸⁶, — говорит нам святой Иоанн Златоуст.

⁸⁶ *Свт. Иоанн Златоуст. Толкование Священного Писания на Мф. 6:33.*
URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:06:33>.

Дарующий бессмертие

«С земным явлением Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа среди нас, как свет в ночи, воссияла благодать Бога, *“Который есть Спаситель всех человеков”, “Который хочет, чтобы все люди спаслись”* (1 Тим. 4:10; 2:4). Эту мысль о спасении всех, о вселенской значимости спасительной благодати, данной нам в Иисусе Христе, апостол не устает повторять в своих пастырских посланиях.

Но тот, кто желает получить часть в спасительном даре Божиим, должен себя готовить, как готовят себя *“званые на брачную вечерю Агнца”* (Откр. 19:9). Такой человек отвертит свой дух от земной суеты и обратит его на вечное. Что именно следует для этого делать, — этому нас научает та же благодать Божия. Она выступает как наставница, которая нас ведет и воспитывает. Она учит нас через откровение слова Божия в христианской проповеди, через уразумение смысла Святого Писания, которое *“богодухновенно и полезно для научения”* (2 Тим. 3:16). Проповедникам же Евангелия благодать дает премудрость и терпение в учительстве и наставничестве (2 Тим. 2:25).

Благодать, пришедшая с Богоявлением во Христе, производит в нас чудо морального преображения, помогая отвергнуть «нечестие и мирские похоти», то есть безбожное поведение и мирские суетные желания и страсти, которые не должны господствовать над нами, ибо они *“погружают людей в бедствие и пагубу”* (1 Тим. 6:9) и закрывают доступ к Богу»⁸⁷.

Бог пришел в наш мир не потому, что он был должен, но по великой любви к человеку, чтобы восстановить ту уникальную связь, бывшую до грехопадения. *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»*

⁸⁷ *Архимандрит Иоаннуарий (Ивлиев)*. Проповедь на Богоявление. URL: https://azbyka.ru/ivliev/apostol_bogoyavlenie-all.shtml.

(Ин. 3:16). Эта вечная жизнь стала нам возможной благодаря тому, что Он, видя нашу нужду, невозможность воспринять Его откровение, дарованное нам через пророков, Сам пришел в мир, умер, как раб, и Своей смертью разрушил закрытые изнутри ворота ада, а Своей жизнью показал, как открыть ворота в Рай.

«Смерть! где твое жало?! Ад! где твоя победа?!

Воскрес Христос, и ты низвержен! Воскрес Христос, и пали демоны! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и торжествует жизнь! Воскрес Христос, и никто не мертв во гробе! Ибо Христос, восстав из гроба, — первенец из умерших. Ему слава и держава во веки веков! Аминь»⁸⁸.

Воскресение мертвых

Христианское учение о конце времен — эсхатология — начинается со слов из Символа веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь», которые вмещают в себя смысл одного из самых главных обетований. «Как у всего материального есть свой физический конец, так и наш мир ожидает неминуемая кончина, которую христиане ждут как великое счастье, ведь придет Спаситель мира, но уже не скрывая всего Своего величия. И мертвые восстанут, и будет Суд великий! Говоря о Воскресении, Священное Писание в лице апостола Павла говорит нам: *“Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые?.. при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное... как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного... Мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие”* (1 Кор. 15:35, 42–44, 49, 52–53).

⁸⁸ *Свт. Иоанн Златоуст.* Огласительное слово на Пасху. URL: <http://www.pravoslavie.ru/61346.html>.

Мы можем предположить, что тело духовное будет показывать греховное состояние человека, и отделит Бог овец от козлищ: *“Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную”* (Мф. 25:31–46).

Говоря о воскресении, святитель Григорий Палама пишет следующее: *“Хотя в будущем сверхбытии, когда воскреснут тела праведников, воскреснут вместе с ними тела*

беззаконников и грешников, но воскреснут лишь для того, чтобы подвергнуться второй смерти... Смерть собственно состоит в отлучении души от божественной благодати и сочетании с грехом. Это для имеющих разум смерть, которой должно избегать, это смерть истинная и страшная. Она для благоразумных ужаснее геенны огненной... Разлучаясь с телом, (жившие по Богу) не разлучаются с Богом; по воскресении же они и телом вознесутся к Богу... Не удостоятся этого жившие здесь по плоти и не вступившие ни в какое общение с Богом в час исхода своего. Хотя и все воскреснут, но каждый, говорит Писание, в своем чине»⁸⁹.

Читая книгу митр. Илариона Алфеева, мы видим, что воскресение мертвых ждали не только в Новом, но и в Ветхом Завете: «Вера в воскресение мертвых ясно выражена в Ветхом Завете. “Я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога”, — говорит Иов (Иов 19:25-26). “Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела”, — говорит пророк Исайя (Ис. 26:19). “И многие из спящих в прахе земли пробудятся — одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление”, — написано у пророка Даниила (Дан. 12:2). В книге Иезекииля содержится пророчество о всеобщем воскресении: “Была на мне рука Господа, и Господь... поставил меня среди поля, и оно было полно костей... весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости сии? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: “Кости сухие! Слушайте слово Господне” ... Вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею и введу в вас дух... и узнаете, что Я — Господь. Я изрек пророчество, как повелено было мне; и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение,

⁸⁹ *Свт. Игнатий (Брянчанинов). Сочинения в 5-ти томах. Т. 3. СПб.: Паломник, 1905. С. 119-121.*

и стали сближаться... кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху... и вошел в них дух, и они ожили и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище. И сказал Он мне: сын человеческий! кости сии — весь дом Израилев” (Иез. 37:1-8; 10-11)»⁹⁰.

Нам нужно быть всегда готовыми к этой важной встрече. Вспомним слова Христа, обращенные к ученикам: *«Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все это будет. Небо и земля пройдут, но слова Мои не пройдут. О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец. Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время. Подобно как бы кто, отходя в путь и оставляя дом свой, дал слугам своим власть и каждому свое дело, и приказал привратнику бодрствовать. Итак бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру; чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте» (Мк. 13:30–36).* Эти слова обращены к нам — будем бодрствовать.

⁹⁰ Митр. Иларион (Алфеев). Таинство веры: XI. Душа после смерти. URL: <http://predanie.ru/ilarion-alfeev-mitropolit/book/67903-tainstvo-very-vvedenie-v-pravoslavnoe-bogoslovie/#toc77>.

Глава 12

БОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРОВЕНИЕ И БОГОПОЗНАНИЕ

**Богословие — путь к Богу.
Догматы — вопросы спасения.
Катафатическое и апофатическое богословие.
Познание непознаваемого Бога.
Мрак Божественного света**

Узнавать о Боге можно из самых разных источников. Весь мир свидетельствует о Творце: *«невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы»* (Рим. 1:20). Тайну Бога может открывать и сам человек, ведь *«сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его»* (Быт. 1:27). Это откровение творения о своем Творце. Но в совершенстве Сам Бог открывает Себя в Божественном Откровении — Священном Писании и Предании. Именно на Писании, понимаемом в свете Предания, и строится все учение Церкви, все ее богословие.

В дохристианскую эпоху термин «богословие» («феология») присутствовал в мире греческой мысли. Аристотель употреблял его как синоним мифотворчества. (Позже блаженный Августин говорил о поэтах, которые назывались «богословами», потому что сочиняли поэмы о богах.) У стоиков мифотворчество подвергается философскому осмыслению при помощи аллегорического метода. С приходом же в мир Слова Божиего богословие становится и словом Бога о Себе, и раскрытием Божиего Откровения в церковном учении. Откровение раскрывается в истории. Поэтому богословие тесно переплетено с церковной исто-

рией. В Церкви человек призван стать соратником Бога — Откровение раскрывается через человека, и потому богословие связано с патологией, дисциплиной, занимающейся историей христианской письменности, и в первую очередь той ее частью, что изучает творения святых отцов. В IV веке «отец церковной истории» Евсевий Кесарийский прилагает титул «богослов» к имени святого апостола и евангелиста Иоанна, в прологе Евангелия написавшего о Боге Слове, ставшем плотью. Учение о Божием Слове — Логосе, в Евангелии от Иоанна включает в себе фундамент вероучения о Пресвятой Троице: «Слово было Бог», и в то же время — «Слово было у Бога». Таким образом, евангелист исповедует единство природы и различие Лиц в Троичном Боге. Эти вопросы станут очень значимыми в начале четвертого столетия от Рождества Христова и получают свое разрешение на Первом и Втором Вселенских Соборах (325 и 381 гг.). Итак, богословие в Древней Церкви — это сфера учения о Пресвятой Троице. Все остальные вероучительные положения относились к области Божественного домостроительства — по-гречески «икономия», и если все знают, что означает происходящие отсюда слово «экономика» — закон управления домом, то для Бога дом — это все мироздание.

Ставший человеком Бог имеет человеческое имя — Иисус, и Он есть Христос — надежда всего Ветхого Завета. Имя «Иисус» — еврейское, слово «Христос» — греческое. И с проповедью апостолов благая весть о Спасителе приходит из Иерусалима в мир греческой культуры. А «что общего между Афинами и Иерусалимом, между академией и Церковью?» — вопрошал Тертуллиан. Для апостола Павла весь мир, в котором он учил, делился на иудеев и еллинов, тех, кому дарован закон, и тех, кто поклонялся идолам. Об апостольской миссии Павел писал: «Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1:23). — Как Сущий, как Абсолют может родиться челове-

ком и как Бог может умереть смертью преступника на Кресте? Но то, что является для мира соблазном и безумием, «для самих же призванных, Иудеев и Еллинов» становится Божией силой и премудростью (1 Кор. 1:24). По мнению выдающегося патролога и экзегета Николая Никоноровича Глубоковского, именно апостола Павла можно назвать первым богословом, и он же, хронологически, первый из авторов (а точнее, соавторов) Нового Завета.

Потребность в богословском учении возникает не сразу. «Во время апостолов и ближайшие к ним, для богословствования не было повода. Прозревали во внутреннее человека и крестили, дальнейшее обучение представляя будущему времени»⁹¹, — написал Василий Васильевич Болотов, великий церковный историк. Церковь начала свою земную историю в Римской империи, где все слои населения: от простого народа до его правителей, негативно и презрительно относились к христианам. Неприятелями христианства были иудеи и греки. Народная молва обвиняла Христовых учеников в чудовищных преступлениях — человеческих жертвоприношениях, превратно воспринимая слова о вкушении Плоти и Крови Христовых, в развратном поведении — такой была реакция на ночные молитвенные собрания. Для носителей античной культуры христиане были теми, кто не принадлежал к исторической традиции. А для власти христиане стали еще и государственными преступниками — они отказывались приносить обязательные жертвоприношения тем, кого считали за идолов, и не могли назвать римского кесаря словом «Господь», которым именовали Одного лишь Бога. Христиан обвиняли как в многобожии, так и в безбожии. Об этих временах Господь предупреждал учеников: «*Всякий убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу*» (Ин. 16:2). В этих жесточайших условиях появляются церковные писа-

⁹¹ Болотов В. В. Лекции по церковной истории. Т. 2. Мартис, 1999. С. 302.

тели, которых мы называем апологетами, то есть защитниками христианской веры. (Самым известным апологетом стал святой мученик Иустин Философ, чьи Апологии дали название всему этому поколению писателей.) В своих произведениях, созданных во II и III веках, апологеты отвергают обвинения язычников и иудеев, а в полемике с философией Древнего мира богословие начинает обретать свой особый язык. Заканчивается эпоха гонений, и сам император становится христианином, и это означает, что тысячи вчерашних язычников хлынули в Церковь. Этим людям, воспитанным в категориях греческой философии, необходимо было объяснить основные положения веры. Церкви был необходим свой особый язык, чтобы дать ответы на вопрошание разума, им и стал язык богословия. Древний христианский учитель Ориген, обращаясь с наставлением к ученику — Григорию, будущему святому, который получит именование — Чудотворец, писал: «Твое дарование может сделать тебя совершенным юристом или философом тех школ, которые считаются знаменитыми. Но я желал бы, чтобы ты воспользовался всею силою своего дарования для христианства, чтобы философия была вспомогательной дисциплиной по отношению к христианству»⁹². И действительно, с тех самых пор и на многие века философия становится «служанкой богословия», а язык Церкви вбирает в себя философские термины и понятия, которые «воцерковляются» — получают новое измерение трудами святых отцов. Святители — епископы святой жизни, после окончания гонений оказываются ключевыми фигурами Церкви, так как именно от епископа зависело тогда сохранение единства Церкви и единства веры. Некоторых святых, принимавших участие в формулировании основных положений веры — догматов, мы называем Вселенскими учителями. Среди них прежде всего три святителя — Василий Великий,

⁹² *Ориген*. Письмо к святому Григорию Чудотворцу. Творения св. Григория Чудотворца. М., 1996. С. 53.

его друг, с которым он вместе посещал Афинскую академию, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст.

Догматы — вопросы спасения

Если в первые три века задачей Церкви было выживание во враждебном мире, то с окончанием гонений возникает опасность со стороны лжеучений и на первый план церковных интересов выходит богословие. Именно тогда и возникает потребность выразить знание и опыт Церкви в форме вероопределений — догматов. Греческое слово «догма» происходит от глагола «докео», означающего: полагать, думать, считать. У Цицерона «догма» обозначает те доктрины, которые, будучи общеизвестными, имели значения истины. В Септуагинте догмой назван царский указ, обязательный для каждого (прор. Даниил, Есфирь, Макавейские книги). В Евангелии от Луки «догма» — это указ о переписи населения кесаря Августа, в книге Деяний — те определения, которые должны иметь непререкаемый авторитет для всей Церкви (Деян. 16:4), говоря о Господе, это слово использует и апостол Павел (Кол. 2:14 и Еф. 2:15).

В отличие от греческого слова «догма» с ударением на первом слоге слово «догмат» с ударением на втором слоге, по мнению митрополита Илариона (Алфеева), восходит к славянским богослужебным текстам: «Яко царское украшение Церкви, Василия вси восхвалим, догматов сокровище нескудеемо»; «Празднует днесь Церковь честное торжество учителей триех, ибо тии утвердиша Церковь божественными своими догматы»⁹³. Святители Игнатий Богоносец, Кирилл Иерусалимский, Иоанн Златоуст, Григорий Нисский, Василий Великий и другие употребляли слово «догмат» в значении непререкаемой Божественной истины. В этом плане и мы называем догматы Божиими и Господними. Учебники богословия указывают на свойства догматов: тео-

⁹³ *Митр. Иларион (Алфеев). Таинство веры. 1996. С. 266.*

логичность (вероучительность), Богооткровенность, церковность, обязательность (для членов Церкви).

Теологичность. Догмат содержит в себе прежде всего учение о Боге. Учения же о мире и человеке могут находить свое раскрытие в догмате постольку, поскольку имеют отношение к Богу.

Богооткровенность. Догматы есть результат Божественного Откровения, и в этом смысле они отличаются от любых научных и философских истин. В древнем памятнике христианской письменности — «Послание к Диогнету» — мы читаем о христианах (то есть о нас с вами): «их учение не есть плод мысли или изобретение людей ищущих новизны, они не привержены к какому либо учению человеческому как другие».

Церковность. Догматы рождаются в Церкви и для Церкви, которая есть «*столп и утверждение истины*» (1 Тим. 3:15). Ведь было время, когда Церковь жила без письменного зафиксированного Нового Завета, но она всегда жила словом Божиим, именно Церковь есть хранительница и толковательница Писания, на основе которого и формируются догматы.

Общеобязательность. Духовная жизнь предполагает свободу. Ведь мы призваны любить Бога всем своим сердцем, а любить можно только свободно. Но единство любви к Богу и в Боге означает единство вероисповедания.

Итак, догмат — это теологическая, богооткровенная истина, определяемая и преподаваемая Церковью как обязательное правило веры. И в то же время догмат не выражает и не исчерпывает всей истины о Боге — Неописуемом и Непознаваемом. Но догмат определяет те границы, за которыми начинается искажение — ересь.

Греческое слово «ересь», буквально означающее «выбор», первоначально не имело того негативного значения, в котором мы теперь его употребляем. Так, апостол Павел пишет ученикам, что «*надлежит быть и разномыслиям*

между вами (а на греческом — «ересям»), *дабы открылись между вами искусные*» (1 Кор. 11:19). Но с появлением учений, искажающих саму суть христианства, «ересь» становится отрицательным выбором человека, не приводящим к Богу, а, наоборот, уводящим от Него. Само слово «православие» — правое мнение Церкви о Боге, без которого невозможно Его правое прославление, в святоотеческой письменности появляется именно как противопоставление разномыслию еретиков. Еще в первые века своей истории Церковь столкнулась со лжеучением извне — гностицизмом. Под этим названием мы подразумеваем целый ряд учений восточного происхождения, в основе которых лежит учение о существовании некоего «тайного знания». Гностики были дуалистами, противопоставляющими не только «тайное» и «профанное», но также «духовное» и «материальное», и потому, при всем интересе к христианству, они не могли признать подлинность Боговоплощения — то, что Бог реально, а не призрачно, стал человеком. Следующие ереси возникали уже в церковной среде, иногда к их появлению приводила рациональная попытка примирить веру и разум в привычных философских формулах, вне Божественного Откровения. Ереси сотрясали империю, приводили к жертвам и в среде еретиков, и среди православных, вызывали длительные и болезненные споры, затягивающиеся даже не на годы и десятилетия, а на столетия! Для их разрешения созывались Вселенские Соборы, служившие, по слову историка Антона Карташова, «громотводами» для церковного сообщества. Великие богословские школы: Антиохийская и Александрийская, основанные на разных филологических традициях, давали свои ответы на вызовы времени, часто спорили и соперничали, во многом даже определяли те заблуждения, которые из их среды выходили, и в итоге дали синтез — Византийское богословие, преемником которого до ныне является Русская Православная Церковь.

Становление церковных догматов — это не просто глава в истории Церкви или отвлеченное философствование, это прежде всего вопросы о нашем спасении. Ведь «вся сложная борьба за догматы, которую в течение столетий вела Церковь, представляется нам, если посмотреть на нее с чисто духовной точки зрения, прежде всего неустанной заботой Церкви в каждой исторической эпохе обеспечить христианам возможность достижения полноты соединения с Богом»⁹⁴, — пишет Владимир Николаевич Лосский.

Все, что человек знает и думает о мире и других людях, имеет самое прямое отношение к тому, как складывается его жизнь. Еще более значимо для человека правое — правильное мнение о Боге. «Догматическое сознание органично связано со всем ходом внутренней духовной жизни. Измените в своем догматическом сознании что-либо, и неизменно изменится в соответствующей мере и ваш духовный облик и вообще образ вашего духовного бытия»⁹⁵, — написал архимандрит Софроний Сахаров.

Итак, раз Бог — не предмет науки, а наш Отец, Творец и Спаситель, то, значит, и говорить о Нем можно только в контексте веры. И все богословие Церкви призвано помочь нам научиться любить Бога, Ему доверять и на Него надеяться.

Катафатическое и апофатическое богословие. Познание непознаваемого Бога

Богословие есть призвание человека к познанию Бога, и от человека, приступающего к учению Церкви, требуется смиренное осознание своей малости перед Творцом, ведь Бог не предмет науки, а наш Творец — *«мы Им живем, и движемся и существуем»* (Деян. 17:28). Бог открывает

⁹⁴ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 10.

⁹⁵ Схиархимандрит Софроний (Сахаров). Старец Силуан Афонский. Т. 2. Свято-Троицкая Сергиева лавра: 2011. С. 60.

нам Себя в Писании, Церкви и ее Таинствах, мы можем узреть Бога в святых, увидеть Его действия в обстоятельствах нашей жизни. Более того, апостол Павел говорит о том, что «Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего» (Гал. 4:6). И человек может это ощутить, если будет жить по воле Божией, так и восклицал о себе апостол Павел: «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Так близок к нам Бог! И в то же время Он остается Владыкой неба и земли, «на Него же и Силы Ангельские не смеют взирать». Бог остается непознаваемым, ведь никакое слово не в состоянии в полноте описать Всевышнего и никакой разум вместить полноту откровения о Нем.

Но Бог являет Себя человеку, и человек, согласно книге Бытия, не только нарекает имена Божиим творениям, но и дает имена Самому Творцу. Библия свидетельствует, что Бог есть Причина всего, Начало, Свет, Жизнь, Вседержитель, Господь Небесных воинств и, наконец, Любовь, в Писании множество различных Божиим имен, которые говорят о действиях Бога в мире и том, как воспринимал их человек. Но есть в Ветхом Завете и то имя, которым именуется Себя Сам Бог.

Еще задолго до того, как Христос Бог Своим Воскресением выведет людей из рабства вечной смерти, Бог посылает Моисея вывести еврейский народ, избранный для того, чтобы в его среде возвещать Откровение из рабства в Египте. Моисей не понимает, как ему поверят: «Вот, я пойду к сынам Израилевым и скажу им: “Вот, Бог отец ваших послал меня к вам”. А они скажут: “Как Его имя?” Что сказать мне им?» И в ответ Бог сказал: «Я есть Сущий. Вот имя Мое на веки...»

«Я есть Тот Кто есть» — вот что означает это имя. На иврите оно записано четырьмя согласными — священная тетраграмма (тетраграмматон): יהוה — י (йод) ה (хей) ו (вав) ה (хей). В традиции иудаизма это имя было окружено таким благоговейным почитанием, что лишь единожды в год его про-

износил первосвященник, входя во Святая Святых иерусалимского храма с кровью жертвенных животных⁹⁶.

Во всех других случаях при чтении Писания в молитвенных домах — синагогах это имя заменяли словом «Адонай» («Господин»). И когда в третьем веке до Рождества Христова в Александрии Писание стали переводить на общий для всей Римской империи язык — греческий, то тогда в повествовании о явлении Бога Моисею смысл тетраграммы передали греческим словом **ο Ων** «он» — «Сущий», во всех же остальных местах Писания, согласно устной традиции, священное имя заменили словом, обозначающим Бога — **Κύριος**, «Кириос» — Господь. Теперь в русском языке это слово относится только к Богу, но когда в Евангелии люди обращались ко Христу: «Господи...», это означало «господин», но очень скоро, еще при первых учениках слово «Господь» получает значение Божиего имени, и это закреплено в апостольских посланиях. И поэтому священномученик Иринеи Лионский мог написать в III веке, что «апостолы от своего имени не назвали бы Господом никого другого кроме истинного Бога, Отца и Его Сына»⁹⁷. Поэтому назвать Иисуса Господом означает исповедовать Его Богом, Который таинственно открывал Себя в Ветхом Завете, а в полноте и совершенстве явил Себя в Новом Завете.

Можно условно разделить все имена Бога, открытые нам в Писании, на две группы: относящиеся к непознаваемой Божественной природе и к тому, как являет Себя Бог в мире. К первой относятся: собственно Бог (по выражению мученика Иустина Философа, «слово “Бог” — это не имя, но всажженная в человеческую природу мысль о чем-то неизъяснимом» (Апология 2.6)), Сущий, Господь. Ко вто-

⁹⁶ Священная тетраграмма получила свое прочтение как «Иегова» в XIV веке, когда к четырем согласным тетраграммы добавили гласные слова «Адонай», впоследствии — в XIX веке стали считать, что правильнее прочитывать тетраграмму как «Яхве».

⁹⁷ *Иринеи Лионский*. Против ересей. Ч. 3. Гл. 6. П. 1.

рой — все остальные. Из первой группы имен происходит апофатическая (отрицательная) форма богословия, из второй — катафатическая (утверждающая). Согласно апофатической форме богословия Бог выше утверждения и выше определения. Бог к нам ближе, чем кто-либо или что-либо, ибо Его Вечное Царство должно обитать в сердце человека, Бог дарует нам Самого Себя в Церкви и ее Таинствах, но в то же время Он остается Непрístupным и Непознаваемым — Творцом Вселенной, Богом Небесных воинств. (О непознаваемости Бога свидетельствуют и здравый смысл, и путь философии, и духовный опыт человека.) И свое учение Церковь выражает не только в утвердительных словах и формулировках, но и в терминах так называемого апофатического богословия, которое свидетельствует невыразимость тайны Бога человеческим языком и бесконечность пути богопознания.

И вместе с утвердительными формулировками мы всегда должны хранить память о том, что никакое слово, никакое имя не могут в совершенстве явить Того, Кто является нашим Творцом и Богом. Ярким примером сочетания догмата и апофатики является знаменитый орос IV Вселенского Собора (481 г.), в котором тайна соединения двух природ: Божественной и человеческой в Единой Личности Воплощенного Бога Слова, выражена отцами в терминах отрицательного богословия. Вместе с отцами Халкидонского Собора и мы «исповедуем Одного и Того же Христа, Единородного в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого». Эти слова несколько не выражают непостижимую тайну Боговоплощения, но ограждают от двух полярных ересей: несторианства и монофизитства. Помимо слов с отрицательными приставками, святоотеческое отрицательное богословие использует слова с приставками превосходной степени — Бог есть Троица Пресвятая и Сверхсущностная сущность, а также парадоксальные словосочетания, которые говорят о «по-

стижении непостижимого», о «видении невидимого», о том, что наш Бог есть Безымянное Имя и Безначальное Начало, и даже о «божественном мраке» вместо ожидаемого Божественного света.

Мрак Божественного света

Святитель Григорий Нисский (Жизнь Моисея боговидца. Гл. 33), комментируя библейские слова о получающем на Синае закон Моисее: «*Моисей вступил во мрак, где Бог*» (Исх. 20:21), вопрошает: «Что же означает, что Моисей пребывает во мраке и в нем только видит Бога?» Почему, спрашивает святой отец, ранее, при Купине неопалимой, Божество было видимо во свете, а теперь — во мраке? Потому, поясняет святитель, что Моисей (а с ним и всякий пытливый ум) «оставив все видимое и не только то что воспринимает чувство, но и то что видит кажется разум, непрестанно идет к более внутреннему, пока пытливостью разума не проникнет в незримое и непостижимое и там не увидит Бога. Ибо в этом истинное познание искомого, в том и познание наше, что не знаем. Потому что искомое выше всякого познания. Как бы неким мраком объято отовсюду непостижимостью».

Надмирный и непостижимый Бог, говоривший с Моисеем на горе, приходит в мир и становится человеком. Непостижимый Бог постижим в живом опыте Церкви и невидимый видим очами веры. «*Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил*» (Ин. 1:18). Воплотившись, Бог скрывает Свое величие за завесой человеческой плоти, но однажды, на пути в Иерусалим — к страданиям и смерти Он являет ближайшим ученикам превечное Сияние Своей Славы. Господь восходит на гору Фавор, взяв с собою Петра, братьев Иакова и Иоанна. Там на вершине, когда Господь молится, а затем беседует с явившимися Ему Моисеем и Илией, ученики получают возможность увидеть Величие Христа как

Единородного Сына Божьего, для того чтобы, как говорит песнопение праздника Преображения, они, когда наступят страшные события смерти Богочеловека, не ужасались, но знали, что Христос Сам отдает Себя за жизнь мира.

Восхождение и пребывание Господа на Фаворе не только Писание и богословие, но и традиция иконописи являются именно как пребывание «во мраке» — фигуру стоящего на горе Христа окружает сияющий многоцветный нимб — мандорла, которая от краев в центре становится все темнее и темнее, пока не станет совсем черной. Это знак тайны, но на этом темном фоне и сияет фигура Христа — Сущего Бога, ставшего человеком и явившего нам Свет богопознания.

Глава 13

НИКЕО-ЦАРЬГРАДСКИЙ СИМВОЛ ВЕРЫ. ВВЕДЕНИЕ В ТРИНИТОЛОГИЮ, ХРИСТОЛОГИЮ И ПНЕВМАТОЛОГИЮ

Никео-Царьградский Символ веры

Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Изже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И восшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа Животворящаго, Изже от Отца исходящаго, Изже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь.

Понятие символа очень многопланово в различных областях культуры, науки, искусства. Церковный символ позволяет явить связь между духовным невидимым миром Божественной любви и миром нашим. «*Вера... есть... уверенность в невидимом*» (Евр. 11:1), и Символ веры дает нам возможность дать словесные определения основным положениям православной веры. Через чтение, пение, изучение Никео-Царьградского Символа веры мы входим в мир православ-

ного богословия и имеем связь со святыми отцами, утвердившими этот символ как «правило веры» на I Вселенском Соборе в Никее в 325 году и дополнившими его на II Вселенском Соборе в Константинополе (Царском граде) в 381 году.

Никео-Царьградский Символ веры, не являясь молитвой, тем не менее входит в утреннее молитвенное правило, рекомендованное каждому христианину, потому что наша молитва напрямую связана с тем, что мы знаем о Боге и что мы о Нем мыслим. Символ веры мы поем во время Божественной Литургии, перед ее самой главной частью — освящением Святых Даров — Анафорой, ведь единство в Таинстве предполагает единство веры. И вступая в Церковь через Таинство Крещения, человек должен засвидетельствовать свое согласие с православным учением, прочитывая Символ веры (в случае крещения младенца за него свою веру свидетельствуют крестные родители).

В очень кратких и торжественных словах Символ говорит о Троичном Боге: Отце и Сыне, и Святом Духе. О Церкви и начале всех Таинств — Крещении. О нашей надежде на воскресение из мертвых и жизнь вечную — «жизнь будущего века». При этом большая часть Символа говорит о Господе Иисусе Христе: Его рождении от Приснодевы Марии, Его страдании и смерти (при этом указано время спасительного подвига — «при Понтии Пилате»), Его Воскресении, Вознесении и Втором пришествии. И это потому, что Сын Божий, ставший Сыном Человеческим, стоит в центре Божественного Откровения и в центре всего учения Церкви, ибо, по слову апостола: *«Все из Него, Им и к Нему. Ему слава во всем»* (Рим. 11:36). Личность Иисуса Христа есть ответ на все вопросы и на все времена, для всех народов и для каждого человека (только не все об этом знают). В Личности Бога, ставшего человеком, заключены и все тайны мироздания, и все аспекты церковного учения. Сын Божий открыл нам Своего Отца и сделал нас Его детьми, а верующим во имя Его Отец послал Святого Духа.

В одной из молитв об этом сказано: «Его же ради Отца познахом, Его же ради сниде Дух Святой».

Бог является Отцом, потому что Он творец мироздания и человека. Но для нас, христиан, Бог есть Отец в самом сокровенном смысле — Его Сын стал нашим братом по человеческой природе и значит, действительно, Его Отец стал Отцом нашим. В Символе веры Бог Отец именуется «Вседержителем» («Пантократором» по-гречески), потому что все мироздание Он содержит Своей силой и во всем царствует Его таинственный промысл, все направляющий ко благу. Святой Дух назван «Господом Животворящим», а слово «Господь» является синонимом слова «Бог», потому что именно этим словом, при переводе Писания с еврейского языка на греческий, было передано таинственное имя Бога, с которым Он открыл Себя Моисею при Купине неопалимой. О Духе Святом Господь говорил еще перед Крестными страданиями и смертью, а затем, когда Дух Святой оживотворил снятое с Креста Тело и Христос Воскрес силою Святого Духа, тогда Господь даровал ученикам благодать Духа, сказав при этом: *«Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся»* (Ин. 20:22–23). Так Господь даровал ученикам особый дар быть служителями Его Таинств, а затем, по Вознесении, в Пятидесятницу, Дух Святой сходит уже на всех Христовых учеников, собранных тогда в Иерусалиме. Так начинается земная история Церкви, в которой Господь таинственно пребывает, о чем Сам Он дал обещание ученикам: *«Я с вами во все дни до скончания века»* (Мф. 28:20), и еще: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»* (Мф. 18:20).

Тайна Пресвятой Троицы

Прикровенное свидетельство о Троичном Боге в Завете Ветхом мы усматриваем во множественном числе слова «Элогим» — Бог, в самых первых строках Писания: *«В на-*

чале сотворил Бог (Элогим) небо и землю» (Быт. 1:1). В трехчастной форме благословения из книги Чисел: *«Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да призрит на тебя Господь светлым лицем Своим и помилует тебя! Да обратит Господь лице Свое на тебя и даст тебе мир!»* (Числ. 6:24–26). Это также все те места в Библии, где Сам Бог говорит о Себе во множественном числе. И это таинственное явление трех путников Аврааму, увидев трех мужей, *«он побежал навстречу им от входа в шатер и поклонился до земли»* (Быт. 18:2). И хотя Авраам видел перед собой троих, он обращается к ним как к одному: *«и сказал: Владыка! Если я обрел благоволение перед очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего»* (Быт. 18:3). Так и мы обращаемся с молитвой к Троичному Богу в единственном числе: *«Пресвятая Троице, спаси нас!»*, *«Троице святая, слава Тебе!»* Именно этот Библейский сюжет позволил преподобному Андрею Рублеву создать великую икону Троицы, свидетельство столь сильное, что священник и ученый Павел Флоренский мог сказать: *«Если есть Троица Рублева — значит, есть Бог»*. Преподобный Андрей был учеником великого святого, преподобного Сергия Радонежского, своими руками срубившего деревянную церковь в честь Пресвятой Троицы, вокруг которой со временем выросла одноименная обитель, «дабы, — как сказано в его житии, — воззрением на Святую Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего».

Троичный догмат — самый возвышенный и таинственный! Вся полнота ведения Бога открыта нам Христом Спасителем. Он говорит о Своем Богосыновстве и о Святом Духе. В день Крещения людям «троическое явился поклонение», а затем, в самом конце Евангельской истории Господь посылает учеников в мир, крестить народы во имя Троичного Бога: Отца и Сына и Святого Духа. Но Господь есть *«камень преткновения и камень соблазна»* (Рим. 9:33), и в центре всех споров о Пресвятой Троице находится Личность Христа Спасителя. В истории богословской мысли

сначала ставились вопросы о Божестве Сына, Его равенстве Отцу, а затем найденные ответы прилагались и к Духу Святому — Господу Животворящему.

Сейчас, принадлежа Церкви, мы воспринимаем откровение о Троице как нечто само собой разумеющееся. Но для людей, воспитанных на Ветхом Завете, весть о Пресвятой Троице стала неслыханной новостью. Как примирить Откровение о Едином — Одном Боге, данное ветхозаветному человечеству: «*Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть*» (Втор. 6:4), с тем, что Бог имеет Сына, и Сын говорит: «*Я и Отец одно*» (Ин. 10:30). Об этой ситуации в III веке христианский учитель Ориген писал: «Многих любящих Бога и искренне преданных Ему беспокоит то обстоятельство, что учение о Лице Иисуса Христа, как Логосе Божьем, обязывает их веровать как бы в двух Богов, и вот они, чтобы сохранить веру в единобожие, отрицают самостоятельное, отличное от Отца бытие Сына и считает Его тем же Отцом, только с другим именем» (Толкование на Ин. 2). Свое крайнее выражение такой рациональный, лишенный «Богородности» взгляд нашел в ереси Савелия, полагавшего, что в различные исторические периоды Один и Тот же Бог являл Себя в разных модусах или под разными масками: Отца — в Завете Ветхом, Сына — в Новом, Духа — в эпоху Церкви, которая началась в день Пятидесятницы (ересь модализма).

Другим ложным решением проблемы соотношения монотеизма и троичности стало утверждение неравенства Сына и Отца. В своей крайности породившее ересь арианства, получившего название по имени своего основателя, александрийского священника Ария.

Согласно Арию Христос — хотя и венец творения, но все же творение. Бог — но Бог, рожденный во времени. А значит, нет Богочеловечества, нет Церкви как Тела Христова, и, следовательно, невозможно подлинное общение с Богом в Таинствах. Впрочем, и до арианства появлялись лжеуче-

ния, искажавшие спасительную роль Сына через умаление либо Его Божественной, либо человеческой природы. Так, некто Аполлинарий полагал, что во Христе ум человека вытеснен Логосом. Но ведь как утверждает Церковь устами святителя Григория Богослова: «что не воспринято, то не уврачевано» (Послание пресвитеру Кледонию). Другие же ерисиархи считали, что Христос был простым человеком, в котором действовала особая, большая, чем в пророках, благодать. Но именно арианство загло пожар ереси, полыхавший весь четвертый век и ставший реальной угрозой здравому вероучению.

В 325 году на I Вселенском Соборе ересь Ария была осуждена, и в опровержение мысли, что рождение предполагает вторичность по времени, отцы Собора исповедовали Сына «прежде век от Отца Рожденного». А для того чтобы подчеркнуть равенство с Отцом, Сын был назван «единосущным». Этот единственный в Никео-Царьградском Символе веры небиблейский термин (по-гречески «омоусиос»), предложенный императором Константином Великим, вызвал ожесточенные споры, продолжавшиеся и до II Вселенского Собора в 381 году, и даже после. Так, в 346 году святитель Афанасий Великий оставался единственным православным епископом на Востоке. Еще будучи дьяконом, он присутствовал на I Вселенском Соборе и вся его жизнь была посвящена утверждению единосущия Отца и Его Сына. Часто святой Афанасий был в ссылках, бегах, скрывался в египетской пустыни, где написал «Житие святого Антония» и другие произведения. Скончался святитель, «настоящий христианский герой», как назвал его прот. Иоанн Мейендорф, в глубокой старости в 373 году. Борьба Церкви именно за «единосущие» Сына Отцу взамен предложенного «подобносущия» (на греческом эти два слова отличаются лишь одной буквой) была борьбой за смысл нашего спасения, которое возможно лишь тогда, когда Божий Сын, пришедший к нам человеком, есть истинный Бог, единый по Своей Божествен-

ной природе Отцу. Окончательную же победу над арианством Церковь одержала благодаря трудам святителей каппадокийцев: Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского. Именно они выразили православную веру в Единосущного и Триипостасного Бога так, что удалось примирить и соединить философскую мысль и Библейское откровение о Личностном Боге. Согласно православному учению в Пресвятой Троице Отец, Сын и Святой Дух — Три Божественных Лица — Три Ипостаси, Каждая из Которых обладает Личным бытием, Единство же Троицы обусловлено общей — единой — природой. В троичном догмате понятие «ипостаси» (у Аристотеля означающее конкретное бытие) стало связано с понятием личности, категории, которая была незнакомой даже греческой философии, но которая стала основной в христианском понимании Бога, а затем и человека. А теперь, по отношению к человеку, является важнейшей его характеристикой и в общечеловеческом мировоззрении.

Впоследствии учение о Божественности Сына было применено и к Духу Святому. На II Вселенском Соборе Никейский Символ веры был дополнен исповеданием Духа Святого Господа Животворящего.

Мы исповедуем нерожденного Отца, Сына — предвечно от Отца рожденного, и Духа Святого — предвечно исходящего от Отца. И так как именно Отец дает различие Ипостасям Сына и Духа (Рождение и Исхождение), то Он есть и Первопричина.

Сын открывает нам Отца, а Сам открывается в Духе Святом. И так же как Сын, предвечно от Отца рожденный, во времени рождается еще и человеком, так и Дух Святой, предвечно от Отца исходящий, ниспосылается верующим во Христа в определенный момент времени — Пятидесятницу. И хотя Дух Святой всегда действовал в мире, именно Его силою «глаголали пророки», тем не менее сам человек с его искаженной природой не мог стать причастным благодати

Духа Святого. И только когда Христос Бог прославил человеческую природу и вознес ее в духовный мир — на небеса и посадил одесную Бога Отца, тогда верующие в Сына получили удивительную возможность стать причастными Христу через действие Святого Духа. Именно Дух Святой созидает на земле Христову Церковь, Духом Святым совершаются все церковные Таинства, в Духе пребывает с нами Господь. И став христианами в Таинстве Крещения, мы сразу же, в Таинстве Миропомазания получаем «печать дара Духа Святого». И начинаются наши домашние молитвы и церковные службы с призывания Духа Святого Господа Животворящего, в Котором открывается Сын Божий, ставший человеком для того, чтобы привести нас к Отцу.

Титул «Христос» и христология

Еще до нашей эры — до рождения Христа, книги Священного Писания были переведены с еврейского языка, на котором они были записаны, на греческий, самый распространенный в «обитаемом мире» язык. И греческое слово «христос» — это перевод еврейского слова «мешиах» (отсюда именование Иисуса «Мессией»), что значит «помазанник». В эпоху Ветхого Завета «христом — помазанником» называли первосвященника, царя, иногда пророка — их в знак видимого посвящения на служение помазывали елеем — оливковым маслом, смешанным с ароматами благовоний, но самого помазания могло и не быть, оно лишь символизировало действие Святого Духа — помазание свыше. Но прежде всего «Христом» в Писании назван Тот единственный, Кто станет царем народа и приведет его к Богу. Тот — кого как избавителя и спасителя ожидал человек. Тот, прообраз которого и должны были являть своим служением пророк, царь и священник. Тот, Кто обращается к нам со Своим словом и учением в Евангелии, Кто является Первосвященником Церкви и Царем мироздания. Тот — кого узнали будущие апостолы в Иисусе. Первые ученики говорят о Нем:

«Мы нашли Мессию, что значит Христос» (Ин. 1:41). Но никто тогда — ни народ, ни даже ученики, не представляли, что Христос это не царь одного только народа, но Царь мироздания — Царь вселенной! И пришел Он в мир не для того, чтобы принять царские почести, но для того чтобы взойти на Крест, победить смерть Воскресением и быть Владыкой и живых и мертвых. Итак, Христос есть Царь, Христос есть Первосвященник Церкви и Ему принадлежит истинное и совершенное знание о Боге, Которого в эпоху Ветхого Завета предвозвещали пророки.

И если смысл ветхозаветных пророчеств состоял прежде всего в обетовании прихода в мир Христа, то с Его Рождением пророческое служение иссякает. Прекращается также и ветхозаветное священство, суть которого состояла в принесении жертв — даров Богу в Иерусалимском храме в знак благодарения и за грехи народа. Но ведь *«невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи»* (Евр. 10:4), поэтому все события Ветхого Завета *«были образы для нас»* (1 Кор. 10:6). Все ветхозаветные жертвы являлись образами одной-единственной Жертвы Христа Спасителя, Который взял на Себя грехи всего мира и умер за всех и Которого Писание называет Агнцем Божьим. О Христе Первосвященнике и Его жертве апостол пишет: *«Всякий первосвященник поставляется для приношения даров и жертв; а потому нужно было, чтобы и Сей также имел, что принести»* (Евр. 8:3), и как первосвященник входил во Святая Святыя Иерусалимского храма с жертвенной кровью, так Христос, пролив Свою Кровь на Кресте, *«... вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного [устроенное], но в самое небо (в небесную скинию), чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие»* (Евр. 9:24). И когда это произошло — когда принес Христос Себя в Жертву, тогда исчезли прообразы. С разрушением Иерусалимского храма прекратилось принесение ветхозаветных жертв, а Жертва Нового Завета, единойжды принесенная на Голгофе, всегда явлена в Церкви,

в ее главном Таинстве — Евхаристии. Эта жертва — Сам Христос Спаситель, Который и дарует Себя человеку.

Итак, слово «христос» означает «помазанник», и по отношению к Господу оно означает и то, что Он и есть обещанный пророками Мессия, и то, что Его человеческая природа всецело «помазана» — освящена Духом Святым. Начиная Свое служение, Господь пришел в Назарет, где Он вырос, и войдя «по обычаю» в синагогу, открыл книгу — свиток пророка Исаяи и прочел: *«Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу»*, а затем добавил: *«Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами»* (Лк. 4:18, 21).

Мы уже отметили, что наше спасение возможно лишь тогда, когда Иисус Христос есть истинный Бог, но оно не возможно и без подлинного воплощения, потому что человеческая природа Господа и есть то общее, что есть между Ним и нами, то, что позволяет нам приходить к Нему. Господь не только «единосущен» Отцу, Он согласно определению III Вселенского собора «единосущен» и нам, людям. И после споров о Пресвятой Троице, которые, по сути, были поиском ответов на вопросы о Божестве Господа Иисуса Христа, основные интересы богословия перемещаются в область христологии, на то, как сочетаются в Единой Личности Господа две природы: Божественная и человеческая. И если тринитарные вопросы разрешались Церковью в течение всего IV века, то споры христологические обнимают собой несколько столетий, их проблематикой занимались все последующие, после первых двух, Вселенские Соборы. По слову прот. Георгия Флоровского: «В христологических спорах в действительности обсуждалась и решалась антропологическая проблема. Ибо спор шел о человечестве Спасителя, о смысле восприятия Единородным Сыном и Словом человеческого естества. И тем самым, — о смысле

и пределе человеческого подвига и жизни. Может быть, именно поэтому христологические споры получили такую исключительную остроту и затянулись на три столетия»⁹⁸.

Два полярных взгляда на Личность Господа, выраженных в том, чтобы усматривать в Нем прежде всего человека либо же по преимуществу Бога, нашли свое выражение в двух противоположных ересь: несторианстве (осужденном на III Вселенском Соборе в 431 году) и монофизитстве (осужденном на IV Вселенском Соборе в 451 году). Данные крайние положения были во многом обусловлены существованием двух богословских школ: Антиохийской и Александрийской. Если в основе богословия Антиохийской школы лежал прежде всего исторический взгляд на Спасителя (даже географическая близость Сирии к Святой земле способствовала этому), то основным методом Александрийской школы была аллегория. Это греческое слово переводится как «иносказание» и означает условную форму высказывания, при которой наглядный образ указывает на нечто другое. В основе аллегорического метода исторически лежит попытка сделать Ветхозаветное Писание, повествующее об истории одного маленького народа, важным для всех ищущих Бога.

Итак, если метод аллегории — это восхождение от земного образа к небесному, то «топология» — один из методов антиохийских богословов — это нахождение исполнения Писания в истории. И когда представители Антиохийской школы останавливают свое внимание на историческом Иисусе, человеке, Который родился, рос, умер и Воскрес, то богословы Александрийского направления делают ударение на Божестве Спасителя, о котором если и можно говорить, то только в образах и аллегориях. Доведенные до крайности два взгляда дают возможность говорить либо о самостоятельности человеческой природы в Господе,

⁹⁸ *Флоровский Г. В.* Восточные отцы V–VIII веков. Часть 1. П. 1.

либо же об изменении человеческого естества в Спасителе настолько, что утрачивается соизмеримость — «единосущие» Его и нас. А это уже вопрос нашего спасения.

Между тем ключ к пониманию главного христологического вопроса: соотношения Бога и человека в Спасителе, лежал в осмыслении Троического догмата. В применении к учению о Христе — Боге и человеке — терминов «усия» и «ипостась» в том значении, какое им дали отцы-каппадокийцы. В Пресвятой Троице — единство природы и различие Лиц, в Господе Иисусе Христе — наоборот: Одно Лицо и различие природ. При этом каждая из природ сохраняет свои свойства, поэтому VI Вселенский Собор (681 год), который во многом был подготовлен мученическим и богословским подвигом преподобного Максима Богослова, осудив ересь монофелитства, провозгласил в Господе две природные воли, пребывающие и нераздельно, и неразлучно, при этом человеческая воля Спасителя, хотя и желает своего (вспомним Гефсиманское борение), но во всем последует воле Божественной и всемогущей. Две природы: Божественная и человеческая, пребывающие в Господе «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно» (из вероопределения IV Вселенского собора), но при этом происходит взаимоотношение двух природ в Господе, на языке богословия это называется «общение свойств». Общение свойств предполагает во Христе обожение человеческой природы, как говорит об этом святитель Григорий Богослов: «Одно из естеств обожило, другое обожено и, осмелюсь сказать, стало едино с Богом» (Слово 45). Конечно, это и образ нашего спасения, нашего участия в Церковных таинствах и образ жизни будущего века, когда *«будет Бог все во всем»* (1 Кор. 15:28).

Исторически, христологические споры начинаются вроде бы с частного вопроса, с именованя Девы Марии «Богородицей», а заканчиваются восстановлением иконопочитания на VII Вселенском Соборе (787 год). От Девы Марии Воплощается Сын Божий, становится видимым,

а следовательно, изобразимым. И в иконопочитании, и в прославлении Девы Марии выражена тайна Боговоплощения. В VIII веке прп. Иоанн Дамаскин писал, что в имени «Богородица» заключен весь смысл учения о Господе: «Ибо если родившая — Богородица, то Родившийся от Нее — непременно Бог, но непременно и человек»⁹⁹.

Христос и Его Церковь

Так же как Христос есть истинный Бог и подлинный человек, так и Церковь есть организм Богочеловеческий. «Церковь есть от Бога установленное общество человек, соединенных православною верою, законом Божиим, священноначалием и таинствами» (Православный катихизис святителя Филарета Московского) и в то же время Церковь есть присутствие Самого Христа — «Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1:23) — полнота Духа Святого, в котором открывается и действует Христос Бог.

Символ веры называет свойства Церкви, она: единая, святая, соборная и апостольская. Церковь одна — потому что «одно тело и один дух,... один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех» (Еф. 3:4–6). Церковь — святая, потому что свят Господь Бог. Церковь — соборная, потому что Господь собирает в нее «истинно верующих всех мест, времен и народов» (святитель Филарет Московский). И наконец, Церковь — апостольская, потому что основывалась на земле трудами святых апостолов Христовых.

Смысл церковных Таинств как пространства, где человек встречает Бога, постигается нами тоже через созерцание тайны Боговоплощения и тайны Пресвятой Троицы. Начиная с Крещения, в Церкви и ее Таинствах мы приходим к Богу через Его Сына, ставшего во всем, кроме греха, подобным нам, людям. А совершаются все Таинства силою Духа Святого, ниспосланного в мир Отцом ради Своего Сына.

⁹⁹ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Книга III, гл. 12.

Глава 14

ВВЕДЕНИЕ В БОГОСЛУЖЕБНЫЙ УСТАВ. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ. ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ

Богослужебный устав (Типикон)

Когда мы встречаем слово «устав», то в первую очередь представляем себе что-то военное, некий сборник жесточайших правил и прописанных нормативов поведения, отступление от которых влечет гнев вышестоящего офицера и заслуженное наказание. И тогда возникает вопрос: «Неужели и в Церкви это слово означает нечто подобное?» И это в той Церкви, которая в самом начале своего пути отвергла тяжесть ветхозаветного Закона, который было невозможно исполнить во всей его полноте (Деян. 15)? Но дело в том, что на обложке книги, о которой мы сейчас говорим, не написано «Устав». Там стоит русифицированное греческое слово *типикон* (типикон). И в данном случае слово «устав» является не совсем корректным переводом. Вернее было бы сказать, что речь идет о чем-то «образцовом», в смысле «наиболее отвечающем своему образцу».

Итак, «Типикон» предстает пред нами не жестким армейским сводом правил, а «книгой образцов», что показывает нам важную черту его характера: он не стремится узаконить любые частности православного богослужения, превращая человека лишь в несвободный инструмент его совершения, но рисует высокий идеал, к которому мы и стремимся на практике¹⁰⁰. Именно идеал, потому как людьми, которые на протяжении веков участвовали в его составлении, были святые подвижники — достойнейшие

¹⁰⁰ *Скабалланович М. Н.* Толковый Типикон. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Skaballanovich/tolkovyy-tipikon/12.

сыны Церкви. Они оставили на страницах Типикона свой опыт общения с Богом в храмовом пространстве. Но даже их нельзя назвать абсолютными первопроходцами. Они украшали и структурировали предшествовавший опыт, добавляли что-то от себя, но всегда помнили, что начала богослужения заложены в первых христианских общинах, которые были основаны самими апостолами и ими же руководимы, ведь на основании Священного Писания и древних литературных памятников конца II века мы можем утверждать, что у первых христиан существовало как минимум богослужбное почитание воскресного дня.

Поначалу типиконов было много. Они отличались друг от друга и отражали особенности богослужений в той или иной местности. У нас даже сохранилась поговорка: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Она как раз показывает, что Типикон — это в первую очередь творение монастырей, и что в разных обителях уставы имеют местные особенности. Основными текстами, оказавшими влияние на формирование современного Типикона, были уставы Лавры преподобного Саввы Освященного близ Иерусалима и Студийского монастыря в Константинополе. Описанные в них богослужения отличались друг от друга, и это объясняется характером жизни монахов в этих обителях. Так, в Студийском монастыре монахи жили вместе, поэтому им легко было прервать дневные занятия или сон и собраться в храм для совместной молитвы. Это объясняет то, что в Студийском уставе каждое богослужение предписывалось совершать отдельно в свое установленное время. В Иерусалимской лавре монахи жили поодиночке. Они расходились по большой территории, где совершали индивидуальную молитву в пещерах и кельях. Но по воскресным дням и большим праздникам возвращались в сам монастырь на общее богослужение, которое отличалось особой продолжительностью и торжественностью — сегодня мы его знаем как *всенощное бдение*.

Помимо монастырских уставов был и Типикон Великой Церкви, то есть устав собора Святой Софии в Константинополе. Это место было кафедральным храмом Константинопольских патриархов. В нем молились императоры и весь высший свет. Не удивительно, что там сложилась своя особая литургическая культура, которую отличало обилие пения и особая торжественность.

Каждый из этих типиконов доминировал на определенной территории, но постепенно происходило их взаимное проникновение. Когда крестоносцы взяли Константинополь в 1204 году, они разрушили Студийский монастырь. Без действующей обители, где он сформировался, этот устав был вытеснен Иерусалимским, который все же вообрал в себя некоторые его черты. С XIII века в Константинопольском Патриархате появляются сводные уставы из Иерусалимского, Студийского и Великой Церкви с преобладанием традиций первого из них¹⁰¹.

В нашей Русской Церкви сначала был распространен Студийский устав, который с XIII века стал вытесняться Иерусалимским, и к XV веку у нас также сложился сводный Типикон: основа Иерусалимского устава с чертами Студийского и Великой Церкви.

Обзор истории Типикона нужен не для того, чтобы просто знать какие-то даты или набор фактов. Это позволяет нам адекватно взглянуть на его значение и место в жизни Церкви и помнить разницу между Типиконом и армейским уставом. Все же в наши дни существует проблема его восприятия, и ее можно проиллюстрировать позициями двух выдающихся литургистов нашей Церкви. Святитель Афанасий (Сахаров) писал: «Из собранного богатства молитвенного опыта лучших своих сынов руководимая Духом Божиим Святая Церковь избрала лучшее, потребнейшее, систематизировала, исправляла недоконченное, приводи-

¹⁰¹ *Кашкин А.* Учебное пособие по Литургике. Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2010. С. 150–151.

ла к стройному единству и давала в руководство своим послушным чадам, которые и принимали все с любовью, не как иго неудобноносимое, а как бремя благое и легкое, полученное от возлюбленной и любящей Матери. Так слагался наш Церковный Устав, который наши старые русские книжники не без оснований называли “Книгой богодухновенной”¹⁰².

В то же время протопресвитер Александр Шмеман указывает на исторический путь формирования Типикона, который, во-первых, происходит от многих местных уставов, отражающих локальные особенности, осуществимые в конкретную эпоху и в конкретных условиях; во-вторых, из-за соединения нескольких уставов Типикон имеет противоречия и неясности; наконец, он все же предписывает порядок богослужения, характерный для монашеского образа жизни¹⁰³.

Поговорив об истории Типикона и его значении, мы завершим наше знакомство кратким описанием его содержания. Как уже стало понятно, Типикон содержит указания касательно совершения богослужений и некоторые богослужебные тексты. Структурно он состоит из двух частей, в каждой из которых по 60 глав: это основная часть и храмовые главы. Основная часть рассказывает о последовании и особенностях совершения основных служб суточного круга. Храмовые главы повествуют о совершении служб на храмовые праздники. Последняя из храмовых глав — это так называемая Пасхалия, то есть сборник указаний о том, как определять дату празднования Пасхи.

¹⁰² *Свт. Афанасий (Сахаров)*. О поминании усопших по уставу Православной Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Saharov/o-pomimovenii-usopshikh-po-ustavu-pravoslavnoi-cerkvi/2.

¹⁰³ *Кашкин А.* Учебное пособие по Литургике. Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2010. С. 162–163.

Всенощное бдение

Приступая к разговору о богослужении, хочется вспомнить сказанное в разделе про Типикон. Богослужение — это многовековой личный опыт Церкви в общении человека с Богом. Поэтому нашим первым и основным тезисом этого раздела станет утверждение и одновременно призыв ни в коей мере не ограничиваться книжным знакомством с православным богослужением, ведь оно стало зафиксированным на бумаге выражением жизни многих святых людей и поэтому будет правильно восприниматься и постепенно раскрываться только через вплетение в ткань нашей собственной жизни.

Сразу стоит отметить, что мы не будем досконально рассматривать ход богослужения и его возможные особенности, поскольку это больше вопрос литургики, чем нашего общего знакомства.

Как мы уже отмечали ранее, всенощное бдение поначалу было особенностью конкретного монастырского устава и отражало особенность уклада жизни палестинских монахов. В древности бдение действительно представляло собой молитву, которая продолжалась всю ночь. Сейчас оно совершается в вечернее время и длится около двух часов.

Собственно бдение состоит из трех богослужений: великой вечерни (в редких случаях великого повечерия), утрени и первого часа. Оно всегда предшествует Божественной литургии и символически представляет собой встречу Ветхого и Нового Заветов: вечерня говорит о трепетной надежде ожидания пришествия в мир Спасителя, а утренняя становится выражением радостного торжества долгожданной встречи.

Вечерня — первая служба суточного круга. Она становится началом нашего дневного пути, поэтому, обращаясь к ветхозаветным текстам, она отсылает нас к началу пути всего человечества, к началу истории нашего спасения. Самые первые минуты этого богослужения относят нас к тво-

рению всего мироздания, ведь в каждении всего храма мы видим образ веяния Святого Духа (Быт. 1:2), а текст 103-го псалма осмысливается нами как гимн сотворенной Богом вселенной.

Дальнейший ход вечерни: кафизма «Блажен муж» и пение «Господи воззвах», — настраивает нас на покаянный лад и делает соучастниками многовекового ожидания Мессии. И подобно тому, как это ожидание прорывали пророческие озарения о том, каким же будет приход долгожданного Спасителя, вечерня вспыхивает гимном «Свете Тихий», посвященном Иисусу Христу. Мелодия и текст раскрывают перед молящимися образ пришествия Бога в мир. В них мы можем провидеть скромность яслей и тишину Рождественской ночи.

Наконец, все это ожидание разрешается в благодарственной молитве Симеона Богоприимца «*Ныне отпущаеши*» (Лк. 2:29–32). Этот текст — пик вечерни — встреча Нового и Ветхого Заветов. Вместе с праведным Симеоном мы понимаем, как в скором времени станем свидетелями того, что желали видеть многие ветхозаветные праведники, но так и не увидели (Мф. 13:17) — пришествие Живого Бога в мир, Его жизнь среди нас и совершение дела спасения человеческого рода. Таким образом завершается наша вечерняя молитва, охватившая историю от сотворения мира до конца времени Ветхого Завета.

Настало время утрени. Профессор М. Скабалланович выделяет четыре части утрени: шестопсалмие с великой ектенией и «Бог Господь»; кафизмы с Непорочными или полиелеем и Евангелием; канон; хвалитны со славословием и ектениями¹⁰⁴. Последование утрени возбуждает в нашем сердце трепетную радость от сознания того, что теперь среди нас, людей, воплотился Сам Бог. Даже ветхозаветные тексты шестопсалмия, которым начинается утренья,

¹⁰⁴ Скабалланович М. Н. Толковый Типикон. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Skaballanovich/tolkovyy-tipikon/18.

не только сообщают нам покаянный настрой, но показывают восхождение человеческой души в ее доверии Богу. Это уже душа не ветхозаветного человека, но христианина. И это восхождение завершается возгласом утверждения факта Боговоплощения: «Бог — Господь — и явился нам...»

Самая торжественная часть утрени — полиелей, что переводится как «многомилостивое пение», когда все молящиеся вспоминают Воскресение Христово. Храм поет псалом «Хвалите имя Господне», и в ответ на это прославление Бог встречается с нами, когда диакон выносит из алтаря Святое Евангелие и Господь начитает говорить с нами с его страниц.

Чудо Воскресения Иисуса Христа осватило природу человека. Эту освященность Церковь являет молящимся в «каноне» — следующей после евангельского чтения части Всенощной¹⁰⁵. Канон состоит из девяти песен, каждая из которых вдохновлена определенным событием из Ветхого и Нового Заветов. Канон подробно рассказывает нам о празднуемом событии, раскрывая в этих девяти песнях историю, богословское и нравственное содержание дня.

При заходе солнца и наступлении вечерней зари мы пели гимн «Свете Тихий» и все время до наступающего сейчас момента благодарили Бога за различные проявления Его присутствия в нашей жизни. Сейчас же, при восходе солнца, мы подходим к завершению всенощного бдения, воспевая хвалу Богу за все благодеяния, которыми Он одарил нас в этой жизни. Эта хвалебная песнь получила название «Великое славословие».

Вот так всенощное бдение подходит к концу. Священник и хор завершают нашу молитву диалогом своих возгласов и последних благословений молящихся. Читается первый час, который вновь сообщает нам смиренное и покаянное настроение, чтобы мы в покое и мире разошлись

¹⁰⁵ *Прот. Потанов В.* Смысл и структура Всенощного Бдения. URL: <https://azbyka.ru/vsenoshhnoe-bdenie#Meaning>.

по домам, ведь завтра мы вновь соберемся на главное христианское богослужение — Божественную литургию.

Божественная Литургия

Евхаристия — это будущий век, вторгшийся во время; мгновение вечности, в котором мы вполне участвуем, потому что мы сами — люди, принадлежащие вечности.

митр. Сурожский Антоний

Просто невозможно рассказать все о Божественной Литургии. Она очень личностна, ведь в ней Бог встречается не только с полнотой церковной общины, но и с каждым конкретным человеком, который тоже захотел встретиться с Ним и выразил это желание, придя в храм. Автор эпиграфа к этому разделу митрополит Сурожский Антоний говорил, что любая молитва является действием человеческим. Пусть вдохновленным и направляемым Богом, но все же человеческим, то есть движением снизу вверх. Единственное исключение — Евхаристия (в переводе с греческого «благодарение» — другое название Божественной Литургии)¹⁰⁶.

Совершение Божественной Литургии — заповедь Господа Иисуса Христа. Ее установление описано во всех четырех Евангелиях и это событие нам больше известно как Тайная вечеря. В самом начале проясним один важный момент, который обуславливает православное восприятие Литургии. Она не воспоминание Тайной вечери. Она не имитация Тайной вечери. Она и есть та самая Тайная вечеря, которую единожды во времени совершил Иисус Христос и участниками которой мы становимся за каждой Литургией. Одно из выражений этой веры мы слышим всякий раз перед самым причащением, когда священник во всеуслы-

¹⁰⁶ *Митр. Сурожский Антоний (Блум)*. Труды. Книга вторая. М.: Практика, 2007. С. 455.

шание читает молитву святителя Иоанна Златоуста, где есть такие слова: «Сегодня, Сын Божий, прими меня как причастника Твоей Тайной вечери...»¹⁰⁷

Человек на Литургии. Теперь давайте поговорим о том, зачем мы вообще находимся в храме за Божественной Литургией. Порой может показаться, что миряне исключены из этого богослужения. Им достаточно отстраненно стоять в храме, слушать красивое пение, пока профессионалы, знающие правильные слова, что-то делают за стеной с иконами. Если так рассуждать, то мы пришли в магазин, где хотим, заплатив денег и отстояв очередь, получить какой-то товар. Если же мы приходим в Церковь, то дело обстоит совершенно иначе. За Божественной Литургией нет пассивных наблюдателей. Литургию совершает не человек, а Бог, но Его действие происходит не без нашего участия, поэтому любой инертный «слушатель» Литургии не является ее участником. Греческое слово *λειτουρῖα* переводится как «общее дело». И это общее дело Божьего народа — людей, собравшихся в храме, — и Бога этого народа.

Очень важно понимать взаимосвязь всех, кто находится в храме за Божественной Литургией. С одной стороны, Церковь совершает приношение руками и голосом священника. С другой стороны, он не сам совершает Литургию, потому что он не колдун и ему не дана власть превратить хлеб и вино в Тело и Кровь Господа Иисуса Христа. И если миряне присутствуют лишь номинально, ожидая конца службы, то они оставляют священника как бы одного, наедине со священнодействием, и тем свидетельствуют, что не видят в нем служителя Бога Всевышнего, а лишь какого-то мага.

Все мы в равной мере, хотя и по-разному, являемся совершителями этой тайны. Все мы приносим Богу свои веру, надежду и посильную любовь; священник от лица всей

¹⁰⁷ Служебник. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. С. 166.

Церкви предоставляет всего себя Богу для совершения Таинства и только так вся «полнота Церкви, в центре которой находится Троиный Бог, может совершить»¹⁰⁸ Божественную Литургию.

Центр и акценты. Мы поговорили о том, как проходит наше участие в Божественной Литургии. Теперь посмотрим на ее структуру и некоторые смысловые акценты.

Сложившееся последование богослужения называют «чином». В современной практике Русской Православной Церкви мы встречаем три чина Литургии: святителя Иоанна Златоуста, святителя Василия Великого, святителя Григория Двоеслова или Преждеосвященных Даров. Однако Церковь знает и другие чины, существовавшие в древности, но исторически вытесненные этими тремя. Например, древние Литургии апостола Иакова и евангелиста Марка или Литургии западного образца: Амвросианская и Галликанская. Сегодня существует практика совершения этих «непривычных» Литургий (в особенности распространена традиция совершать Литургию апостола Иакова в день памяти этого святого), что, впрочем, не является повсеместным явлением в нашей Церкви и делается с благословения архиерея.

Чаще всего в храме совершают Литургию святителя Иоанна Златоуста. В ней традиционно выделяют три части: Проскомидия, Литургия оглашенных и Литургия верных.

Проскомидия. В наши дни она совершается в алтаре до непосредственного начала Литургии и незаметна для прихожан. На специальном столе, который называется *жертвенником*, диакон подготавливает евхаристические сосуды — дискос (в переводе с греческого «глубокая тарелка») и потир (в переводе с греческого «чаша»). Во время проскомидии священ-

¹⁰⁸ Митр. Сурожский Антоний (Блум). Труды. Книга вторая. М.: Практика, 2007. С. 126.

ник, сопровождая свои действия чтением молитв, вырезает из просфоры (специально испеченный пшеничный хлеб) кубический кусок, который располагает в центре диска. Он называется «агнцем». Во время Литургии этот хлеб будет благословлен и станет Телом Христовым. Затем из других просфор он вынимает небольшие пирамидальные частички и располагает их вокруг агнца. Из второй (после агничной) просфоры вынимается частица в воспоминание Пресвятой Богородицы. Из третьей — в воспоминание различных святых: Иоанна Крестителя, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных, бессребреников, тех, чья память приходится на нынешний день, а также святого автора Литургии (Василия Великого или Иоанна Златоуста), — всего девять частиц в честь девяти различных чинов святых. Поэтому третья просфора называется «девятичинной». Таким образом, на дискосе символически выстраивается вся полнота Церкви: ее живые члены, наши почившие отцы и матери, братья и сестры, а также святые угодники. И все они собраны вокруг Христа. В потир священник наливает вино и воду в воспоминание того, что когда при распятии Спасителя римский сотник проткнул Ему бок копьем, оттуда истекли кровь и вода (Ин. 19:34). Это смешение вина и воды во время Литургии будет благословлено и станет Кровью Христовой.

Литургия оглашенных. Такое название эта часть Литургии получила потому, что за ней могли присутствовать не крещенные или готовящиеся к принятию крещения (оглашенные) люди. Эта часть заканчивалась «изгнанием» оглашенных из храма, чтобы те, кто не являются еще христианами и не могут причащаться, не присутствовали во время самого Таинства. Но все равно эти люди уже знакомились с христианским учением и Церковь предлагала им видимую встречу с Богом во время богослужения: они пока не могли соединиться со Христом в Таинстве, но могли услышать Его голос во время чтения Священного Писания.

Таким образом, мы встречаемся со вторым названием этой части Литургии — Литургия Слова. Чтение Слова Божьего — Священного Писания — закономерно становится центром этой части. На Литургии читаются два отрывка из Нового Завета: один — из книги Деяний или апостольских посланий, другой — из Евангелия. За чтением в древности следовала проповедь, которая предполагала толкование прочитанных отрывков.

К сожалению, нужно честно признать, что современная практика чтения Священного Писания становится подчас препятствием для понимания его прихожанами. Во-первых, использование церковнославянского перевода. Язык апостольских посланий довольно сложен, особенно у апостола Павла, и церковнославянская грамматика только усложняет восприятие текста на слух. Во-вторых, в современном чинопоследовании во время чтения Апостола совершается каждение, процесс которого отвлекает прихожан, а его звук иногда заглушает чтеца. Наконец, расположение самого чтеца, который находится максимально близко к алтарю, то есть перед всеми прихожанами, и стоит к ним спиной — в случае слабого голоса у чтеца совершенно невозможно понять его речь. Эти недостатки носят чисто практический характер, однако они отражаются на самой важной части Литургии оглашенных, делая ее порой лишь неким проходным моментом.

На некоторых приходах осознают эту проблему и пытаются ее решить. На данный момент самое органичное решение, выработанное приходской практикой, состоит в трех действиях. Во-первых, в перенесении каждения на время пения аллилуария. Как показывает практика, даже если священник совершает Литургию один, без помощи диакона, каждение во время пения «Аллилуйя» никак не нарушает ход богослужения и не приводит к ненужной спешке. Во-вторых, в чтении Апостола на русском языке. Здесь возможны два одинаково распространенных варианта: чтение

на русском языке совершается после чтения на церковнославянском, но до возглашения аллилуария, либо же Апостол читается только по-русски. Наконец, в-третьих, в произнесении проповеди после чтения Священного Писания. Эта древняя практика до сих пор сохранилась во многих Поместных Православных Церквях, а сейчас возрождается и на некоторых приходах Русской Православной Церкви.

Как мы уже отмечали ранее, Литургия Слова заканчивается «изгнанием» оглашенных. В древности их действительно выводили из храма, а сейчас, когда оглашенных на приходах практически не бывает, мы слышим лишь возглас диакона: «Оглашенные, изыдите».

Литургия верных. Если Литургию оглашенных можно уподобить окружности, которая имеет один центр — чтение Священного Писания, то Литургия верных может напомнить нам эллипс, так как у нее два центра: анафора и причащение. Анафора (в переводе с греческого «возношение»), или евхаристический канон — это время богослужения, когда приготовленные в сосудах хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми. Именно в анафоре содержатся установительные слова Иисуса Христа, произнесенные Им на Тайной вечере и вокруг которых выстроилась вся Литургия: *«И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов»* (Мф. 26:26–28). Однако нельзя выделить анафору как нечто самостоятельное, ведь преложение хлеба и вина в Тело и Кровь совершается ради того, чтобы человек мог соединиться с Богом. Поэтому вторым центром Литургии верных мы обозначим время причащения.

Ход Литургии верных являет всех собравшихся в храме как идеальную христианскую общину — члены единого тела

Иисуса Христа, в Котором мы и совершаем это богослужение. Соучаствуя в жизни Христа, соучаствуя в Его жертве, мы не просто по-человечески усыновляемся Богу, но становимся частью Его едиnorodного Сына, а значит, и всецелыми причастниками полноты Божественной жизни.

Херувимская песнь, которая исполняется во время перенесения хлеба и вина с жертвенника на престол, предлагает нам уподобиться ангелам в воспевании хвалы Творцу и отложить все земные заботы. Призыв возлюбите друг друга, потому что мы исповедуем Единого Бога, подводит нас к так называемому «целованию мира». Сегодня на большинстве приходов его совершают только священники в алтаре, однако древняя практика предполагает, что и прихожане видимым образом покажут свое братское отношение к тому, кто стоит рядом, в этом акте, после которого мы подтверждаем единое исповедание Бога совместным пением Символа веры.

Наконец, наступает время самой сосредоточенной молитвы — время анафоры. Структурно она состоит из нескольких частей: вступление, воспоминание, призывание и ходатайство. То есть сначала мы благодарим Бога за все мыслимые и еще не понятые нами благодеяния, которые Он оказал нам в течение жизни (вступление); затем мы вспоминаем исторические события жизни Иисуса Христа, тогда же произносятся и установительные слова (воспоминание); после этого мы призываем Святой Дух на хлеб и вино, чтобы Бог соделал их Телом и Кровью Иисуса Христа (призывание); и в завершение молимся об умерших и живых членах Церкви (ходатайство).

Вторым центром Литургии верных становится принятие Святых Даров в Таинстве Причащения. Так о нем пишет протопресвитер Александр Шмеман: «Человек был создан для Евхаристии — для чистой любви к Богу, ради Бога, для признания Бога как содержания всей его жизни, как Цель его целей, как Ответ на все вопросы, Смысл всех

его желаний, Объект всего его знания, Исполнение его силы и его жажды любви»¹⁰⁹.

Последним приготовлением к причастию становится молитва «Отче наш». «Эта молитва — дар новой молитвы во Христе, выражение наших собственных отношений с Богом. Этот дар — наша единственная дверь к Причастию, единственная основа для нашего участия в святом и поэтому наше главное приготовление к Причастию. В той мере, в какой мы восприняли эту молитву, сделали ее своей, мы готовы к Причащению. Это *мера* нашего единения со Христом, нашего бытия в Нем»¹¹⁰.

Литургию завершают заамвонная молитва и отпуст. Они подобны возвращению с небес на землю. После вневременного Царства Божьего мы возвращаемся в сегодняшний день и нашу повседневность. Но как апостолов в день Пятидесятницы, после Литургии Сам Христос посылает нас быть свидетелями Ему «до края земли» (Деян. 1:8). Мы должны выйти из храма не с мыслью, что за его порогом нас ждет череда искушений, остерегаясь и избегая которых мы в тайне сохраним полученный дар. Наша задача выйти с сознанием того, что теперь, соединившись со Христом, мы способны исцелять мир и нести Благоую весть о Воскресшем Спасителе. Теперь нам дана сила осуществлять апостольское призвание каждого христианина.

¹⁰⁹ Протопр. Шмеман А. Православное богослужение. Литургия. URL: <https://azbyka.ru/pravoslavnoe-bogosluzhenie-liturgiya>.

¹¹⁰ Там же.

Глава 15

ЦЕРКОВЬ И ЦЕРКВИ В ИСТОРИИ. ВВЕДЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ

В этом очерке мы рассмотрим некоторые аспекты из общей церковной истории, без учета истории Поместных Церквей. Также будет кратко изложен путь развития западного христианства в рамках вопросов сравнительного богословия.

Доникейский период (I — нач. IV в.)

Апостольский период

Первый век *Христианской Эры* в Истории Церкви называется *апостольским*. По преданию, в течение 12 лет после Пятидесятницы апостолы оставались в окрестностях Иерусалима, а затем отправились на всемирную проповедь. Миссия апп. Павла и Варнавы показала, что для успеха проповеди не следует связывать обращаемых язычников устаревшим иудейским законом. Апостольский Собор в 49 г. в Иерусалиме утвердил эту практику. Но не все были согласны с его решением, т.н. «*иудействующие*» образовали раскол *эвионитов* и *назореев*.

Эти первые десятилетия иногда называют временем «иудео-христианства», когда Новозаветная Церковь еще существовала внутри Ветхозаветной Церкви, христиане посещали Иерусалимский храм и т.д. Иудейская война 66–70 гг. положила конец этому положению. Она началась с восстания иерусалимских националистов против римской власти. Нерон направил на усмирение провинции Веспасиана и Тита. В итоге в 70 г. Иерусалим был полностью разрушен, а храм сожжен. Христиане, предупрежденные откровением, заранее удалились из обреченного горо-

да. Так произошел окончательный разрыв между христианством и иудейством.

После разрушения Иерусалима значение церковного центра переходит к столице империи — Риму, освященному мученичеством апп. Петра и Павла. С правления Нерона начинается период гонений. Последний апостол Иоанн Богослов умирает ок. 100 г., и с ним заканчивается апостольский век.

Апостольские мужи

В Истории Церкви II и III вв. — время *первохристианства*, которое связано с именами «апостольских мужей», т.е. первохристианских писателей, бывших учениками самих апостолов. Это, например: сщмч. Игнатий Богоносец, 2-й епископ Антиохийский, осужденный на смерть в гонения императора Траяна. Конвоирован в Рим для растерзания львами на арене Колизея; и сщмч. Поликарп Смирнский — ученик ап. Иоанна Богослова, 2-й епископ Смирны. Свидетель мученического пути св. Игнатия. Сам был сожжен на костре в гонения императора Марка Аврелия в 156 г.

Апологеты

Дело проповеди и защиты христианского учения в языческом мире продолжили *апологеты*. Оправдывая (перед лицом римской власти) Христианство как справедливую и разумную религию, апологеты вольно или невольно переводили истины веры на язык разума, и так рождалось христианское богословие. Первым из подобных апологетов-богословов был мч. Иустин Философ из Самарии, философ-платоник, после своего обращения (ок. 133 г.) прибывший в Рим, где основал богословскую школу для борьбы с еретиками-гностиками. Написал три апологии. Погиб в гонения императора Марка Аврелия в 166 г.

В это же время прошел *Лаодикийский Собор* 170 г., который был первым крупным Собором после апостольско-

го времени. На нем решался вопрос о дне празднования Пасхи.

Встреча христианства и эллинистической мысли в это время проходила в крупных образовательных центрах, например, в Александрии и в Антиохии. Христиане основывали в этих городах свои огласительные школы.

Ок. 179 г. африканский философ-стоик Пантен преобразовал Александрийское огласительное училище в богословскую школу. Здесь родилась древнейшая традиция Александрийского богословия (Ориген, святитель Афанасий Великий, святитель Кирилл Александрийский и др.). У истоков этой традиции стоял Климент Александрийский († 215 г.) — ученик Пантена, автор знаменитой трилогии («Протрептик», «Педагог», «Строматы»). Климент развил тенденцию св. Иустина Философа к гармоническому сочетанию веры и разума, но в целом его богословие скорее эклектично, чем систематично. Первую попытку систематизации предпринял его ученик — Ориген Александрийский († 253 г.), энциклопедически образованный и очень плодовитый автор, крупнейший экзегет («Гексапла»), догматист («О началах») и апологет («Против Цельса»). Но в своей попытке согласовать Христианство с высшими достижениями эллинской мысли он допустил уклон в сторону неоплатонизма и богословские мнения, впоследствии отвергнутые Церковью.

В это время среди христиан возникает множество учений, которые пытались согласовать Благою весть Нового Завета с различными мистическими и философскими доктринами. Некоторые из них известны под именем гностических сект: докеты, манихеи, мандеи, а также сторонники Василида и Валентина.

Доникейский период также характеризуется гонениями на христиан со стороны языческого государства. Историю гонений на христиан в первые три века можно разделить на три периода:

1. Правительство римское в течение всего первого века не обращает особого внимания на распространение христианства. Если христиане подвергаются гонениям, то это из-за личных побуждений со стороны императоров, а не из-за законов.

2. В начале второго века воздвигаются на христиан гонения из побуждений правительственных. Эти гонения долгое время имеют характер случайный и зависят от произвола правителей, от воззрений и характера правителей.

3. С половины третьего века гонения принимают более напряженный и ожесточенный характер. Христианство преследуется как враждебная империи секта, с целью совершенного ее искоренения.

1. Первый период гонений. Первый период гонений был при императорах Нероне и Домициане. Нерон обвинил христиан в поджоге Рима. Годы с 64-го до 68-го были страшные для христиан: их распинали на крестах, отдавали на съедение диким зверям, зашивали в мешки, которые обливали смолой и зажигали во время народных гуляний.

2. Второй период гонений. Во второй период наиболее сильные гонения были от императоров Траяна, Марка Аврелия и Септимия Севера.

Император Траян (98–117 гг.) строго запретил существование тайных обществ, которые имели свои собственные законы, кроме общих государственных. В его время христиан не разыскивали, но если кто был обвинен судебной властью в принадлежности к христианству, то его казнили.

Император Марк Аврелий (161–180 гг.) ненавидел христиан. При нем христиан начали разыскивать; введена была система пыток и истязаний, чтобы вынудить их отречься от веры. Христиан изгоняли из домов, бичевали, побивали камнями, катали по земле, бросали в тюрьмы, лишали погребения. Никогда в прежние гонения не было столько мучеников, как в это время. Бывало так, что тела замученных христиан лежали массами на улицах города.

3. Третий период гонений. В третий период особенно ожесточенные гонения были от императоров Декия и Диоклетиана.

Император Декий (249–251 гг.) был грубый и жестокий и решил уничтожить Христианство. К счастью, это ужасное гонение продолжалось короткое время. Император Диоклетиан (284–305 гг.) издал четыре эдикта против христиан, один другого жесточе, с целью истребить христианство.

Все христиане, абсолютно все, осуждаются на пытки и мучения, с целью принудить их к отречению от христианства.

Пущены были в ход всевозможные пытки и казни, и не останавливались ни перед какою жестокостью. Назначен был срок для существования христианства (языческий праздник Терминалий 23 февраля 303 г.). На самом рассвете этого дня отряд воинов окружил никомидийский храм: двери храма были выломлены, священные книги были сожжены, драгоценности разграблены, и весь храм разрушен до основания. После этого начались такие ужасы, которых невозможно изобразить. Свирепость мучителей доходила до такой степени, что изувеченных лечили, чтобы снова мучить; мучили иногда от десяти до ста человек в день, без различия пола и возраста.

Именно начало Диоклетианова гонения (302 г.) заставляет св. просветительницу Нину вместе с общиной девичьего аскетерия бежать в Армению. Когда же гонение достигает их и там, она скрывается в Иверии (Грузии). Свв. девы были замучены армянским царем Тиридатом. Но это способствовало обращению его царства через поведь св. Григория Просветителя, который ок. 305 г. стал первым епископом Армении. А через 15 лет св. Нине Грузинской удалось обратить в Христианство царя Мариана. Таким образом, христианизация Армении и Грузии — это почти одновременные и связанные между собой события.

В 313 году императоры Константин и Ликийский издают Миланский эдикт, провозглашающий свободное исповедание Христианства.

Эпоха гонений закончилась. Начался новый период истории Церкви.

Период Вселенских Соборов (IV–VIII вв.)

При Константине Великом и его преемниках Христианство становится религией, которую поддерживает государство. Обращение огромных масс вчерашних язычников способствует возникновению массовых еретических движений. Вмешиваясь в дела Церкви, императоры часто становятся покровителями и даже инициаторами ересей. Аскетически настроенные христиане скрываются от этих смут в пустынях. Именно в IV в. быстро расцветает монашество и появляются первые монастыри (независимо друг от друга в Египте, Сирии и Палестине монашество возникает сразу в трех формах: отшельничество, скитское житие и общежитие.). Процесс преодоления ересей происходит через формирование и раскрытие догматов на семи Вселенских Соборах¹¹¹. Соборность Церкви позволяет христианам все глубже постигать суть своей веры

¹¹¹ Вселенскими называются Соборы, созванные от лица всей Церкви для разрешения вопросов об истинах вероучения и признанные всей Церковью в качестве источников ее догматического Предания и канонического права. Стоит отметить, что Вселенская Православная Церковь остановилась на семи Вселенских Соборах и исповедует Себя Церковью семи Вселенских Соборов. Нужно знать, что так называемые *Древнеправославные* (или *Восточные Православные*) Церкви остановились на первых трех Вселенских Соборах, не приняв IV, Халкидонского (т.н. *не-халкидониты*). Западная Римско-Католическая Церковь продолжает свое догматическое развитие и насчитывает уже 21 Собор (причем последние 14 Соборов также именует Вселенскими). Протестантские конфессии не признают авторитета Вселенских Соборов.

в разных аспектах святоотеческого богословия, подтверждаемого аскетическим опытом выдающихся подвижников.

В это время как раз и возникает арианство — первая массовая ересь антитринитарного характера, рационально обоснованная александрийским пресвитером Арием (256–336 гг.), который учил, что Сын Божий не совечен Отцу, а является Его высшим творением, т.е. Богом только по имени, а не по сущности. I Вселенский Собор (325 г.) осудил это учение, утвердив единосущие Сына с Отцом. Но императоры Констанций (337–361 гг.) и Валент (364–378 гг.) поддержали последователей Ария и подчинили им почти всю Церковь. Борьбу с этим модернизированным арианством¹¹² до самого конца века вели святители Афанасий Великий и Великие каппадокийцы: святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и Григорий Нисский¹¹³.

С V в. начинается *эпоха христологических ересей* (о Лице Иисуса Христа), предтечей которых был Аполлинарий Лаодикийский († 390 г.) — богословствующий философ, участник I Вселенского Собора и борец против ариан, а с 346 по 356 г. — епископ Лаодикии Сирийской. С 370 г. он развивал очень рискованную христологию, согласно которой «Христос есть Логос в человеческой оболочке», т.е. воплощенный Божественный ум, а разумная часть человеческой души (т.е. человеческой природы) в Нем отсутствует. Учение это было осуждено на II Вселенском

¹¹² Продолжением арианства стала ересь под названием «пневматомахия», или «ересь духоборцев», которую связывают с именем Константинопольского епископа Македония (342–361 гг.). Была подхвачена поздними арианами как естественное продолжение своей доктрины: не только Сын, но и Св. Дух являются тварными и лишь подобносущими Отцу. Ересь эту, в числе других, осудил II Вселенский Собор.

¹¹³ Участник II Вселенского Собора. Автор «Большого Катехизиса», в котором завершил учение Каппадокийцев о Св. Троице и о Лице Иисуса Христа.

Соборе. Но вопрос об образе соединения двух природ во Христе оставался открытым. Новой попыткой решить его стало *несторианство* — христологическая ересь, названная по имени Константинопольского патриарха Нестория (428–431 гг.), который учил, что Деву Марию следует называть Христородицей, т.к. Она родила не Бога, а только человека Христа, к которому Божество присоединилось впоследствии и обитало в Нем как в храме, т.е. две природы во Христе так и остались разделенными. Эта концепция раздельного и параллельного функционирования в Бого-человеке двух Его природ осуждена на III Вселенском Соборе (431 г.) по инициативе святителя Кирилла Александрийского. Однако выступление его против Нестория было поспешным и не очень внятным. Оно породило недоумение и раскол.

Спасаясь от преследований, противники святителя Кирилла эмигрировали во враждебную Византии Персию (т.н. халдейские христиане) и на Соборе 499 г. отделились от Константинопольской Церкви, образовав собственный патриархат с резиденцией в городе Селевкия-Ктесифон (совр. Багдад). Далее см. «Сиро-Персидская (Ассирийская) Церковь».

Святитель Кирилл епископ Александрийский (444 г.) — богослов-эрудит (знаток Платона и греческой философии), углубленный иррационалист, резкий и темпераментный полемист, он по праву венчает на Востоке «Золотой век патристики», и его творения являются вершиной Александрийского богословия. Однако пренебрежение к «рацио» делало его понятия не вполне четкими. Он, например, не различал термины «природа» и «ипостась» и допускал выражения типа «единая природа Бога-Слова воплотившегося».

Эту буквально понятую «единую природу» Христа и начал обосновывать его горячий сторонник архимандрит Евтихий в своей борьбе против несториан. Таким образом,

Евтихий впал в противоположную крайность: монофизитство. Это — христологическая ересь, утверждающая, что хотя Богочеловек рождается из двух природ, но в акте их соединения Божественная природа поглощает человеческую. И потому Христос уже не единосущен нам по человечеству.

В итоге II Эфесский (разбойничий) Собор (449 г.) под председательством епископа Диоскора (преемника святителя Кирилла Александрийского) силовым способом утвердил на Востоке монофизитскую ересь в качестве истинно православного исповедания. Но св. папа Лев Великий назвал этот Собор «разбойничьей сходкой» и настоял на созыве нового Вселенского Собора в Халкидоне (451 г.), который осудил как несторианство, так и монофизитство. Истинное учение Собор выразил в непривычной антиномической форме («неслиянно» и «нераздельно»), которая вызвала соблазн и продолжительную «монофизитскую смуту».

Монофизиты и соблазненные монахи захватили Александрию, Антиохию и Иерусалим, изгнав оттуда епископов-халкидонитов. Назревала религиозная война.

Чтобы предотвратить ее, император Зенон в 482 г. издал «Энотикон» — компромиссное соглашение с монофизитской иерархией на дохалкидонской основе. Папа Феликс II обвинил Константинополь в отступничестве от Халкидона. В ответ Константинопольский патриарх Акакий (471–488 гг.) отлучил папу. Так образовалась «Акакиевская схизма» — 35-летний разрыв между Востоком и Западом.

Пытаясь примирить христиан всей империи, св. император Юстиниан (527–565 гг.) стал инициатором V Вселенского Собора (553 г.). Но его попытка примирения с монофизитами запоздала, т.к. они уже образовали собственные церковные организации, из которых выросла т.н. *Ориентальная семья Древнеправославных Церквей*. А его грандиозная попытка восстановления единой Римской империи

истощила силы Византии и привела к затяжному политическому и экономическому кризису.

Последняя попытка примириться с монофизитами (и тем самым сохранить религиозную целостность империи) принадлежит императору Ираклию (610–641 гг.). Ради этого была изобретена специальная христологическая платформа — монофелитство — ересь имп. Ираклия и патриарха Сергия, предполагающая, что две природы во Иисусе Христе соединены единством Божественной воли. Эта ересь была осуждена на VI Вселенском Соборе (680–681 гг.), который утвердил истину о том, что только две воли во Иисусе Христе позволяют понять Его как Истинного Бога и истинного человека (без чего невозможно обожение человеческой природы — цель христианской жизни).

Святитель Софроний, патр. Иерусалимский († 638 г.) — духовный сын блаж. Иоанна Мосха († ок. 620 г.), с которым он путешествовал по монастырям Сирии, Палестины и Египта (собирая материал для «Луга духовного»). Долго жил в Александрии у Святителя Иоанна Милостивого. В 634 г. был избран патриархом Иерусалимским и сразу же выступил с окружным посланием против монофелитов. Но в это время Иерусалим был блокирован арабами и через два года осады разграблен. Во время осквернения храмов святитель Софроний умер в скорбях и печали.

Главным борцом с ересью монофелитов стал преподобный Максим Исповедник († 662 г.), секретарь императора Ираклия, уйдя со службы которому ок. 625 г., он удаляется в Кизический монастырь св. Георгия, а затем в Сев. Африку. Становится учеником св. Софония, а после его смерти уезжает в Рим, где осуждает монофелитство на Латеранском Соборе 650 г. За несогласие с волей императора-еретика он был арестован, подвергнут пыткам (усечены язык и правая рука). Умер в ссылке в Иверии, оставив великое

богословское наследие. Главный его труд: «Мистагогия» (Тайноведение).

Иконоборчество — ересь, которая осуждала иконопочитание как идолопоклонство. Ересь эту воздвигли императоры из династии Исавров. В 726 г. Лев III (717–741 гг.) издал эдикт против икон и мощей, а в 754 г. его сын Константин V (741–775 гг.) собрал лжесобор против иконопочитания. Ересь была осуждена на VII Вселенском Соборе (787 г.), но несмотря на это император Лев V (813–820 гг.) и его преемники возобновили ее. Окончательное Торжество Православия над ересью наступило на Соборе 843 г.

Преподобный Иоанн Дамаскин († ок. 750 г.) был главным борцом с иконоборческой ересью на ее первом этапе, разработав богословие иконы в «трех словах в защиту икон». Его главный труд «Точное изложение Православной веры» явился образцом для всех последующих изложений христианской догматики. В расцвете сил он ушел с высокого поста (1-й министр калифа Велида) в лавру преподобного Саввы Освященного, где занимался гимнографией, составил гласы «Октоиха» и написал ок. 64 канонов (в том числе Пасхальный канон).

Преподобный Феодор Студит († 826 г.) противостоял иконоборчеству на его втором этапе. Монах, а затем игумен Олимпийского монастыря, он не побоялся отлучить от Церкви самого императора Константина V, за что был сослан. Царица Ирина вернула его в столичный Студийский монастырь, откуда он бесстрашно обличал Льва V, за что был подвергнут истязаниям и снова сослан в Вифанию, где скончался. Его подвижнические наставления занимают весь IV том Добротолюбия.

После этого иконоборческую ориентацию сохранила только секта *павликиан*, которая выросла на основе маркионизма и манихейского дуализма, отвергала церковную обрядность, священство, почитание Богородицы, святых и т.д.

Период после Вселенских Соборов (IX–XX вв.)

Св. патриарх Фотий и схизма 862–870 гг. Предшественник Фотия, св. патриарх Игнатий был строгий аскет и канонист, который за свои обличения был низложен императором Михаилом III Пьяницей и сослан (857 г.). Тогда-то и был возведен на патриаршество гос. секретарь Фотий — человек ученый, но светский. Игнатий послал апелляцию к самому папе Римскому. Властолюбивый папа Николай I учинил разбор и в 862 г. объявил патриаршество Фотия незаконным. Возмущенный этим вмешательством, Фотий написал Окружное послание (866 г.) к Восточным патриархам, призывая их к суду над папой. Собор, осудивший папу за вероотступничество, состоялся летом 867 г., но уже осенью покровитель патриарха Михаил Пьяница был убит, а новый император Василий I низложил Фотия и вернул Игнатия. На IV Константинопольском Соборе 870 г. Фотий был осужден, и этот Собор, признавший правоту Рима, католики считают VIII Вселенским. Однако когда в 879 г. патриарх Игнатий умер, V Константинопольский Собор 880 г. оправдал Фотия и снова возвел его на патриаршество. Окончательно он был низложен в 886 г. императором Львом VI Мудрым. Схизму 862–870 гг. обычно рассматривают как репетицию окончательного разрыва с Римом в 1054 г.

Важно отметить, что события, параллельные этому периоду, уже во многом относятся к возникающей Руси. Так, уже в своем Окружном послании патриарх Фотий сообщает о нападении Аскольда и Дира на Константинополь, который был чудесно спасен заступничеством Пресвятой Богородицы, после чего часть руссов приняла крещение (860 г.).

Свв. равноап. Кирилл и Мефодий в 858 г. по поручению Фотия идут в Херсонес, где обретают мощи св. папы Климента. По некоторым предположениям, среди крещеных хазар могли быть и их данники — славяне. В 863 г. свв. братья по приглашению кн. Ростислава прибывают в Мо-

равию, где переводят на славянский язык богослужебные части Священного Писания и главные церковные чино-последования. Память обоих 11 мая.

Поход кн. Олега на Константинополь (907 г.) заставляет византийцев обратить самое пристальное внимание на Русь. По окончании грабительских походов св. кн. Ольга принимает крещение в Константинополе. А вскоре ее внук св. равноап. кн. Владимир помогает Василию II подавить опасный мятеж Варды Фоки и получает руку его сестры принцессы Анны. Но прежде он принимает крещение, а затем крестит и свой народ.

Ключевым историческим событием этой эпохи стало так называемое «*Разделение Церквей*», которое было вначале воспринято как очередная схизма, имеющая некоторые шансы быть преодоленной со временем. Контакты с Западной Церковью эпизодически продолжались. При императорах из династии Комнинов рыцари-крестоносцы ходили через Константинополь на освобождение Гроба Господня.

Но постоянная борьба за престол на рубеже XII и XIII вв. приводит Византию в упадок и завершается призывом рыцарей, которые опустошают Константинополь (1204 г.). На всем Востоке образуется т.н. Латинская империя. Греческая государственность сосредоточивается в Никейской области. Только в 1261 г. Михаил VIII Палеолог возвращает себе Константинополь. Понимая, что оторванная от Запада Византия обречена, он при поддержке патриарха Иоанна Векка заключает в 1274 г. Лионскую унию, которая продержалась всего 7 лет. Однако император Андроник III (1328–1341 гг.), потерпев поражение от турок, снова вступает в переговоры о соединении Церквей с папой Бенедиктом XII. Переговоры эти идут через калабрийского монаха Варлаама и неожиданно приводят к чрезвычайно важным паламитским спорам.

Святитель Григорий Палама († 1359 г.) — афонский монах-исихаст, в 1337–1338 гг. начинает спор с калабрийским

монахом о природе Фаворского света: Варлаам доказывал, что это «субъективное озарение» (ибо Бог непостижим), и обвинял Паламу в мессалианской ереси, Палама ответил тремя «Триадами» (т.е. 9-ю трактатами), в которых доказывал, что Бог, недоступный в Своей сущности, являет Себя в Своих нетварных энергиях. Эти энергии способны обожать человека и давать ему опытное постижение Самого Бога. Учение Паламы было рассмотрено на Константинопольском Соборе 1341 г. и признано православным.

Однако вскоре он был снова обвинен болгарским монахом Акидином, отлучен от Церкви (1344 г.) и заключен в темницу. Но Собор 1347 г. снова оправдал его. С 1350 по 1359 г. святитель Григорий Палама был архиепископом Фессалоникийским.

Шли годы, турки продолжали приближаться к Константинополю, и император Иоанн VIII (1425–1448 гг.) в надежде на помощь Запада принужден был заключить Флорентийскую унию 1439 г. Однако среди православного народа уния не имела никакой поддержки, и Константинопольский Собор 1450 г. осудил ее. А через три года Константинополь был взят турками и Византии пришел конец (1453 г.).

Константинопольский патриарх стал турецким подданным. Положение православных постоянно ухудшалось и в XVII–XVIII вв. стало ужасающим. В иных местах дело доходило до поголовной резни христиан. Права патриарха постепенно свелись к нулю. На этом мрачном фоне довольно яркой личностью выглядит патриарх Самуил (1764–1768 гг.; † 1780 г.). Волевой и хорошо образованный, он провел реформу церковного управления и установил постоянный Синод, с которым делил ответственность за Церковь. Он постоянно стремился к верховенству Константинополя: в 1766 г. подчинил Сербскую автокефалию, рукоположил патриархов Антиохийского и Александрийского и т.д. Но вскоре был низложен собственным Синодом.

К сожалению, чем более униженными и зависимыми чувствовали себя Константинопольские патриархи, тем более они стремились подчинить себе автокефальные славянские Церкви и «огречить» их. Когда в 1870 г. Болгарская Церковь отвергла навязанный ей греческий епископат и греческий богослужебный язык, Константинопольский Собор 1872 г. осудил болгар как схизматиков, уклонившихся в *филетизм* (ересь, придающая более значение национальной идее, чем истинам веры и церковному единству).

ЗАПАДНОЕ ХРИСТИАНСТВО

Доникейский период на Западе (I — нач. IV в.)

Начальный этап Церкви на Западе был связан с двумя главными культурными центрами Европы: Афинами и Римом. Здесь творили Апостольские мужи: сщмч. Дионисий Ареопагит и св. Климент, папа Римский — ученик ап. Петра.

Ок. 138–140 гг. в Риме начали свою проповедь еретики-гностики: Валентин, Кердон и Маркион. Гностицизм подменял веру эзотерическим знанием (гносисом). Это была попытка развития Христианства через модели языческой философии, иудейской мистики и магии. Недаром предтечей гностицизма считается Симон Волхв (Деян. VIII. 9–24 г.). Гностики использовали также учение докетов о «кажимости» воплощения Христова и ересь Николаитов, считавших, что Христос освободил их от законов нравственности. Подобно им, многие гностики вели нарочито безнравственный образ жизни, ибо видели свое оправдание уже не в Христе, а в изощренности собственных доктрин.

Для борьбы с гностицизмом в Рим прибыл сщмч. Иустин Философ. В Афинах в это же время действовали апологеты Кодрат и Афинагор (тоже философ). Так в борьбе с ересями возникало христианское богословие и на Западе.

Упомянем других западных богословов.

Сщмч. Иринея Лионский считается одним из отцов христианской догматики. Он был учеником сщмч. Поликарпа Смирнского, а ок. 180 г. стал епископом Лионской Церкви в Галлии, где написал обширный труд «Пять книг против ересей». Квинт Тертуллиан также был выдающимся богословом и одним из поздних апологетов. Жил в Карфагене (Сев. Африка), где ок. 195 г. стал пресвитером. Гениальный антиномист и автор многих политических трактатов, он знаменит своим ригоризмом и парадоксальным противопоставлением веры разуму («Верую потому, что абсурдно»). Этот воинственный иррационализм ок. 200 г. увел его из Церкви в секту монтанистов.

Сщмч. Ипполит Римский — ученик сщмч. Иринея Лионского, философ, апологет, экзегет, ересеолог и церковный писатель, епископ порта Римского. Его главная работа «Опровержение всех ересей» (в 10 кн.) направлена против гностиков. Боролся также против антитринитарного учения Савеллия. Мученически погиб в гонение император Максимиана Фракиянина ок. 235 г.

Но в Риме также возникла и ересь «савеллианства». Савеллий, пресвитер Ливийский, в нач. III в. прибыл в Рим и стал учить, что Бог не троичен и все три Лица — только модусы Его Единичности, которая проявляется последовательно: сначала в виде Отца, затем — Сына и наконец — Духа. Это антитринитарное учение имело такие же последствия на Западе, как схожая ересь Павла Самосатского на Востоке.

В 251 г. на Церковь обрушилось гонение императора Декия — одно из самых кровавых и опустошительных. В Риме сразу же погиб папа Фабиан, и его кафедра пустовала целых 14 месяцев. Замечательный богослов Киприан — епископ Карфагенский вынужден был бежать и скрываться. Не все христиане могли выдержать жестокие пытки — некоторые отрекались от Христа и отпадали от Церкви. По окончании гонения встал вопрос: можно ли принимать их обратно?

Святитель Киприм Карфагенский и новый папа Корнелий считали, что это возможно (при определенных условиях, конечно). Ригористически настроенный римский пресвитер Новатиан считал, что Церковь не должна прощать и пачкаться грешниками. Он обвинил Корнелия в недопустимых послаблениях, а себя провозгласил истинным преемником Фабиана (т.н. антипапа) и главой т.н. «Церкви чистых» («кафаров»). Святители Киприан и Корнелий на Соборе 251 г. отлучили новатиан от Церкви за немилосердие и нарушение канонической дисциплины. Во время следующего гонения сщмч. Киприан добровольно принял смерть за Христа. Такова история одного из первых дисциплинарных расколов (т.н. Новатианского).

Он имел большие последствия, потому что конец Доникийского периода ознаменовался крупнейшим гонением императоров Диоклетиана и Галерия (302–311 гг.). Было огромное число свв. мучеников, но и много отпавших. Опустошение дополнилось политической смутой, которая завершилась только с воцарением Константина Великого. В 313 г. Константин предоставил Церкви свободу вероисповедания (т.н. «Миланский эдикт»). Но часть африканских епископа во главе с Донатом (соперником законного епископа Цецилиана) учинила новый раскол, провозгласив себя «Церковью мучеников», а остальных — предателями и соглашателями с безбожной государственной властью (св. император Константин принял крещение только перед смертью). Субъективно это было движением против огосударствления Церкви, за сохранение ее свободы. Но объективно оно разрушало африканскую (Карфагенскую) Церковь и стало главной причиной ее последующего исчезновения.

Новатианский и донатистский соблазн раскольничьей «чистоты» будет постоянно преследовать Церковь и отзовется на Западе ересями катаров и вальденсов, а на Востоке — движением богомилов и стригольников.

Период Вселенских Соборов на Западе (IV–VIII вв.)

Следует отметить, что арианство было на Западе внешним явлением, принудительно вводимым восточными императорами. На варварскую периферию Западного мира арианство принес Вульфилла († 381 г.) — просветитель готтов. Он родился ок. 311 г. в христианской семье, вывезенной готами из Малой Азии. До 30 лет был проповедником. В 341 г. принял в Константинополе арианское рукоположение и в качестве первого епископа готтов заразил этой ересью германские народы. Составил готский алфавит и перевел на него Библию.

Западному арианству противостоял святитель Иларий Пиктавийский († 366 г.) На арианском Соборе в Милане (355 г.) осужден и сослан во Фригию, где написал трактат о Троице. Положил начало латинской тринитарной терминологии. По смерти арианского императора Констанция восстановил на Парижском Соборе Никейское исповедание.

Его дело продолжил святитель Мартин Турский († 397 г.) — строгий аскет, основатель Галльского монашества. Построенный им монастырь Мармутье стал центром христианизации Галлии. Здесь воспитывались будущие епископы, миссионеры и подвижники.

Также должен быть упомянут святитель Амвросий Медиоланский († 397 г.), знатный и блестяще образованный наместник Лигурии, в 374 г. неожиданно избранный епископом Медиолана (Милана). Изучив труды Великих каппадокийцев, он боролся с арианством, обращая германские народы.

Его учеником был Блаженный Августин († 430 г.) — крупнейший богослов Западной Церкви, «Отец Католицизма» (в католической традиции: «учитель Церкви»). Получил риторическое образование, 10 лет провел в секте манихеев. В 387 г. под влиянием святителя Амвросия Медиоланского принял крещение. С 391 г. — пресвитер,

а с 395 г. — епископ Гиппона (Сев. Африка). Пишет свою знаменитую «Исповедь». В процессе борьбы с расколом донатистов и ересью Пелагия формирует свои доктрины первородного греха, благодати и предопределения. Под впечатлением падения Рима (410 г.) создает свой главный труд «О граде Божиим» (426 г.) — христианскую историософию.

В его время возникла в Риме ересь «пелагианства». Пелагий († 420 г.) — еретик из Британии, прославился строгой нравственной жизнью. Ок. 400 г. приехал в развращенный Рим, где начал учить, что любой человек может своими силами преодолеть зло и достичь святости. Отвергал необходимость благодати, наследственность первородного греха и т.д. Дважды осужден как еретик (416 и 418 гг.), после чего уехал на Восток и вскоре умер. Его ученики Целестий и Юлиан Экланский также сводили христианство к морализму.

Святитель Лев I Великий († 461 г.) — папа Римский с 440 г. Боролся с пелагианами на Западе и с монофизитами на Востоке. Настоял на созыве Халкидонского Собора (451 г.), который руководствовался его знаменитым христологическим посланием к святителю Флавиану. В 452 г. спас Рим от нашествия гуннов Аттилы. В 455 г. выкупил свою паству при разорении города вандалами. Значительно укрепил авторитет папской власти.

Возвышение авторитета римских пап происходило на фоне упадка и деградации императорской власти. Всеми делами империи фактически распоряжались военачальники-варвары. В 476 г. один из них — генерал Одоакр — низложил последнего малолетнего императора Запада — Ромула Августула. Это событие считается границей между Античностью и наступающим Средневековьем. Главное содержание нового периода: формирование самостоятельных варварских государств на территории Западной Европы и их последующая христианизация.

У франков строителем государства стал Хлодвиг I Меровинг (481–511 гг.). Победив вестготов и алеманнов, он ок. 496 г. первым из варварских королей принял крещение по католическому обряду. В отличие от своих соседей, которые все были арианами, он стал править, опираясь на католический епископат и получил санкцию Церкви на свою политику. Это привело франкское государство к значительному политическому могуществу и позволило ему впоследствии стать империей.

У бриттов христианская Церковь достигает наибольшего расцвета к середине V в. Во «времена Короля Артура» (настоящее имя Ненний Арториус, ок. 516–542 гг.) она становится независимой национальной Церковью. Но начавшееся в то же время англо-саксонское завоевание оттесняет ее в глубину острова (Там, в Сев. Уэльсе), последняя яркая страница ее истории связана с именем Давида епископа Мeneвийского († 588 г.). С той поры ведущая роль переходит к независимой Ирландской Церкви св. Патрика († 461 г.), которая быстро прославилась своим культурным потенциалом. В VII–VIII вв. Ирландские миссии возьмут на себя главную роль в христианизации Зап. Европы.

У англов, переселившихся в Восточную Британию с материка, была языческая религия скандинавского типа. Крещение их относится к самому концу VI в. и связано с миссией бенедиктинского монаха Августина († 604 г.), посланного св. папой Григорием I. В 597 г. миссионеры обращают в Христианство Этельберта (560–616 гг.) — правителя королевства Кент и учреждают там Кентерберийскую архиепископию. Другие католические епископы основывают епархии в Лондини (Лондоне) и Эбораке (Йорке). Однако на эти древние (с III в.) кафедры претендует также загнанная на Западное побережье местная Старо-Британская Церковь. Обостряются отношения и с национальной Ирландской Церковью.

Кульминационной точкой этого соперничества становится Собор в Уитби (664 г.): на нем встретились члены Ирландской и Римской Церквей. После продолжительного диспута, на котором прелат Уилфред победил местного аскета Кутберта, преимущество перешло к Римской Церкви.

За век до этого в Испании, населенной вестготами, местные епископы пытаются облегчить их обращение из арианства в католическую веру через введение термина *Filioque* (Толедский Собор, 589 г.). Вскоре это частное мнение толедских епископов (учение об исхождении Святого Духа «и от Сына») получит значительное распространение на Западе.

В Испании также подвизался Исидор Севильский († 636 г.) — церковный писатель и ученый, архиепископ Севильский, известный тем, что массово обращал в Христианство евреев, прославился как чудотворец. Оставил огромное литературное наследство, в т.ч. «Всемирную хронику», «Этимологию» (в 20 кн.) и три книги «Сентенций» (первое систематическое изложение догматики). Завершает период западной патристики при переходе ее в схоластику.

Стоит отметить, что ересь монофелитства, затронувшая почти всю Восточную Церковь, была тем не менее осуждена в Риме на Латеранском Соборе 650 г. под председательством св. папы Мартина, который по приказу императора Ираклия был схвачен и привезен в Византию, где разделил судьбу преподобного Максима Исповедника. Умер в ссылке в 655 г.

Это была последняя крупная восточная ересь, которая оказала влияние на Запад, т.к. в VII–VIII вв. обособление его от Византии значительно усиливается.

Средневековый период после Вселенских Соборов на Западе (VIII–XIII вв.)

В начале VIII века во всем христианском мире произошли крупные изменения, связанные с экспансией ислама.

В 711 г. арабы переплавились через Гибралтарский пролив, быстро захватили Испанию и двинулись в глубь современной Франции. Страшная опасность, нависшая над Европой, объединила бывших врагов под знаменами могучего франкского майордома Карла Мартелла († 741 г.). 17 октября 732 г. в грандиозной двухдневной битве под Пуатье арабские полчища были рассеяны. Это высоко подняло авторитет франкских правителей. Сын Карла Мартелла — Пипин III Короткий уже чувствовал себя королем. О настоящем короле из умирающей династии Меровингов (Хильдерике III) мало кто помнил.

В 751 г. Пипин с согласия папы был избран на престол и коронован Бонифацием (а Хильдерик III пострижен в монахи). 28 июля 754 г. папа Стефан II, бежавший от воинственных лангобардов в аббатство Сен-Дени, совершил Помазание нового короля на царство. Этот обряд, заимствованный у византийских императоров, означал соответствие избрания с волей Божией. Он впервые употреблялся на Западноевропейском континенте и сразу придал новой династии божественный статус. В благодарность за это Пипин разбил лангобардов, отнял у них Равеннский экзархат и преподнес его «в дар св. Петру». Так в 755 г. папа Стефан II получил Папскую область, т.е. стал еще и светским государем (официально до 1870 г.), что в условиях того времени сильно повышало его авторитет.

Сын Пипина Короткого — Карл Великий (768–814 гг.) ведет бесконечные войны и распространяет свое государство почти на всю Западную Европу. 25 декабря 800 г. папа Лев III коронует его императором. Таким образом отдалившаяся от Византии Римская Церковь надеется опереться на собственную империю. Но почти сразу же возникает конфликт. В 809 г. Карл созывает в своей резиденции Аахенский Собор, от лица которого требует у папы Льва признания *Filioque*. Папа упорно не соглашается и даже выставляет в своем храме две серебряные доски с Констан-

тинопольской формулой догмата. Но это не производит никакого впечатления на Карла Великого.

В 843 г. происходит Верденский раздел: внуки Карла разделили его огромную империю на три части (будущие Францию, Италию и Германию). При этом титул императоров удержали германские кайзеры. В X в. при королях Оттонах I, II и III из Саксонской династии Германия чрезвычайно усиливается (т.н. «Оттоновский ренессанс») и возникает т.н. «Священная Римская империя Германской нации».

Однако ускоренный рост государства приводит к ослаблению роли и значения Церкви. Могущественные феодалы завладевали церковным имуществом и правом на инвеституру, а Церковь все более обмирщалась и приходила в упадок. X век — это время позорной деградации папства, время жестокой борьбы за Св. Престол и покорного угождения всесильным светским владыкам.

Так, папа Бенедикт VIII (1012–1024 гг.), свергнутый антипапой Григорием, снова получает тиару из рук Генриха II Германского и по его настоянию утверждает в Символе веры *Filioque* (1014 г.). Следующий папа, Иоанн XIX, спасаясь от заговора, тоже бежит к германскому королю, после чего образуется троепапство (Бенедикт IX, Сильвестр III, Иоанн XX). В среде клира процветает симония и противоестественные пороки. Ясно, что Церковь остро нуждается в обновлении. Это предчувствовал уже Бенедикт Аньянский († 821 г.) — монастырский реформатор из знатного рода. Вырос при дворе Пипина Короткого и Карла Великого. В 774 г. ушел в монастырь, но не обнаружил там истинного подвижничества. Тогда основал собственный Аньянский монастырь, где возродил устав преподобного Бенедикта Нурсийского во всей его строгости и на этой базе начал реформу прочих монастырей ордена.

Столетие спустя начинается новый всплеск движения за реформу. Теперь она складывается на базе Бургундского

монастыря Клюни (основан в 910 г.) и получает название Клюнийской (сер. X — нач. XII в.). В XI в. возникает конгрегация 3000 клюнийских монастырей, которые уже не подчиняются светским феодалам, живут по строгому уставу и активно борются с симонией. Реформаторы объединяются вокруг таких фигур, как Петр Дамиани († 1072 г.) — отшельник, учитель монахов, впоследствии — аббат, с 1057 г. — кардинал. Он — иррационалист, противопоставлявший веру разуму, учивший, что Бог не подчиняется даже закону противоречия, например, может делать бывшее не бывшим (трактат «О Божественном всемогуществе»). При этом он — сторонник симфонии Церкви и государства.

Другим ярким клюнийским лидером того времени был Гильдебранд († 1085 г.) — борец за чистоту celibата. С 1054 г. — влиятельный диакон при нескольких папах. В 1073 г. становится папой Григорием VII, поборником абсолютного «диктата папы». Дважды отлучал от Церкви непокорного Генриха IV Германского. Продолжил реформу самого института папства, которую начал Лев IX (1049–1054 гг.).

Великая схизма 1054 г. и Разделение Церквей со стороны Запада. Поводом послужил спор из-за земель в Южной Италии, формально принадлежавших Византии. Узнав, что греческий обряд там вытесняется и забывается, Константинопольский патриарх Михаил Керуларий закрыл все храмы латинского обряда в Константинополе. Одновременно требовал от Рима признать себя равным по чести Вселенским патриархом. Лев IX отказал ему в этом и вскоре умер. Между тем в Константинополь прибыли папские послы во главе с кардиналом Гумбертом. Обиженный патриарх не принимал их, а лишь предъявлял письменные обвинения латинских обрядов. Гумберт, в свою очередь, обвинил патриарха в нескольких ересьях, а 16 июля 1054 г. самовольно объявил анафему патриарху и его последова-

телям. Михаил Керуларий ответил Соборным постановлением (воспроизводящим все обвинения Фотия в 867 г.) и анафемой на все посольство. Таким образом, по жанру это была очередная схизма, далеко не сразу осознанная как окончательный разрыв между Востоком и Западом.

Действительное разделение Церквей было длительным процессом, проходившим на протяжении четырех столетий (с IX по XII в.), а его причина коренилась в возраставшем различии эkkлезиологических традиций.

В результате Ключнийского движения наступил бурный расцвет Католицизма (кон. XI — кон. XIII в.): происходит основание новых орденов, развитие богословия (но и ересей!). Соборы и крестовые походы следуют друг за другом. Этому всеобщему оживлению способствует окончание норманнской угрозы, которая несколько веков держала в страхе всю Европу. Но 1066 г. — конец эпохи викингов, когда их потомки, нормандские рыцари, разбили англосаксов под Гастингсом и утвердились в Англии.

Упомянем нескольких интеллектуальных лидеров той эпохи:

Ансельм, архиепископ Кентерберийский († 1109 г.) — один из основоположников схоластического метода, примирявшего веру и разум на основе понятийного аппарата античных философов (в особенности — Аристотеля). Составил онтологическое доказательство бытия Божиего: из понятия Бога, как Существа Совершенного, вывел реальность Его бытия (т.к. неполнота бытия — несовершенство). Сформулировал юридическую трактовку догмата об Искуплении. В Католицизме — учитель Церкви.

Пьер Абеляр († 1142 г.) — магистр Парижской Соборной школы, выдающийся рационалист, «странствующий рыцарь диалектики», которой он лишь однажды изменил ради любви к прекрасной Элоизе. Окончательно отождествил теологию с философией. Был дважды (1121 и 1141 гг.) обвинен в несторианско-пелагианской ереси.

Умер на покое в Ключийском монастыре, оставив откровенные воспоминания «История моих бедствий».

Бернар Клервоский († 1153 г.) — отпрыск знаменитого рыцарского рода, прошел суровую школу аскезы в монастыре Сито. В 1115 г. основывает монастырь Клерво и становится строителем Цистерцианского ордена. Пламенный проповедник, церковный политик и выдающийся философ-мистик, он разработал учение о 12 ступенях смирения и четырех степенях любви, с помощью которых душа возносится в сферу Божественной истины. Под его влиянием возникла Сен-Викторская мистическая школа при монастыре св. Виктора, основанного на окраине Парижа Гильомом из Шампо в 1108 г., которая разрабатывала методику созерцания и боролась с рационализмом. Из философов-викторианцев известны: Гуго († 1141 г.), Ришар († 1173 г.) и Вальтер (XII в.) Сен-Викторские.

Шартрская школа, основанная епископа Фульбертом († 1028 г.), наоборот, развивала умеренный рационализм. В XII в. ее возглавляли: Бернар Шартрский (до 1124 г.), затем — его ученик Жильбер де ла Поррэ (или Порретанус; † 1154 г.), затем — мл. брат Бернара — Тьерри († 1155 г.) — соратник и единомышленник Абеяра. Примыкали: Бернар Турский († 1167 г.) и Гильом из Конша († 1145 г.).

Характерной особенностью западной церковности стали духовно-рыцарские ордена, например, такие как Картезианский орден, Цистерцианский орден, Тевтонский орден, а также Тамплиеры, Кармелиты, Госпитальеры (Иоанниты), Францисканцы, Доминиканцы, Августинцы и др. Они возникли в связи с главными четырьмя «Крестовыми походами» (1096–1204 гг.).

В средневековый период на Западе состоялось несколько Церковных Соборов.

I Латеранский Собор (1123 г.) созван был папой Калликстом II для утверждения Вормского конкордата (1127 г.), с помощью которого был достигнут долгождан-

ный компромисс в споре об инвеституре между римскими папами и германскими императорами.

II Латеранский Собор (1139 г.) созван папой Иннокентием II для осуждения Арнольда Брешианского и ереси арнольдистов (см. ниже).

III Латеранский Собор (1179 г.) созван папой Александром III для осуждения ересей катаров, альбигойцев и вальденсов (см. ниже).

IV Латеранский Собор (1215 г.) созван папой Иннокентием III в разгар крестового похода против альбигойцев. Снова осудил бюргерские ереси и фактически учредил инквизицию (крупнейшим деятелем которой станет Торквемада). Принял строгие предписания, регулирующие монастырскую жизнь. Запретил создание новых орденов. Призвал Фридриха II Штауфена к новому крестовому походу.

I Лионский Собор (1245 г.) созван папой Иннокентием IV в Лионе, куда он бежал от Фридриха II Штауфена, осадившего Рим. На этом Соборе Фридрих II был торжественно отлучен от Церкви, после чего, под влиянием папы, Германским императором был избран Генрих Распетюрингенский (1246–1247 г.).

II Лионский Собор (1274 г.) был созван папой Григорием X для укрепления церковной дисциплины. Он установил ныне существующий порядок избрания пап и окончательно сформулировал Filioque в качестве догмата Церкви. Важным деянием Собора была Лионская уния с Константинопольской Церковью (правда, выяснив, что Михаил VIII только имитирует «единение» в политических целях, папа уже в 1281 г. отлучил его «за лицемерие»).

Период Возрождения и Нового времени (XIV–XX вв.)

XIV век открывается соперничеством королевского абсолютизма и Церкви. Французский король Филипп IV Красивый (1285–1314 гг.) низлагает неугодного ему папу Бонифация VIII (1294–1303 гг.) и в 1307 г. ликвидирует

орден Тамплиеров, который стал тревожить его своим могуществом.

Эти события открывают новую страницу в истории папства — Авиньонское пленение пап (1309–1377 гг.). Престол их переносится в Авиньон в знак поражения, которое они потерпели, а сами папы становятся послушными орудиями французской политики. Так, первый же «авиньонский папа» Климент V (1305–1314 гг.) в угоду Филиппу IV созывает Вьеннский Собор (1311–1312 гг.), который санкционирует судебный произвол короля и упраздняет орден Тамплиеров, обвинив его руководство в колдовских и антихристианских обрядах.

Последним «авиньонским папой» был Григорий XI (1370–1378 гг.), который вынужден был переехать в Рим, чтобы удобнее вести войну с восставшей Флоренцией. В преемники ему избрали сразу двух пап: в Риме — Урбана VI (1378–1339 гг.), в Авиньоне — Климента VII (1378–1394 гг.), Так «Авиньонское пленение» переросло в «Великий раскол» папства (1378–1417 гг.). При этом даже Папская область распалась на ряд воюющих частей.

Своего рода предтечей Реформации стал в это время Джон Уиклиф († 1384 г.) — английский богослов, проф. Оксфордского университета. Задолго до Лютера он выступил против торговли индульгенциями, почитания святых и призывал к отделению Английской Церкви от Рима. В 1381 г. завершил перевод Библии на английский язык. Пользовался защитой короля, пока его учение не было подхвачено плебейской ересью лоллардов, которые выступили под знаменами Уота Тайлера. После подавления восстания оно было осуждено, но оказало влияние на Яна Гуса († 1415 г.), также осуждавшего торговлю индульгенциями и требовавшего коренной реформы Церкви по образцу первохристианских общин. В 1414 г. он был осужден Констанцским Собором (1414–1418 гг.), который положил конец «Великому расколу» папства. Он был созван по

настоящему императора Сигизмунда в Констанце (совр. Швейцария) и был самым представительным Собором Средневековья. Он низложил всех трех существовавших тогда пап и избрал Мартина V. По делу о ересьх было осуждено учение Дж. Уиклифа, Гуса и Иеронима Пражского. Все трое сожжены как еретики (Уиклиф — посмертно). Принято пять декретов о реформе Церкви.

Последовавший вскоре Базельско-Флорентийский Собор (1431–1449 гг.) продолжил развитие реформ, отстаивая соборное верховенство над папой. Папа Евгений IV (1431–1447 гг.) не стерпел потери инициативы и объявил Собор распущенным.

Продолжение деятельности Собора произошло во Флоренции, где в 1439 г. была подписана Флорентийская уния с православными. Однако главный сторонник унии русский митрополит Исидор по возвращении в Москву был низложен. Константинополь также отказался от унии через 11 лет по требованию православного народа.

Еще одним провозвестником идей Реформации стал Джироламо Савонарола († 1498 г.) — монах-доминиканец, проповеди которого послужили толчком к свержению тирании Медичи во Флоренции. Иррационалист и мистик: стремился к религиозной непосредственности, к реставрации аскетических идеалов первохристианства. Отчасти предвосхищал взгляды Лютера. Был предан суду по обвинению в ереси и казнен.

Таким образом, пафос протестантизма зарождался уже в недрах Католической Церкви.

Реформация, подготовленная этими средневековыми событиями, началась в Германии в 1517 г., когда Лютер прибил к воротам Виттенбергского собора свои 95 тезисов против индульгенций. Папа Лев X отлучил его от Церкви, но на имперском сейме в Вормсе (1521 г.) Лютер одержал моральную победу и был укрыт князьями в крепости Вартбург. Пока он занимался переводом Библии на народный

язык, у руля реформ встали теологи-радикалы. Следствием этого была Крестьянская война 1524–25 гг., после подавления которой инициатива Реформации перешла от теологов к протестантским князьям. В результате войны 1546–1555 гг. они одержали победу над Карлом V и ввели в Германии Лютеранство. В это же время Реформация победила в Швейцарии, Голландии, Англии и др. странах Западной Европы. В России реформационные настроения отразились в ереси «жидовствующих».

Ответом на Реформацию стала католическая Контрреформация¹¹⁴, эпоху которой открывает Тридентский Собор (1545–1563 гг.), созванный для утверждения вероучительных истин, атакованных протестантами. На нем было осуждено протестантское учение об оправдании одной только верой и о Священном Писании как единственном источнике Откровения. Также было отвергнуто Богослужение на национальных языках. Его «Тридентское исповедание веры» (1564 г.) — возврат к классическому средневековому католицизму.

Упомянем некоторые ключевые фигуры Контрреформации.

Папа Иннокентий XI (1676–1689 гг.) — выдающийся церковный деятель XVII в. Отстаивал традиционные католические ценности в борьбе с абсолютистскими притязаниями Людовика XIV. В 1682 г. отменил независимые от

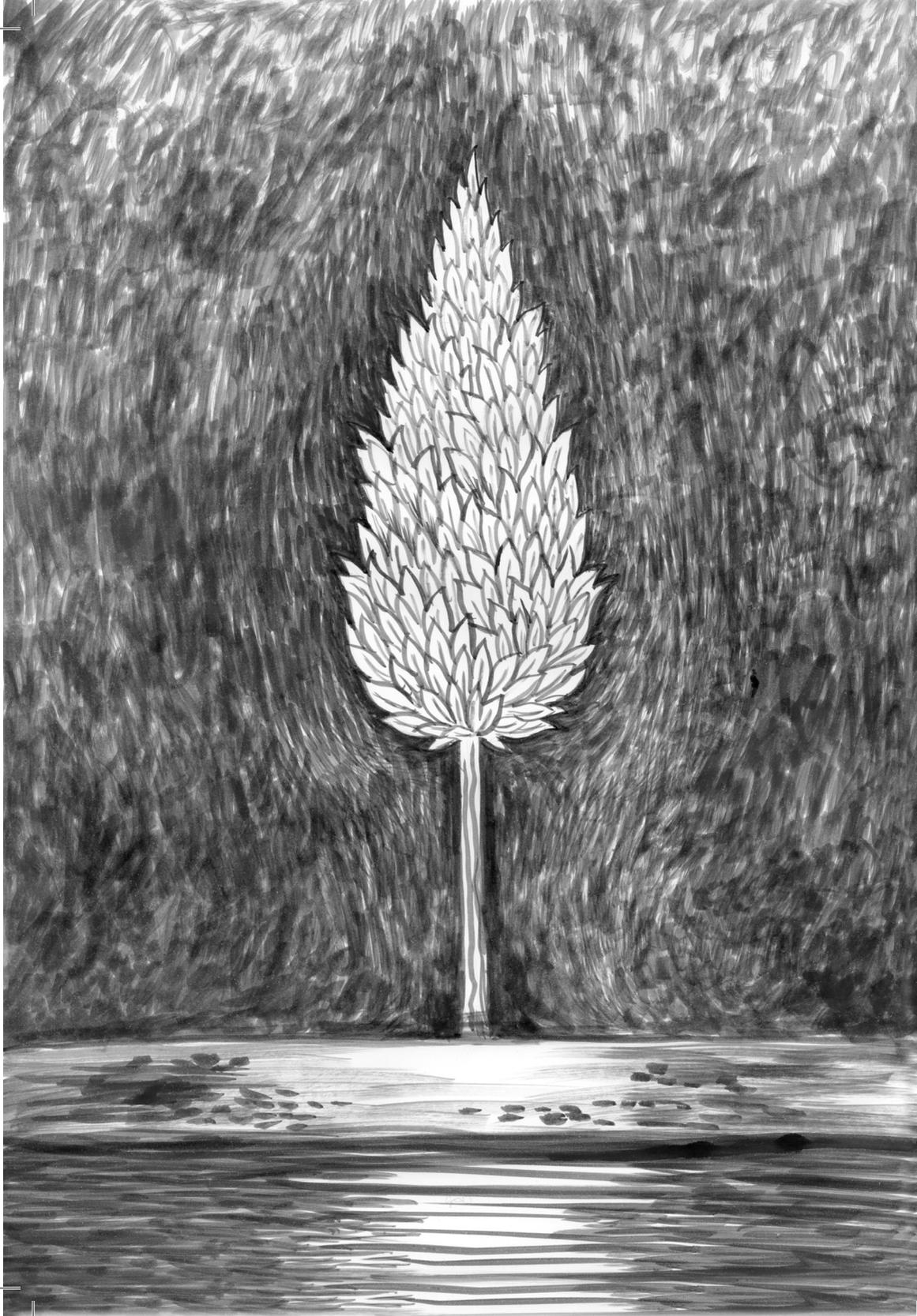
¹¹⁴ Контрреформация — церковно-политическое движение XVI–XVII вв., стремящееся восстановить духовную монополию Католической Церкви, дискредитировать идеи Реформации и ренессансной культуры. Вместе с тем это движение породило новое понимание святости как сочетания мистической созерцательности и социальной активности. Пример: орден Иезуитов — основан в Париже Игнатием Лойолой в 1534 г., утвержден Павлом III в 1542 г. Для ордена характерны: суровая дисциплина и высокая степень образованности. Члены его часто вели мирской образ жизни, осуществляя религиозный контроль за учебными заведениями и общественными институтами.

папства права национальной Французской Церкви. Впоследствии беатифицирован.

Папа Пий VI (1775–1799 гг.) — последний папа «старого режима». Его исключительный по длительности понтификат (24 года) завершился уже в условиях Французской революции, которая вызвала его активное противодействие. Однако в 1798 г. французы оккупировали Рим и изгнали папу.

Папа Пий IX (1846–1878 гг.) в 1854 г. провозгласил католический догмат о Непорочном зачатии Девы Марии. В 1864 г. опубликовал «Силлабус» — перечень общественно-политических заблуждений, подрывающих учение Католической Церкви (социализм, атеизм, рационализм, требование свободы совести и т.д.). Он созвал I Ватиканский Собор 1870 г., провозгласивший догмат о папской непогрешимости в делах веры и морали. В том же году окончательно потерял Папскую область, ликвидированную революционным движением.

II Ватиканский Собор (1962–1965 гг.) был созван папой Иоанном XXIII для осовременивания (т.н. аджорнаменто) Церкви. Создал новую концепцию церковной жизни — не власть над таинствами, но служение людям. По смерти Иоанна XXIII это направление Собора продолжил папа Павел VI. Особый акцент был сделан на экуменических отношениях и сближении с Православной Церковью: 7 декабря 1965 г. в Риме и Стамбуле (Константинополе) были разорваны грамоты взаимных проклятий между Западной и Восточной Церквями, после чего с кафедры Иоанна Златоуста предстоятели обеих Церквей прочли совместную декларацию о прекращении схизмы.

Глава 16

УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ. ВВЕДЕНИЕ В СОТЕРИОЛОГИЮ

Цель и смысл христианской жизни — обожение

Богообщение было естественным состоянием человека в раю. Это видно из тех немногочисленных строк первых глав книги Бытия, где говорится об общении Бога и человека. Даже после грехопадения Господь не оставляет человечество, зачастую первым выступая инициатором этого общения на протяжении всей человеческой истории. Это видно на примере жизни многих праотцов, отцов, пророков, проповедников, апостолов и многих святых.

Логос, сотворивший мир, не оставлял человечество своей премудростью и божественным детовождением до тех пор, пока по благоволению Бога Отца не воплотился в Богочеловеке Иисусе Христе для спасения человека от смерти, тлена и первородного греха; для дарования ему благодати усыновления, обожения и вечной жизни.

Именно восприняв на себя человеческую природу, Господь Иисус Христос соделался для всего человеческого рода *«премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением»* (1 Кор. 1:30). Он явился как Богочеловек, *«чтобы взять грехи наши»* (1 Ин. 3:5), то есть освободить нас от греха и сделать способными к жизни в Божией святости и правде.

Об этом говорит известное высказывание свят. Иринея Лионского: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

Милосердие Божие велико и, возможно, превышает Его же справедливость. Не желая окончательной гибели первозданного человечества, Господь дает ему обетование о грядущем спасении сразу после вкушения запретного плода. Тогда Бог сказал дьяволу, принявшему вид змия: *«Вражду*

положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между Семенем ее. Оно будет поражать тебя в голову (или — сотрет твою голову), а ты будешь жалить Его в пяту» (Быт. 3:15). Этими словами Господь осудил дьявола, утешил наших прародителей обещанием, что некогда Потомок жены поразит саму «главу» змия — дьявола, их соблазнившего. Но при этом и Сам Потомок жены пострадает от змия, который как бы будет «жалить Его в пяту», то есть причинит Ему физические страдания. Замечательно еще в этом первом пророчестве наименование Мессии «Семенем Жены», что указывает на Его необычайное рождение от Жены, Которая зачнет Мессию без участия мужа. Отсутствие физического отца вытекает из того, что в ветхозаветное время потомки всегда назывались по отцу, а не по матери. Данное пророчество о сверхъестественном рождении Мессии подтверждается более поздним пророчеством Исаяи (7:14), о котором мы еще будем говорить. По свидетельству таргумов Онкелоса и Ионафана (древних толкований-пересказов книг Моисея), евреи всегда относили пророчество о Семени жены к Мессии. Исполнилось это пророчество, когда Господь Иисус Христос, пострадав на Кресте Своей плотью, поразил дьявола — этого «древнего змия», то есть отнял у него всякую власть над человеком. Ибо *«для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола»* (1 Ин. 3:8).

Второе пророчество о Мессии находится также в книге Бытия и говорит о благословении, которое от Него распространится на всех людей. Сказано оно праведному Аврааму, когда тот своей готовностью принести в жертву своего единственного сына Исаака обнаружил крайнюю преданность и послушание Богу. Тогда Бог через Ангела обещал Аврааму: *«И благословятся в Семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего»* (Быт. 22:18). Ветхозаветные евреи это пророчество всегда относили к Мессии, понимая его, однако, в том смысле, что благословение должно распространиться, главным образом, на избранный

народ. В последующем жертвоприношении Авраам прообразовал Бога Отца, а Исаак — Сына Божия, имевшего пострадать на Кресте¹¹⁵. Эта параллель проводится в Евангелии, где сказано: *«Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3:16). Важность пророчества о благословении всех народов в Потомке Авраама видна из того, что Бог подтвердил Свое обещание клятвою.

О тесной связи обожения и смерти Мессии за грех (ради обновления человеческой природы, взятой Им на Себя) говорит Сам Христос в гефсиманском молении к Отцу: *«Иисус возвел очи Свои на небо и сказал: Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную. Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира»* (Ин. 17:1–5).

Апостол Петр так говорит об обожении: *«Как от Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, через познание Призвавшего нас славою и благостию, которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью: то вы, прилагая к сему все старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа»* (2 Пет. 1:3–8).

¹¹⁵ *«Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира»* (Ин. 1:29).

А святитель Афанасий Великий (ок. 298–373) поясняет: «Все существа по благодати Духа, даруемой Сыном, делаются причастниками Самого Сына... И взирая на Самого Сына, видим Отца, потому что уразуметь и постигнуть Сына значит приобрести ведение об Отце, так как Сын есть собственное рождение Отчей сущности» («На ариан слово первое»).

В Своем бесконечном человеколюбии Бог *«хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»* (1 Тим. 2:4). Своим Богочеловеческим подвигом спасения Господь Иисус Христос стал единственным и единственным Спасителем человеческого рода, поэтому – *«нет ни в ком ином спасения, ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись»* (Деян. 4:11–12).

Да, спасение для всех, но не все и не всегда его принимают. *«Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели прийти»* (Мф. 22:2–3).

Более того, сойдя во ад, Господь даровал спасение душам тех, кто готов был Его принять: *«потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал, некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению, во дни Ноя, во время строения ковчега, в котором немногие, то есть восемь душ, спаслись от воды»* (1 Пет. 3:18–20).

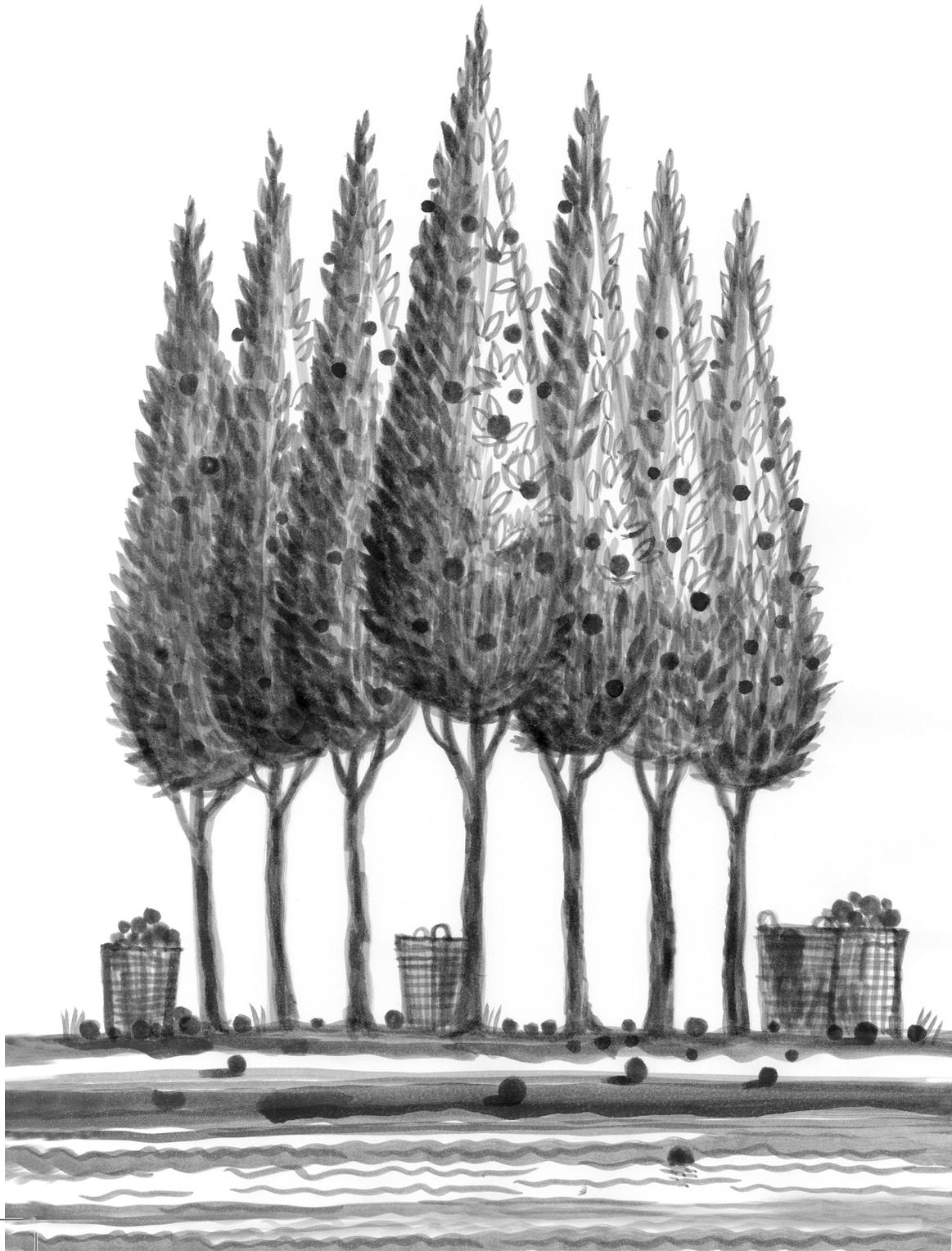
Об этом событие предвозвещал пророк Захария: *«Ликуй от радости, дочь (дочь) Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной... Он возвестит мир народам, и владычество Его будет от моря до моря и от реки до концов земли. А что до тебя, ради крови завета твоего Я освобожу узников твоих из оврага, в котором нет воды»* (Зах. 9:9–11).

Согласно толкованиям ослица — это символ мира, в то время как конь — символ войны. Иными словами, по этому пророчеству Мессия должен был возвестить людям мир — примирение с Богом и прекращение вражды между людьми. Вторая часть пророчества, об освобождении узников из рва, предсказала об освобождении из ада душ умерших людей в результате искупительных страданий Мессии.

О даре обоживающей новозаветной благодати, которую Господь сообщает человечеству после своего Воскресения, призывая приобщаться Его Пречистым Телу и Крови в Таинстве Евхаристии, благовествует пророк Иеремия: *«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет; не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат — брата и говорить: “познайте Господа”, ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их, и грехов их уже не вспомяну более»* (Иер. 31:31–34).

В заключение можно привести слова преп. Серафима Саровского: «Истинная цель жизни нашей христианской есть стяжание Духа Святого Божиего. И эта цель всякого христианина, живущего духовно. Пост же, бдение, молитва, милостыня и всякое Христа ради делаемое добро суть средства для стяжания Святого Духа Божиего»¹¹⁶.

¹¹⁶ *Серафим Саровский, преп.* О цели жизни нашей христианской. Беседа преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым. I, II. Сергиев Посад, 1914. С. 5, 41.

Раздел II ТАИНСТВА ЦЕРКВИ

Глава 1 ТАИНСТВО БРАКА (ВЕНЧАНИЕ)

В Священном Писании мало, но удивительно емко сказано о браке.

«*Нехорошо быть человеку одному...*» То есть человек предназначен к тому, чтобы не быть одиноким, чтобы во второй своей супружеской половинке обрести полноту.

«*Сотворим ему помощницу, соответственную ему...*» В древнееврейском слово, переведенное у нас как *помощница*, дословно означает *восполняющая*. То есть жена восполняет мужа в бытии.

«*Оставит человек отца и мать, прилепится к жене своей; и будут одной плотью...*» *Одна плоть* — значит одно существо. Быть вместе, жить одной жизнью с одними устремлениями, ценностями, радостями и горестями...

Это в Ветхом Завете. Новый же подтверждает и усиливает то, о чем говорится в Ветхом.

Вспомним, как Христос приходит на брак в Кану Галилейскую, чтобы поздравить молодоженов, и даже делает им свадебный подарок — превращает воду в вино.

Или вспомним замечательные слова о любви апостола Павла: «*любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится*». О чем это? О том, что супружеская любовь, единство, обретенное еще на земле, перейдут с нами в вечность.

В богословско-литургическом аспекте Таинство Брака подробно рассмотрено в главе «Миссионерский комментарий к Таинству Брака». Но здесь, при всей возвышенности

и красоте этого Таинства, все же стоит остановиться на проблемах, которые, к сожалению, часто возникают в совместной жизни супругов и путях их решения. Тем более, что статистика свидетельствует: в настоящее время разводы составляют половину от числа регистрируемых браков в России! А ведь за этими сухими и бездушными числами стоят искалеченные судьбы людей, и главное – самых незащищенных и нежных из них – детей...

Итак, начнем с того, что часто можно услышать такую фразу: «Мы не сошлись характерами...» Но людям, которые не работают над своим характером, и из-за этого брак рушится, хорошо бы вспомнить о своей ответственности за это, ибо Сам Христос говорил нам об этом: «*Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает*» (Мф. 19:6; Мк. 10:9).

Брак – это навсегда. Единство мужа и жены – это единство не психологического или социального характера, но онтологического.

Православная Церковь всегда, во все времена подходила к браку именно с такими высокими требованиями. «Вы говорите о идеале», – часто слышит священник от современных людей и на это отвечает одно: «а Церковь всегда и вела людей к идеалу...»

Единобрачие – это идеал. Это то, на что призваны ориентироваться все люди. И именно поэтому священнослужитель, который по определению должен быть идеалом для своих прихожан, может быть только единобрачным.

Если, даже по уважительной причине, брак разрушается, священник или диакон не может вступить в повторный. Так же принять священный сан не может человек, который повторно вступил в брак или женится на второбрачной.

Этот принцип настолько строго соблюдается в Православии, что немало достойнейших людей не были удостоены священного сана и служат Церкви в чине мирянина (таковы многие профессора Духовных Семинарий и Академий, сотрудники Патриархии, епархий и проч.).

Итак, по замыслу Божию супружество — это вечное и нерасторжимое установление. Но в реальности, из-за греховности людей, нежелания строить отношения, работать над супружеством, брак может разрушиться. В Ветхом Завете в книге Второзаконие сказано, что развод возможен, если муж находит в жене что-нибудь противное. По мнению исследователей, первоначально под противным понималась супружеская неверность. Однако впоследствии иудейские толкователи стали искажать эту заповедь и допускать развод по любым причинам, удобным для мужчины. Даже одного его желания, сопровождаемого словами, что его жена ему противна, было достаточно, чтобы он считал себя свободным от брачных уз.

Против такого искажения выступает Христос. Спаситель напоминает, что Бог сотворил мужчину и женщину, чтобы те стали одной плотью, и говорит, что позволение Моисея о разводе дано по жестокосердию человеческому, как исключительная, крайняя мера. В другой раз Христос уточняет, что существует только одна уважительная причина для развода — супружеская неверность, — *«но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует»* (Мф. 19:9; ср. Мф. 5:32).

То есть Спаситель очищает от позднейших искажений древнюю, Моисееву заповедь и говорит, что только супружеская неверность, измены могут быть причиной развода.

Апостол Павел добавляет еще одну причину — неверие супруга/супруги, но и тут добавляет, что желательно верующему супругу терпеть, молиться и верить в обращение своей второй половины: *«Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его... Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в та-*

ких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь» (1 Кор. 7:12–15).

То есть мы видим, что Богом заповеданный идеал, попадая в наши руки — руки греховных, злых, неверных людей, может быть поврежден.

В самом деле. Возьмем первый случай — супружескую неверность. Если наша вторая половина не желает работать над собой, если, несмотря на все наши увещания, не хранит супружеской верности, а постоянно обманывает нас, блудит, изменяет, зачем превращать жизнь для всех в ад?.. Если жена сама все это вытерпеть еще и может, то должны ли страдать от этого зрелища дети? Какой пример, какую модель семьи они воспримут, если знают, что папа постоянно изменяет маме, а мама с этим мирится?..

В случае супружеской неверности, после многократных попыток исцелить ситуацию, после увещаний изменника, если все так и остается, самым правильным шагом будет расторгнуть брак. Мириться с беззаконием, закрывать на него глаза — значит потакать греху, в каком-то смысле становиться соучастником греха.

Представим теперь картину, обрисованную апостолом Павлом. Неверующая половина. С грустью приходится признать, что пастыри встречаются и с такими историями. Муж не пускает жену в храм. Он рвет ее иконки, он до истерики доводит детей, унижая их идеалы, говоря гадости о вере и святых.

Если есть такое откровенное неуважение, то нормален ли такой брак?.. Ведь брак — это единство. А тут единства нет. И если все это как-то приемлемо для жены — чаще всего, если жена не имеет детей и любит мужа, я советую бороться за брак, — то нужно ли все это для детей?

И тут, чтобы не мучить друг друга, возможно расстаться.

Вот исходя из этих соображений Православная Церковь и допускает развод как крайнюю меру. Как единственный выход из ситуации, когда по человеческой глупости, гре-

ховности, жестокосердию сохранить уважительные и терпимые отношения не удается.

...Когда Христос учил о браке, проблемы вражды против веры не существовало — верили все. Тогда единственной проблемой были измены.

При апостоле Павле ситуация изменилась. Язычники и иудеи превращали жизнь своей супруги/супруга, принявших крещение, в кошмар. Тогда апостол Павел вводит новую уважительную причину для развода.

Реалии современной жизни таковы, что появились иные страшные недуги и язвы общества.

Например, наркомания и алкоголизм... Сколько таких семей, где один из супругов изводит всю семью и подает жуткий пример детям и не только не может, но часто не хочет избавиться от страшной зависимости!

Если мы еще можем допустить подобную голгофу для бездетных супругов, то имеем ли мы право невинными и бесправными участниками этих бед делать детей?

Для православного человека высшим авторитетом является голос Церкви. Этот голос Церкви звучит на Вселенских и Поместных соборах, в писаниях учителей и отцов Церкви.

Немалое внимание в документах Соборов (особенно последних столетий) уделено вопросу о возможности или невозможности расторжения брака.

Так, Поместный Собор 1917–1918 годов в «Определении о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью» признал в качестве допустимых причин к разводу, кроме прелюбодеяния и вступления одной из сторон в новый брак, также: отпадение супруга или супруги от Православия; противоестественные пороки; неспособность к брачному сожитию, наступившую до брака или явившуюся следствием намеренного самокалечения; заболевание проказой или сифилисом; длительное безвестное отсутствие; осуждение к наказанию, соединенному с лишением

всех прав состояния; посягательство на жизнь или здоровье супруги либо детей; снохачество, сводничество, извлечение выгод из непотребств супруга; неизлечимую тяжкую душевную болезнь и злонамеренное оставление одного супруга другим.

Этой теме посвящены параграфы документа «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятого на Архиерейском Соборе в 2000 году.

Напомним перечень оснований к расторжению брака, принятый Собором 1917–1918 г., Социальная доктрина указывает: «В настоящее время этот перечень... дополняется такими причинами, как заболевание СПИДом, медицински засвидетельствованные хронический алкоголизм или наркомания, совершение женой аборта при несогласии мужа».

Чтобы не создалось впечатления, будто православные определения слишком либеральны к греху и слабостям, приведу еще цитату из этого документа: «В целях духовного воспитания брачующихся и содействия укреплению супружеских уз священники призываются к тому, чтобы в беседе, предшествующей совершению Таинства Брака, подробно разъяснять жениху и невесте идею нерасторжимости церковного брачного союза, подчеркивая, что развод как крайняя мера может иметь место только в случае совершения супругами деяний, которые определены Церковью как поводы для развода. Согласие на расторжение церковного брака не может даваться ради угождения прихоти или для “подтверждения” гражданского развода. Впрочем, если распад брака является свершившимся фактом — особенно при раздельном проживании супругов, — а восстановление семьи не признается возможным, по пастырскому снисхождению также допускается церковный развод. Церковь отнюдь не поощряет второбрачия. Тем не менее после законного церковного развода, согласно каноническому праву, второй брак разрешается невиновному супру-

гу. Лицам, первый брак которых распался и был расторгнут по их вине, вступление во второй брак допускается лишь при условии покаяния и выполнения епитимии, наложенной в соответствии с каноническими правилами. В тех исключительных случаях, когда допускается третий брак, срок епитимии, согласно правилам святого Василия Великого, увеличивается».

Вот в таком ключе и решают подобные вопросы пастыри Православной Церкви. Но лучше бы эти вопросы не возникали.

Милость Божия и Его благодать да пребудет со всеми нами! Мир нашим семьям и сил в перенесении испытаний! Претерпевший же до конца спасется.

Глава 2

ТАИНСТВО ЕЛЕОСВЯЩЕНИЯ (СОБОРОВАНИЕ)

Как известно, Соборование (или Елеосвящение) одно из семи церковных Таинств. Таинство — это пункт встречи человека с Богом, узел, которым накрепко связываются Небеса и земля.

Через Таинство Крещения и Миропомазания мы усыновляемся Богу и входим в единение со Христом;

через Таинство Покаяния примираемся с Богом и возвращаемся на путь правильной жизни;

Таинство Браковенчания соединяет двух в *плоть едину*;

Таинство Священства делает человека кормчим (то есть рулевым) корабля Церкви и служителем благодати;

Таинство Евхаристии приобщает христианина Богу, вливает в христианина Небесную силу и Жизнь Христову.

Наконец, Таинство Соборования является Таинством церковного исцеления.

Мы не будем говорить об истории формирования этого Таинства. Рассмотрим другую интересную тему, а именно: упоминание о Соборовании (вернее, его прообразе) в Новом Завете. Несомненно, каждый из вас слышал слова из послания ап. Иакова: *«Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне...»* Это единственное упоминание во всем Новом Завете о таком способе лечения, как молитва и помазание елеем. Всякий раз, когда священник вспоминает о Таинстве Соборования, всплывают эти слова. Более того, эти слова упоминаются в самом чине соборования.

А что, если перечитать слова ап. Иакова? И изучить их. Не откроем ли мы в них нечто большее, чем кажется на первый взгляд?

Итак, вот текст, который мы с вами разберем:

«Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто, пусть поет псалмы. Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5:13-15).

Злостраждет ли кто из вас... В оригинале стоит *страдать от зла*. Славянское *злостраждет* верно передает смысл.

Не совсем удачно переведено *из вас*. Эта фраза имеет локальный смысл и скорее означает *среди вас*. То есть речь не идет об общих правилах жизни, а касается ситуации в Христианской Церкви.

...пусть молится. В оригинале употреблено самое пространенное слово, обозначающее молитву. Наш перевод точен.

Весел ли кто, пусть поет псалмы... Греческий глагол *весел* означает *пробыть в веселом состоянии*.

А вот *поет псалмы* — неверный перевод. У апостола Иакова вместо этих двух слов стоит одно слово: *псаллето*. Это греческое слово (от него, конечно, происходит и слово *псалом* и слово *псалтирь*) означает *славить, петь хвалебные песни*.

То есть, по мысли Иакова, если тебе весело, пой Господу в радости, хвали и славь Его радостными песнями.

Болен ли кто из вас... Имеется в виду физическое недомогание, болезнь в самом прямом смысле слова. *Из вас* — опять речь именно о ситуации, которая может возникнуть в христианской общине — *у вас*.

...Пусть призовет пресвитеров Церкви. Кто должен позвать пресвитеров? Обратим внимание: это должен сделать сам больной. У апостола Иакова сказано именно так, как переведено у нас: *пусть призовет*. (Здесь использован императив-аорист, означающий категоричную форму повеле-

ния.) Позвать пресвитеров (т.е. священников) должен *сам* больной, это его христианское решение. Не родственники должны принимать за него это решение, а он сам должен этого захотеть.

Почему я так подробно на этом остановился? Потому что постоянно приходят люди и говорят: «Придите, пособоруйте нашего родственника». Спрашиваю: «А он сам хочет?» «Будет не против».

Вот это *не против* — неверный подход. Только сам он должен захотеть и возжелать, чтоб над ним молились.

Пресвитеры — с греч. *старейшины*. Так называли древних священнослужителей (епископов и священников).

...*И пусть помолятся над ним*. Для слова *помолятся* употреблено обычное слово, обозначающее *молитву вообще*. То есть речь не идет о том, что нужно молиться каким-то особенным образом, какими-то конкретными словами. Как могут, как желают! Никакого чинопоследования Соборования еще, конечно, не было.

Интересное выражение: *над ним*. Видимо, над больным простирали руки или на больного возлагали руки.

Помазав его елеем во имя Господне. Практика помазания елеем была введена в Древней Церкви в самые первые времена. Еще про апостолов упоминается, что когда они отправились, по словам Христа, на проповедь, они «*многих больных мазали маслом и исцеляли*» (Мк. 6:13). Видимо, по примеру апостолов и первые христиане стали помазывать своих больных маслом.

Может быть, кому-то будет интересно, но сегодня во время Соборования в масло добавляют немного вина. Это введено во исполнение притчи о Милосердном самарянине, который возливал на несчастного человека, израненного разбойниками, «масло и вино».

Интересная формула, которой завершается фраза: *во имя Господне*. Вероятно, похожую практику помазания елеем практиковали и язычники. Чтобы показать, что хри-

стианский обряд ничего общего не имеет с языческими лечебными действиями, апостол Иаков добавляет *помазав ... во имя Господне!*

В иудейском Талмуде мы находим уникальные свидетельства того, что в первохристианские времена даже раввины искали христиан, чтобы исцелиться. (Например, б Абода цара 27б; Тос Хуллин 2, 27-29.)

И молитва веры исцелит болящего... Это очень важное уточнение. Не помазание исцеляет человека, а *молитва веры*. Это уточнение очень важно для того, чтобы исключить магическое отношение к елею. На первом месте молитва!

И обратите внимание вот еще на что: что не просто *молитва* исцелит, а *молитва веры*. Вспоминается: Мк. 2:5: *«Иисус, видя веру их...»* Некоторые люди думают, что молитва действительна сама по себе, как набор произносимых слов. На самом деле молитва должна быть искренней, согретой теплом веры и любви к Богу. Именно поэтому мы так ценим молитвы святых людей, старцев. На такие молитвы Господь отвечает чаще, чем на наши.

...Исцелит болящего. В оригинале нет слова *исцелит*, а есть слово *спасет*. В каком смысле молитва спасет? В смысле исцеления от болезни или в смысле вечного спасения и оправдания на Суде Божьем? Некоторые богословы считают, что в смысле исцеления от болезни в данном случае (так поняли и переводчики синодального перевода). Другие богословы считают, что речь идет совсем не об исцелении от болезни, а о спасении в вечности. То есть, если человек болен, пусть над ним молятся, помазывают его маслом, даже если он умрет, эта молитва веры его спасет.

Но истина, вероятнее всего, лежит посередине. Ап. Иаков считает, что молитва нас и:

- А) Спасает от болезни;
- Б) Спасает для вечной жизни.

И восставит его Господь... Слово *восставит* (греч. *эгейрин*) в греческом языке означает: *пробуждать, восстанавливать*.

ливать. В этой фразе, как и в предыдущей, речь идет и о физическом *восставлении* и о душевном восстановлении и укреплении.

И если он соделал грехи, простятся ему. Даже если исцеление тела не произошло, можно быть уверенным, что молитва в болезни и помазание маслом приведут к духовному исцелению и освобождению от грехов. А это уже путь к исцелению тела.

Обратим внимание на то, что ап. Иаков связывает тему исцеления с темой прощения.

Для современных людей болезнь никак с грехом не связана. Для апостола Иакова связана! Исцеление тела, по мысли апостола, идет рука об руку с исцелением души. Хочешь здоровья тела — молись о прощении грехов и исправляйся. Бессмысленно лечить тело, если мы не лечим душу.

Итак, мы видели Таинство Соборования в зародыше, каким оно было в христианских общинах конца 50-х годов I века (именно тогда было написано послание Ап. Иакова).

Подведем итог, что же мы видим в этом отрывке.

Если человек болен, он не должен унывать. И в страданиях от зла и в радостях он должен молиться.

Наконец, христианин может призвать священников, но это должно быть именно его желание.

Искренняя и теплая молитва пресвитеров над больным, помазание елеем, возложение рук... все эти нехитрые, но искренние обряды даруют больному благодать Божию.

Бог простит ему грехи, а возможно, если на то будет Его святая воля, и восставит больного со одра болезни.

А теперь о чинопоследовании Таинства Соборования.

От древности до нас дошла длинная служба соборования. Это неспешный чин, предполагающий чтение и пение множества молитв и специального канона, чтение семи Еван-

гельских и семи Апостольских фрагментов и семикратное помазание больного святым елеем. Ввиду чрезвычайной продолжительности и утомительности и для священника, и для соборующего этот чин на практике сокращался.

Но в 2012 году священный Синод Русской Православной Церкви принял сокращенный вариант Соборования, озаглавленный: «Последование святаго елея совершаемого поскорю».

Там предусматривается всего несколько молитв, одно Апостольское и одно Евангельское чтение и одно помазание.

Этот вариант совершается в том случае, если по объективным причинам невозможно совершить длинный чин.

Мы не будем подробно разбирать весь чин Соборования, а укажем на его основные части. Мы будем говорить о длинном чине Соборования.

Перед Соборованием на стол ставятся семь зажженных свечей, кладется Евангелие. В специальной емкости елей (масло) и вино. Немного вина вливается в елей.

Священник начинает: *«Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков».*

Чтец: *«Аминь».*

Далее обычное начало, 142-й и 50-й псалмы. Далее канон о болящем. В этом каноне очень проникновенные слова и обращения к Богу об исцелении болящего.

Затем поются тропари различным святым, прославившимся помощью больным.

Затем читаются первые Апостольское и Евангельское чтения.

Здесь нужно сказать вот что: естественно, что все чтения подобраны не случайно. Они раскрывают какие-то грани православного учения об исцелении. Так, Апостольские говорят о даровании апостолам от Христа власти молиться об исцелении. С Евангельскими сложнее.

Они, на первый взгляд, не говорят о вещах, относящихся к исцелениям. На самом деле это очень глубокие чтения,

и я кратко расскажу, какую мысль каждое из Евангельских чтений иллюстрирует.

1. Евангелие от Луки 10:25–37: чтение о милосердном самарянине.

Это чтение о любви и отзывчивости. Святая Церковь говорит человеку: Твои беды, твои болезни не безразличны мне. Я приду и помогу тебе. Мы будем просить Бога, чтобы Он исцелил тебя, укрепил.

Но и ты, дорогой брат, подражай примеру милосердного самарянина. Как к тебе отнеслись с любовью, так и ты откликайся на чужую боль и болезни.

2. Евангелие от Луки 19:1–10: о мытаре Закхее.

Казалось бы, в этом чтении вообще не говорится о лечении больного. Но о чем же здесь говорится? О том, как Иисус увидел глаза Закхея. Глаза, в которых были тоска и надежда на изменение его жизни. Закхей залезает на дерево, чтобы увидеть Иисуса, и Иисус понял этот жест...*Увидел его и сказал ему: Закхей! сойди скорее...*

Иисус приходит в дом изгоя (по иудейским меркам), в дом скорее не хорошего, а плохого человека. И этот жест любви производит в душе Закхея переворот: *Закхей же, став, сказал Господу: Господи! половину имущества моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо.*

Вот и мы, недостойные, злые, грешные, слабые... Но какая беспредельная любовь и милость у Бога, который видит наши печальные глаза и говорит: Я сегодня буду трапезничать с тобою!

Поспешим принять Господа и начнем меняться в лучшую сторону.

3. Евангелие от Матфея 10:1, 5–8: о даровании апостолам полномочий исцелять и совершать иные чудеса.

Евангельское чтение, отвечающее на вопрос: по какому праву Церковь устами священнослужителей молится об

исцелении?.. По божественному праву. Господь дал своим последователям такую власть!

4. Евангелие от Матфея. 8:14–22: исцеление тещи ап. Петра.

Начинается чтение традиционно: исцеление больной женщины. Но дальше длинный текст, который сочли нужным оставить древние составители священного чина. Это текст о том, что нужно идти за Господом без промедления (*Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов...*).

И что путь за Господом не будет легким. Господь зовет за собой в трудную экспедицию, связанную с лишениями, испытаниями, проверками нашего духа, а не на прогулку (*Учитель! я пойду за Тобю, куда бы Ты ни пошел. И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову*).

5. Евангелие от Матфея. 25:1–13: притча о десяти девах.

Чтение о мудрых девах, которые запаслись елеем и были приглашены на брачный пир. Елей, — по мысли святых отцов, — наши добрые дела. Когда придем к Господу, что принесем ему? Принесем ли елей добрых дел, трудов, жертв силою и временем? Или придем с «пустым карманом», вернее, с пустым сосудом нашей души? Жизнь прожита, а никаких достоинств не приобретено...

6. Евангелие от Матфея. 15:21–28: исцеление дочери некой язычницы.

Рассказ о женщине, проявившей настойчивость. Не испугалась резкого ответа Спасителя, не ушла в озлоблении — *ах, так...* Смирненно просила. Вновь и вновь. Как это не похоже на нас, которые просим, не получаем и озлобляемся, впадаем в уныние. А ведь Евангелие говорит черным по белому: в молитве надо быть настойчивым.

7. Евангелие от Матфея. 9:9–13: тема милосердия.

И вновь тема милосердия Божия. *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.* Господь помилует нас, откликнется. Он к нам, таким слабым и недостойным, пришел. Он — отзовется, но дай Бог и нам не быть пассивными и в ответ на Его любовь принести плодов исправления.

После каждого чтения Писаний произносятся особые молитвы об освящении елея и об исцелении болящих.

Вот одна из них:

«Безначальне, Вечне, Святе святых, Единороднаго Твоего Сына низпославый, исцеляющаго всякий недуг, и всяку язю душ и телес наших, низпосли Святаго Твоего Духа и освяти елей сей, и сотвори и помазующемуся Твоему рабу (имярек), в совершенное избавление грехов его, в наследие Царствия Небеснаго. Ты бо еси Бог велий и дивен, храняй завет Твой и милость Твою любящим Тя, даая избавление грехов, Святым Твоим Отроком Иисусом Христом; паки рождей нас от греха; просвещаая слепыя, исправляая низверженныя, любяя праведныя и грешныя милуяя; паки изведый нас от тьмы и сени смертныя, глаголяя сущим во узах: изыдите, и сущим во тьме: открьйтеся. Возсия бо в сердцах наших свет ведения лица Его, отнелиже нас ради на земли явился есть, и с человеки поживе; приемшим Тя дал есть власть чадом Божиим быти, банею пакибытия сыноположение нам даровал есть, и непричастны нас сотворил есть от насильства диаволя; понеже не благоволил еси кровию очиститися, но елеем святым дал еси образ Креста Его, во еже быти нам Христову стаду, царскому священю, языку святому, и очистивый ны водою, и освятивый Духом Твоим Святым. Сам Владыко Господи, даждь благодать нам в служение Твое сие, якоже дал еси Моисею угоднику Твоему, и Самуилу возлюбленному Твоему, и Иоанну избранному Твоему, и всем во всяком роде и роде благоугодившим Тебе; сице сотвори

и нас быти служителей Новаго Твоего Завета над елеем сим, егоже усвоил еси Честною Кровию Христа Твоего; да совлечешся мирских похотей, умрем греху, и поживем правде, облечешся в Него помазанием освящения хотящаго елеа навестися. Буди, Господи, елей сей, елей радования, елей освящения, одежда царская, броня силы, всякаго диавольскаго действия отгнание, печать ненаветная, радование сердца, веселие вечное. Да и сим помазуемии паки рождения, страшни будут сопротивным, и возсияют во светлостех святых Твоих, не имуще скверны или враски; и да примутся в вечная Твоя упокоения, и восприимут почестъ горняго звания...»

После каждой из семи молитв священник берет кисточку (она называется в Требнике *струщец*) и, омочив в святом елее, помазывает крестообразно больного на лбу, на ноздрях, на щеках, на устах и на ладонях с обеих сторон.

После помазания читается молитва с призыванием на помощь святых:

«Отче Святыи, Врачу души и телес, пославый Единороднаго Твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, всякий недуг исцеляющаго, и от смерти избавляющаго, исцели и раба Твоего (или: и рабу Твою) (имярек), от обдержавшаго его телесныя и душевныя немощи, и оживотвори его благодатию Христа Твоего; молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, и Приснодевы Марии; предстательства честных Небесных Сил безплотных; силою Честнаго и Животворящаго Креста; честнаго славнаго пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна; святых славных и всехвальных апостолов; святых славных, и добропобедных мучеников; преподобных и богоносных отец наших; святых и исцелителей безсребренников, Космы и Дамиана, Кира и Иоанна, Пантелеимона и Ермолая, Сампсона и Диомида, Фотия и Аникиты; святых и праведных богоотец Иоакима и Анны, и всех святых...»

В конце соборования молящиеся преклоняют головы, священник простирает над головой больного раскрытое Евангелие и читает молитву:

«Царь Святой, Милосердный и Многомилостивый Господь Иисус Христос, Сын Бога Живого! Ты не хочешь смерти грешника, но чтобы он покался и жил. Не полагаю мою грешную руку на голову пришедшего к Тебе грешника, просящего об оставлении грехов, но Твою руку крепкую и сильную, которую во Святом Евангелии этом мои сослужители держат на голове раба Твоего (имя). Молюсь вместе с ними и прошу милостивое и не помнящее зла человеколюбие Твое: ...Сам и раба Твоего, кающегося в своих согрешениях, прими обычным Твоим человеколюбием, прощая все его прегрешения...» (рус. пер.)

Святое соборование вместе с усиленной молитвой об исцелении содержит моление Богу о прощении больному всех его забытых вольных и невольных прегрешений.

И далее соборованному преподается причастие и он вверяет себя в милосердные руки Отца Небесного.

Глава 3

ТАИНСТВО СВЯЩЕНСТВА

Богословие Таинства

Прообразом священства является служение ветхозаветных левитов, священников и первосвященников, которых Господь отделил от 12 колен богоизбранного народа для того, чтобы *«носить ковчег завета Господня, предстоять пред Господом, служить Ему (и молиться) и благословлять именем Его»* (Втор. 10:8). Все ветхозаветное служение и жертвы являлись предзнаменованием служения Нового Завета.

Исторически священство устанавливается Самим Господом Иисусом Христом в момент избрания 12 апостолов и 70 апостолов. *«Не вы Меня избрали, а Я вас избрал»* (Ин. 15:16). Всем им Он дает власть изгонять духов нечистых, совершать чудеса, исцелять больных, учить об истине Божией. Затем после Воскресения Христос преподаёт ученикам Духа Святого и вместе с Ним особые полномочия: *«Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»* (Ин. 20:23). Господь делает апостолов особыми носителями Благодати Духа Святого. Эта сила утверждается в момент Пятидесятницы, где они в истинном смысле становятся апостолами и начинают свое благодатное и таинственное служение.

Уже в Деяниях святых апостолов и в апостольских посланиях мы видим, что апостолы стали поставлять диаконов, пресвитеров и епископов – актуальную и по сей день трехстепенную иерархию священнослужителей. В древности все кандидаты в священнослужители избирались народом. Протопресвитер Николай Афанасьев хорошо отражает особое значение такого непростого дела: *«Забота Церкви <...> заключалась в том, что она избирала на это служение тех, кто был предназначен Богом; она испраши-*

вала дары Духа в молитве и в возложении рук на того, кому испрашивались дары, и она свидетельствовала о том, что дары Духа ниспосланы Богом на того, кто поставляется». В дальнейшем данный порядок прекратился и вместо этого обычая в священные степени людей избирались представители клира, то есть другие священнослужители, но отклик практики прошлого сохранился в троекратном пении слова *аксиос* (от греч. «достоин») во время хиротонии.

Нужно, конечно, понимать, что привычные для нас функции каждая из степеней приобрела со временем: к примеру, диаконы первоначально занимались социальной деятельностью, а епископы и пресвитеры не разделялись, но помогали апостолам в священнослужении. До окончания апостольского века власть поставления в священный сан и руководства церковной жизнью принадлежала только апостолам. И только уже в тот момент, когда апостолы начали постепенно уходить в мир горний, епископы стали усваивать полноту церковной власти. Священномученик Игнатий Антиохийский говорит об этой полноте: «Где епископ, там и Церковь». В его понимании епископское служение необходимо и достаточно для того, чтобы Церковь полноценно существовала. Это можно объяснить тем, что епископ — единственный священнослужитель по данной ему благодатной власти апостольского преемства, имеющий право рукополагать клириков и управлять Церковью.

Таинство Священства тесно связано с понятием *иерархии*. Нам хорошо известно, что иерархия необходима в жизни в разных ее аспектах: существует иерархия ценностей, дел, служений, обязанностей. Принцип иерархичности регулирует то, что в жизни каждого человека более или менее приоритетно. Иерархия являет собой старшинство по важности дела, а если обращаться к этимологии термина, то старшинство по святости (от греч. *ἱερός* — «святой»).

Если говорить о служении человека, то иерархичность подразумевает различную функциональную значимость. Например, в христианстве есть понятие о приоритете мужского пола. Церковь никогда не учила и не будет учить о том, что мужчина лучше женщины. Это было бы посягательством на онтологическую разницу — по природе и существу. Если бы такое разделение случилось, то было бы уделено столько внимания Пресвятой Богородице, которую Церковь почитает как Царицу Небесную, и другим святым женам? Однако при этом особняком стоит идея о том, что мужчина — глава семьи, то есть он имеет определенное функциональное первенство в семейной жизни. То же самое происходит и в жизни церковной.

Но недостаточной будет попытка свести священническое служение только лишь к иерархическому принципу. Священство — это не просто иерархия, и слова ап. Петра, обращенные ко всем христианам, это подтверждают: *«Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел»* (1 Пет. 2:9). И мужчины, и женщины во время принятия Крещения получают особый дар Святого Духа, который дает им благодатное рождение и возводит их в избранный род царственного священства. Этот новозаветный отрывок говорит об онтологическом аспекте священства, которое есть особое призвание, благодатная жизнь и благодатное служение. Священнослужитель является таковым именно в силу того, что весь народ Божий — Церковь — наделен царственным священством. В нем это онтологическое качество концентрируется и достигает апогея, потому что священник, по словам прот. Владимира Воробьева, — «это избранник Божий, который имеет благодатное поставление и особый дар Божий». В силу же иерархичности он выделяется из среды, чтобы предстоять народу Божию, служить Богу и Церкви особым образом.

В Православной Церкви священному сану придается особое, исключительное значение. Если весь народ Божий —

Церковь Христова — именуется царским священством, то священнослужитель, соответственно, несет на себе особый подвиг предстояния и высокое достоинство. Преподобный Силуан Афонский говорил, что священнослужители «носят в себе столь великую благодать, что если бы люди могли видеть славу этой благодати, то весь мир удивился бы ей, но Господь скрыл ее, чтобы служители Его не возгордились, но спасались в смирении». Нередко Таинство Священства сравнивают с личной Пятидесятницей, потому что во время хиротонии на человека сходят Святой Дух и многие благодатные дары. Некоторые святые, например преподобный Симеон Новый Богослов, видели это благодатное сошествие. Поэтому в Церкви принято относиться к священнослужителю с благоговением.

При таком благодатном достоинстве относительно священнослужителя также имеются и особые требования. Каждый священнослужитель должен обладать определенными духовными и моральными качествами. От него требуется духовный опыт, чистая вера, богословская умудренность, выраженная в специальном духовном образовании. Он должен быть человеком нравственным, миролюбивым, бескорыстным, безукоризненным и имеющим среди народа доброе имя. Из-за большой ответственности перед Церковью и Богом священнослужитель должен всегда следовать апостольским словам: *«все делайте в славу Божию. Не поддавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией, так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись»* (1 Кор. 10, 31-33).

Описание чинопоследования рукоположения в священный сан диакона и в священный сан пресвитера

Мысленно представьте себя в храме. Утро. Скоро начнется Божественная Литургия. Мы с вами будем участниками великого Таинства — Таинства поставления человека во священнослужители.

Чаще всего это действие называется *Хиротонией* (с греч. — рукоположение), Мы увидим, как совершается поставление в сан *диакона* и в сан *пресвитера* (*священника*).

Всякое рукоположение совершается во время литургии. Ее отличительная особенность в том, что возглавляет эту службу епископ (архиепископ, митрополит, патриарх). Он и совершает «содействующу Духом Святым» рукоположение.

Итак, остается несколько минут до начала литургии. Духовенство вышло в притвор встречать владыку. Со священным крестом на подносе стоит один из священников. Когда епископ войдет в храм, он возьмет этот крест, приложится к нему (поцелует) и благословит им собравшихся.

Все взволнованы и сосредоточены.

А если мы от священников повернемся в сторону *алтаря*, то увидим диаконов и иподиаконов (помощников епископа). У диакона в центре (это старший диакон) в руках кадило. Когда войдет владыка, диакон будет совершать каждение епископа, воздавая тому честь.

У иподиаконов в руках *дикирий* и *трикирий*, то есть подсвечники с закрепленными двумя и тремя свечами. (Дословно *дикирий* и *трикирий* переводятся с греческого как *двухсвечник* и *трехсвечник*.)

Два слова об этих элементах богослужения.

Свет — символ Христа. Он Сам сказал о Себе «*Я свет миру*» (Ин. 8:12), и тема эта много раз повторяется и в Новом Завете, и у святых богомудрых отцов Церкви.

Присутствие свечи за богослужением означает присутствие Христа, именно поэтому свечи зажигают, носят в руках в самые священные минуты (перед чтением Евангелия, на *Пошелее* (на *Всенощном бдении*) и т.д.).

Особое значение приобретает свеча в руках епископа (с греч. *Надзирателя*) Церкви.

Епископ во время богослужения символизирует Христа. Благословляя свечой, епископ тем самым как бы передает молящимся благословение Христово.

Дикирий (с двумя свечами) указывает на Христа, явившегося в двух естествах: Божественном и человеческом.

Трикирий (с тремя свечами) символизирует несозданный Свет Пресвятой Троицы.

Вот входит владыка. Он в повседневной своей одежде: *ряса*, на голове *клобук* (принадлежность монаха), на шее *панagia* (икона с изображением Божией Матери), на руках *четки* (тоже монашеский атрибут)...

После встречи, приложившись к поднесенному кресту и благословив священнослужителей, владыка поднимается на *амвон*, молится словами входных молитв и прикладывается к иконам Спасителя и Божией Матери.

В его руках уже не уличный *посох*, но *жезл архиерейский*, который используется во время богослужения. Если присмотреться, то легко заметить на верху жезла головы двух змеев. Змея — библейский символ мудрости (вспомним слова Христовы — «*будьте мудры как змии...*» — Мф. 10:16).

Обратим внимание на небольшие круглые коврики под ногами архиерея. Это *орлецы*, коврики с вышитым изображением орла.

Во время богослужения орлецы кладут под ноги епископу.

Два слова об орлецах. Тысячу лет назад такие орлецы клали под ноги византийскому императору. Двухглавый орел вообще был символом византийских императоров. Его вышивали на сапогах, тронах, одеждах императора.

В знак особого благоволения и уважения император дозволил этот символ использовать и византийскому патриарху и особо великим архиереям.

На Руси также стали использовать орлецы, но не с двумя орлами, а с одним. И стали класть их под ноги абсолютно всем архиереям. Из символа византийской императорской власти этот орел стал символизировать высоту архиерейского служения (который парит как орел), его духовную зоркость и бдительность в защите веры.

Владыка поворачивается к молящимся и благословляет их, затем спускается с амвона и поднимается на *архиерейский амвон* — специальную кафедру, поставленную посередине храма. Здесь с помощью иподиаконов он облачается в священные ризы для совершения Литургии.

Обратите внимание на эту трогательную деталь, оставшуюся с древнехристианских времен. Избранный людьми на высокое святительское служение, от лица простых верующих возглавляющий битву с сатаной за души людей и за жизнь мира, епископ облачается в одежды своего сана перед прихожанами. Он — не вне их, не над ними. Он — среди них, от них и по их поручению.

Перед тем как надеть каждый из элементов облачения, епископ целует его в знак благодарности Богу за служение, которого Господь его удостоил.

Облачение подходит к концу.

Иподиакон держит поднос, на котором лежат *наперсный* (надеваемый на *перси* — грудь) *крест* и *панагия* (в переводе с греч. — *Всесвятая*. Так называется эта иконка-медальон потому, что на нем обычно изображена Божия Матерь).

За ним иподиакон держит поднос с митрой.

Митра — головной убор, символизирующий корону — знак высокого служения (в древности на Востоке такие короны носили императоры). На Востоке митры появились после падения Византии и гибели византийского императора. Еще в XIV веке они не были приняты, но постепенно входят в употребление. (Митры были только в Александрийской Церкви.)

Митру имеет право надевать епископ или архимандрит (настоятель монастыря). Указом Императора Павла в 1797 году митру стали давать как высокую церковную награду и заслуженным священникам — *протоиереям*.

Митра епископа от митры священника отличается только тем, что на епископской вверху есть крест.

После облачения владыка принимает дикирий с трикирием и благословляет народ.

Воздев руки, епископ молится перед началом всесвятой службы, призывая Святой Дух прийти и действовать на сей службе.

«Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны и спаси Блаже, души наша». Затем, воспевая пришествие Спасителя, подобно Ангелам, присутствовавшим при Рождестве Христовом, архиерей произносит: *«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение* (что переводится как: *Слава в вышних Богу и на земле мир людям Его благоволения*)».

И, прося укрепить его уста в произнесении страшных и ответственных слов Литургии: *«Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою».*

Начинается Литургия. Подробно говорить о чинопоследовании Литургии мы не будем — для этого в книге есть отдельная глава. Мы коснемся тех моментов, которые имеют отношение к рукоположению.

Во время начальных песнопений Литургии (*антифонов*) владыка стоит на архиерейском амвоне и молится. Как во время служения Литургии священник читает определенные *тайные молитвы*, так и владыка про себя или в полголоса читает особые тайные молитвы по особой книге — *Чинovníку*.

Перед службой (по другой традиции — в начале службы) иподиакон приносит кувшин и оmyвает руки епископу. Это нужно для того, чтобы владыка совершал богослужение и касался святыни. При омовении рук читается молитва: *«Омою в невинности руки мои и обойду жертвенник Твой, Господи, чтобы возвещать гласом хвалы и поведать все чудеса Твои. Господи! возлюбил я обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей. Не погуби души моей*

с грешниками и жизни моей с кровожадными, у которых в руках злодейство, и которых правая рука полна мздоимства. А я хожу в моей непорочности; избавь меня, и помилуй меня. Моя нога стоит на прямом пути; в собраниях благословлю Господа». Видимое омовение рук символизирует освобождение души от всего постороннего и отвлекающего от молитвы, ибо «приходящим на всесвятнейшее священнодействие подобает очиститься даже от окраинных фантазий души» (св. Дионисий Ареопагит).

В день рукоположения кувшин для омовения рук подносит тот иподиакон, которого посвятят в сан диакона. В этот день ставленики (иподиакон, который станет диаконом, и диакон, которого посвятят во иереи) облачены в белые ризы. Это самый праздничный цвет — цвет Божиего присносущного Света, кроме того, этот цвет напоминает о белоснежной крещальной одежде и об обетах верности Богу, которые все мы, христиане, дали и которые сейчас сугубо подтверждает посвящаемый.

Во время *Малого входа*, во время которого Евангелие выносят через боковые врата алтаря и заносят *Царскими вратами*, владыка впервые входит в алтарь.

В древности Литургия начиналась с этого момента. Как начиналась Литургия во времена, скажем, св. Иоанна Златоуста? Верующие собирались у храма, пели песнопения (прообраз нынешних начальных антифонов Литургии). Затем появлялась колесница епископа. Его встречали радостными возгласами. В это же время из особого помещения, находящегося рядом с храмом, диакон выносил Евангелие.

Священнослужители присоединялись к владыке. Диакон вносил в храм Евангелие, епископ всходил по ступеням храма, проходил по *солее* (дорожке, ведущей в алтарь) и заходил в сам алтарь.

Здесь он садился на *трон*, на *горнем месте*, преподавал всем благословение, и начиналась Литургия.

Сегодня Литургия начинается с Великой ектении, антифонов... Но епископ впервые входит в алтарь, как и в древности, именно в этот момент.

Евангелие внесено в алтарь и положено на *Престоле*. Епископ остается на амвоне и благословляет духовенство и верующих свечами. Затем епископ входит в алтарь. Диакон принимает из его руки трикирий и дает кадило. Епископ кадит весь алтарь. Священнослужители в алтаре медленно поют...

Затем следуют чтения Апостола и Евангелия. Перед началом чтения Апостола с владыки снимают *омофор* — ленту, надеваемую на плечи и символизирующую то, что епископ несет ответственность за души прихожан (вспомним евангельский образ Доброго Пастыря, который берет потерявшуюся овечку на плечи и спасает ее от гибели).

После чтения Священных Писаний и положенных ектений начинается пение *Херувимской песни*.

Прочитав молитву, в которой он просит Бога очистить его всякой нечистоты, соделать достойным приносить молитву, епископ, воздев руки, вслух молится: *«Иже Херувимы тайно образующе, и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение. Яко да Царя всех подыдем, Ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуйя»*.

В переводе на русский язык: *«Мы, таинственно изображающие Херувимов, воспевая творящей жизнь Троице Трисвятую песнь, оставим теперь все житейские заботы. И поднимем Царя мира, невидимо сопровождаемого Ангельскими воинствами. Аллилуйя»*.

Затем все отходят к Жертвеннику. Голову ставленнику во священника покрывают покровом, который называется *воздúх*. Это делается для того, чтобы подчеркнуть, что это еще перед нами служит диакон, а не священник. А функция диакона — помогать при богослужении, носить свечи, сосуды, покровы и проч.

Начинается *Великий вход*.

В древности в это время из особого помещения в храм переносили хлеб и вино для совершения Литургии. Епископ ждал у входа в алтарь и принимал из рук священников и диаконов дискос и чашу.

Сегодня хлеб и вино лишь переносят с Жертвенника на Престол. Но епископ, как и в древности, не участвует в этом перенесении, а принимает священные сосуды из рук духовенства и ставит их на Престол.

Ставленник с головой, покрытой воздухом, стоит внизу, под амвоном.

Епископ принял чашу и произнес формулу поминовения всех служащих и всех молящихся в храме. Затем все входят в алтарь.

Под амвоном остается стоять ставленник, но стоять ему там осталось недолго. Как только чаша и дискос поставлены на Престол, а духовенство зашло в алтарь, за ставленником выходят диаконы. Они идут к собрату, чтобы вести его к владыке.

Наступает та самая минута, когда все существо ставленника трепещет. Через минуту-две ладони святителя накроют ему голову и над ним будут прочитаны *молитвы посвящения*.

И вот этот путь начинается...

Два диакона становятся с обеих сторон собрата. Затем его ведут наверх, через амвон к Царским вратам и у врат диаконы передают ставленника священникам. Теперь он, диакон, уже не из их числа, его принимают будущие братья — священники.

Ставленник падает ниц перед епископом. А затем его трижды обводят вокруг Престола с пением особых песнопений:

«Святии мученицы, иже добре страдавшие и венчашеся, молитесь ко Господу спастися душам нашим».

«Слава Тебе, Христе Боже, апостолов похвало и мучеников веселие, ихже проповедь Троица Единосушная».

«Исаие ликуй, Дева име во чреве, и роди Сына Еммануила, Бога же и человека, Восток имя Ему, Его же величающе, Деву ублажаем».

Все это время владыка сидит на скамейке перед Престолом.

Затем ставленник становится на колени перед престолом. Склонившись у головы ставленника, владыка говорит ему краткие напутственные слова, призывает молиться и напоминает, на какую высоту служения диакон сейчас будет вознесен. Затем владыка кладет на голову посвящаемого руки и молится: **«БОЖЕСТВЕННАЯ БЛАГОДАТЬ, ВСЕГДА НЕМОЩНАЯ ВРАЧУЮЩИ И ОСКУДЕВАЮЩАЯ ВОСПОЛНЯЮЩИ, ПРОРУЧЕСТВУЕТ (имя), БЛАГОГОВЕЙНЕЙШАГО ДИАКОНА ВО ПРЕСВИТЕРА: ПОМОЛИМСЯ УБО О НЕМ, ДА ПРИИДЕТ НА НЕГО БЛАГОДАТЬ ВСЕСВЯТАГО ДУХА».**

«Господи, помилуй», — трижды поют священнослужители в алтаре.

Архиерей трижды благословляет рукополагаемого на главе, полагает руку на его главу и читает две тайные молитвы.

В первой тайной молитве: *«Боже безначальный и безконечный»* архиерей молит Господа сохранить новорукоположенного *«в непорочном жителстве и непреклонной вере».*

Второй молитвой епископ молится:

«Боже великий в силе и неизследный в разуме, дивный в советах паче сынов человеческих, Сам, Господи, и сего, его же благоволил еси на пресвитерский взойти степень, исполни Святаго Твоего Духа дара, да будет достоин предстать непорочно жертвеннику Твоему, вествовати Евангелие Царствия Твоего, священнодействовати слово истины Твоея, приносити Тебе дары и жертвы духовныя, возобновляти люд Твой чрез купель втораго рождения».

Яко и сей, сретив во Втором Пришествии Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Единороднаго Твоего Сына, примет мзду благаго икономства своего чина, во множестве благодати Твоея»...

В этой, второй, молитве начертывается образ пастырского делания: продолжение благаго, благословенного, Богочеловеческого *домостроительства* (с греческого — *икономства*) спасения людей в Церкви, совершаемого благодатью Христовой чрез пастыря.

Здесь указывается и разумеется *пять действований пастыря*:

предстоять Жертвеннику Искупления, имея жизнь свою, как жертву;

проповедовать Евангелие Царствия Божия, утверждать веру в Господа нашего Иисуса Христа как истинного Судию и Спасителя мира;

благовествовать Божественную истину и правду Христову, являть ее применительно ко всем случаям и обстоятельствам жизни;

приносить дары и жертвы духовные: совершать Литургию; приносить бескровную жертву славословия и благодарения за все;

являть миру Божие отцовство (символом этого делания священник носит имя «отца духовного»), крестить водою, Духом Святым и огнем веры во имя Пресвятой Троицы, способствовать рождению людей в новую жизнь, служить их духовному возрастанию.

После прочтения молитв архиерей дает рукополагаемому священнические одежды: *епитрахиль*, *пояс* и *фелонь*, а также *Служебник* как руководство для священнодействия.

Принимая подаваемое, рукополагаемый целует то, что получает, а затем и руку архиерея.

Каждый раз, подавая какую-то одежду, владыка восклицает: *Аксиос!* (в переводе с греч. *Достоин!*)

Народ (а от его лица сегодня хор) подтверждает: «*Аксиос, аксиос, аксиос!*»

Наконец, последняя деталь: владыка надевает на шею ставленника *священнический крест*. На лицевой стороне этого креста изображено Распятие. На другой стороне надпись, которую каждый священник знает наизусть. Это рекомендация апостола Павла, каким должен быть пастырь: «*Образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою*» (1 Тим. 4:12). В переводе на русский язык эти слова звучат так: «*Будь образцом для верных (то есть для всех христиан) в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте*».

Новорукоположенный священник встает рядом с собратями. Ему показывают, какие молитвы (уже священнические) он должен читать. Литургия продолжается своим чином и начинается самая священная часть Литургии — Евхаристический канон. Во время этой части Литургии мы молимся, чтобы благодать Божия сошла на хлеб и вино и Силой Божией претворила их в истинные Тело и Кровь Христовы.

После претворения даров епископ отделяет частицу от Агнца — Святыни Тела Христова и дает эту частицу ставленнику со словами: «*Прими залог сей и сохрани его цел и невредим до последнего твоего издыхания, о немже имаше истязан быти во Второе и Страшное Пришествие Великого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*».

Ставленник встает с правой стороны престола и держит дискос с Частицей Тела Христова. Он думает о том, что теперь его жизнь неразрывно связана со священническим служением. И что Господь Иисус Христос *истязет*, то есть спросит его о том, насколько ревностно тот служил.

(Потом, конечно, эту частицу раздробляют и причащаются ею, а не берут с собой.)

А в это время наступает время посвящения в сан диакона.

Как когда-то диаконы вели к алтарю собрата, который принял благодать священства, так теперь уже иподиаконы ведут своего собрата — иподиакона к алтарю. И того встречают у алтаря диаконы — то есть служители того достоинства, в которое он сейчас будет возведен.

Ставленник во диакона также трижды обходит Престол и трижды падает ниц перед владыкой. Он также преклоняет голову к Престолу и все повторяется.

«БОЖЕСТВЕННАЯ БЛАГОДАТЬ, ВСЕГДА НЕМОЩНАЯ ВРАЧУЮЩИ И ОСКУДЕВАЮЩАЯ ВОСПОЛНЯЮЩИ, ПРОРУЧЕСТВУЕТ (имя), БЛАГОГОВЕЙНЕЙШАГО ИПОДИАКОНА ВО ДИАКОНА: ПОМОЛИМСЯ УБО О НЕМ, ДА ПРИИДЕТ НА НЕГО БЛАГОДАТЬ ВСЕСВЯТАГО ДУХА».

И читаются молитвы, в которых епископ просит Бога даровать диакону проходить непорочно и достойно свое высокое служение.

Затем рукоположенного диакона выводят лицом к народу в Царские врата и вручают ему знаки диаконского служения:

орарь — ленту, надеваемую на левое плечо;

поручи, символизирующие то, что теперь руками диакона будет управлять и действовать Сам Бог;

рипиду — специальное опахало, применявшееся на Востоке для того, чтобы на Тело и Кровь Христову не сели насекомые.

Новопосвященный диакон встает перед Дарами, покоящимися на престоле, и тихо веет.

Затем священнослужители причащаются.

После владыки первым причащается главный из присутствующих священник. А за ним ставленник, новорукоположенный священник.

После причастия верующих новорукоположенный диакон выходит на первую в своей жизни ектению. Часто бы-

вает, что вместе с ним выходит старший диакон, который помогает молодому, подсказывает, показывает.

«...Прости примише Божественных, Святых, Пречистых, Безсмертных, Небесных и Животворящих, Страшных Христовых Таин, достойно благодарим Господа».

«Прости примише» значит — Станем благоговеино приняв...

Хор: *«Господи, помилуй».*

«Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию».

Хор: *«Господи, помилуй».*

«День весь совершен, свят, мирен и безгрешен испросившее, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим (русский перевод: Испросив дня совершенного, святого, мирного и безгрешного, самого себя и друг друга и всю жизнь нашу Христу Богу предадим)».

Хор: *«Тебе, Господи».*

А новорукоположенный священник читает первую в своей жизни священническую молитву — *Заамвонную*.

Вот ее русский перевод: *«Господи, благословляющий благословляющих Тебя и освящающий на Тебя полагающихся. Спаси народ Твой и благослови наследие Твое, в полноте Церковь Твою сохрани, любящих красоту храма Твоего освяти. Ты же прославь их божественной Твоей силой и не оставь нас, надеющихся на Тебя. Даруй мир Твоему миру, церквям твоим, священникам, воинам и всем людям Твоим. Ибо всякое доброе даяние и всякий совершенный дар нисходит свыше, от Тебя, Творца светил, и потому мы воссылаем Тебе славу, благодарение и поклонение, Отцу, Сыну и Святому Духу, ныне и всегда и во веки веков».*

«Заамвонная молитва запечатывает (закрывает) все молитвы, она достойна называться первой и почетнейшей из эпилогов. Святая Литургия служит главным образом для тех, кто приносит эту службу, и для тех, за кого ее приносят; эта же молитва наверстывает упущенное и для

всех остальных... Потому святые отцы составили эту молитву так, что в ней обобщается все, о чем просили в остальных [молитвах]» (святитель Николай Андидский XI в.).

Служба заканчивается.

Впереди у рукоположенных ставленников особое время. Они попадают на практику в какой-нибудь храм епархии с устоявшимися традициями, крепким клиром. Длится это время 40 дней. В это время ставленник изучает все премудрости своего служения. Священники совершают Литургию, впервые крестят, венчают, отпевают...

А потом молодых батюшек и диаконов направляют в их храм на постоянное служение.

Глава 4

ТАИНСТВО ЕВХАРИСТИИ

Богословие Таинства

Таинство Евхаристии получило свое бытие в Церкви в тот момент, когда Господь Иисус Христос на Тайной вечере, преломив хлеб, преподал его и чашу с вином Своим ученикам и сказал: «*Сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание*» (Лк. 22:19), а также «*Сия чаша есть Новый Завет в Моей Крови, которая за вас проливается*» (Лк. 22:20). С тех пор, после страданий и крестной смерти Спасителя ученики стали собираться вместе и творить Евхаристию, преломляя и вкушая хлеб вместе с вином в память о спасительных страданиях, смерти и воскресении Христа. Изначально люди причащались в общинах на *Вечерях любви*, или *Аганах*, но в скором времени из-за того, что многие начали на таких собраниях объедаться, «*не рассуждая о Теле Господнем*» (1 Кор. 11:29), Евхаристия переместилась в храмовое пространство и утвердилась как Божественная Литургия.

Еще нескоро появятся догматы, Священное Писание Нового Завета, каноны и правила, но Таинство Евхаристии с самых первых дней послужило для Церкви верным и прочным основанием единения всех верных. Именно Евхаристия делала и делает собрание верующих Церковью. Поэтому, прежде всего, Причащение является Таинством Собрания.

«*Вы — Тело Христово, а порознь — члены*» (1 Кор. 12:27), говорит апостол Павел. В этом и заключается тайна Церкви: мы во Христе, а Христос в нас. И это мистическое единение происходит в евхаристическом *собрании*. В древние времена, если человек не причащался без причины, он отсекался от единства Тела Христова, автоматически отлу-

чал сам себя от Церкви. Как пишет отец Александр Шмеман: «собранная в Евхаристии Церковь, даже если она ограничена “двумя или тремя”, есть образ и осуществление Тела Христова, и только потому собранные смогут причаститься, то есть быть общниками Тела и Крови Христовых, что они являют Его своим собранием».

Евхаристия — это не просто воспоминание, не повторение событий прошлого, как считают некоторые христианские деноминации, а прямое продолжение Тайной вечери. Когда священнослужитель, будь то пресвитер или епископ, произносит установительные слова, через него говорит Сам Христос, общаясь с людьми. Вся Евхаристия — преемственна. Евхаристические хлеб и вино, которые верующие вкушают во время Причащения, являются тем же хлебом и тем же вином, которые Господь освятил во время Тайной Вечери. Таким образом, преломление хлеба, совершенное незадолго до спасительных страданий Господа, каждый день актуализируется в храмах, где служится Божественная Литургия.

Вместе с этим Евхаристию можно назвать также, по словам о. Александра Шмемана, Таинством царства и входа, Таинством слова и верных, приношения и единства, благодарения и воспоминания, Святого Духа и причастия. Являясь центром, как сказал архимандрит Киприан (Керн), «нервом христианской жизни», Таинство Причащения охватывает все аспекты и все чаяния христианской жизни. Оно вмещает в себя все основы богословия Христианства. Перед началом Литургии мы благословляем Царство Божие, признаем его высшей ценностью, провозглашаем Господа своим Царем и Богом, и незадолго до Причащения мы просим это Царство прийти. Мы вспоминаем и совершаем приношение, жертву, совершенные Христом по великой любви за нас. Мы благодарим Бога за все благодеяния, за тот дар, который Он преподнес всему человечеству на Кресте, и призываем Святого Духа на

Церковь и святые дары, Который все освящает и притворяет Царствие Божие.

Приобщаясь к Хлебу Небесному, к Трапезе Господней, жизнь христианина, не только душевно, но и во плоти, делается жизнью Христа, и Его жизнь делается жизнью причащающегося. Происходит бытийственное изменение всего человеческого естества, и оно глубоко укоренено в самой тайне Боговоплощения. Божественное истощение, воплощение Сына Божия — великое Таинство нашего спасения, которое раскрывается через Евхаристию. В ней мы не только общаемся с Богом, но Сам Бог входит внутрь нашего естества. Причем не символично или духовно, а абсолютно реально.

Это соединение со Христом, вселение благодати Всесвятого Духа, общение с Отцом, а через Него и со всеми людьми приносят человеку плод. Плод новой жизни. Человек приступает к чаше с надеждой измениться и исцелиться, и его чаяния оправдываются сполна. В этот момент ему подается все, чтобы преодолеть пороки и страсти.

Евхаристия — это величайшее благодарение Церкви и всей земли. В ней мы приносим Богу любовь от своего открытого сердца. Веря Богу, Его Любви, радуясь ей, мы получаем от Него не только то, что Он может нам дать, но также и то, чем Он Сам является. Мы получаем участие в Его жизни, природе, вечности, в Божественной Любви. Принимая все эти дары с совершенной благодарностью и радостью, мы подлинно участвуем в Таинстве Причащения.

Во время Литургии совершается жертва *«о всех и за вся»*. Она — уникальна, охватывает все разрозненные части нашей вселенной, включает в себя воспоминание о творении мира, искуплении человечества, Кресте и Воскресении, Вознесении и грядущем Втором Пришествии. В ней Жертва — Первосвященник, Приносящий и Приносимый. Евхаристия приобщает человека к Голгофе. Через нее мы усвоим плоды Крестной жертвы. Поэтому в молитве после

освящения святых Даров говорится о том, что эта Великая Жертва приносится за спасение всех живых и умерших.

Наконец, Евхаристия есть залог будущего воскресения. Христос сказал, что *«ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день»* (Ин. 6:54). Зерно, упавшее в землю, истлевает и затем из него вырастает колос. Таким образом и тело человека, насыщенное нетленными Телом и Кровью Господа Иисуса Христа, погребенное после смерти в землю, будет изведено из нее Богом в жизнь вечную. Во многих творениях святых отцов грех равен смерти, а Евхаристия — бессмертию. Если смерть в мир вошла через первородный грех — вкушение Адамом и Евой плодов от дерева познания, то бессмертие приходит через вкушение Тела и Крови. Если плоды дерева стали залогом смерти, то дары Евхаристии стали залогом истинной жизни. Через приобщение человек оказывается неподвластным смерти и становится наследником воскресения.

Описание чинопоследования Божественной Литургии

Продолжим разговор об очень важном Таинстве — Евхаристии. Таинстве, без которого невозможна духовная жизнь и возрастание во Христе. Оставив в стороне многие другие важные и интересные аспекты данной темы, сосредоточимся теперь на чинопоследовании церковной службы, называемой у нас Божественной Литургией, центром которой как раз и является Евхаристия.

Раннее утро. Я очень люблю это время. Город еще только пробуждается, заспанные люди спешат на работу, идешь в храм и ты. Для того, чтобы от имени всех этих людей (кроме тех, кто враждует против веры) вознести Богу молитву. Молитву благодарности за Его милости, ежечасно на нас изливаемые. Молитву просительную, о том, чтобы Господь не оставлял нас, помогал, наставлял, сохранял...

Не будем недооценивать силу молитвы. Некоторым подвижникам Бог открыл, что мир еще не погублен сатаной, не полностью обезумел и развратился, потому что его держит наша молитва.

Высшей из молитв является Божественная Литургия. Она требует от священника полной мобилизации и собранности всех сил и чувств, он, как воин, выходящий на брань, облачается во все священнические облачения — духовные доспехи.

Утром, за час до службы храм еще практически пуст. Кто-то до работы забежит поставить свечку, кто-то зайдет помолиться перед чтимой иконой, а мы, священнослужители и церковнослужители, уже в полной готовности, мы в алтаре готовимся к богослужению.

Прежде всего это значит приготовить просфоры, вино, записки, облачения... Затем нужно разжечь кадило, затеплить лампы.

Когда приготовления закончены, а диакон расставил на Жертвеннике, специальном столе в левой части алтаря, священные сосуды, священник и диакон выходят перед Царские врата для чтения особых молитв. Называются они Входными, потому что в этих молитвах священник испрашивает у Господа разрешения войти в алтарь и приступить к совершению службы.

Прочитав молитвы, священнослужители прикладываются к иконам Спасителя и Божией Матери на иконостасе. Священник читает особую молитву: *«Господи, Боже наш! Прости руку Твою из Святого жилища Своего и дай мне силу на предстоящее служение Тебе. Чтобы без осуждения представ перед страшным Твоим Алтарем, совершил я священное приношение бескровной Жертвы...»*

Вот они приложились к иконам, поклонились друг другу, повернулись лицом к храму и поклонились всем в храме: *«Простите мя, братья и сестры»*.

Простите? Зачем?.. Разве выпал из нашей памяти тот важный момент, что, приступая к Божественной Литургии,

нужно быть со всеми примиренным? Христос заветал: *«Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой»* (Мф. 5:23–24). Митрополит Антоний Сурожский рассказывал, что когда-то, когда он начинал свое служение, он имел на одного человека сильную обиду. И вот он приходил за несколько часов до богослужения и со слезами молился, прося, чтобы Бог растопил его сердце, изгнал отсюда неприязнь и позволил бы ему совершать Божественную службу. Естественно, что любой священнослужитель, собирающийся совершать Литургию, не должен иметь злобы или неприязни. По опыту общения с братьями-священнослужителями скажу, что так практически всегда и бывает. Если сердце не мирно, то боишься приступить к Таинству и молишься, и просишь Бога даровать покой и силу примириться с обидевшими.

Но зачем священник просит прощения у прихожан?

Опыт показывает, что все мы, даже и духовные лица, можем кого-то невольно обидеть. Понятно, что человек, имеющий верное представление о христианской жизни, испытав обиду, например, на священнослужителя, тут же, в ближайший день-два разрешит свое недоумение. Может быть, поймет свою неправоту, а может, и подойдет к священнику на несколько слов и искренне расскажет о том, что огорчен каким-то словом или действием священника. Но не все прихожане — люди со зрелым христианским сознанием. Нередко прихожане, обидевшись на священника, начинают его избегать, с кем-то сплетничают о батюшке... Древний обряд испрашивать прощения перед службой говорит о том, что священник в любом случае всем открывает свое сердце и объятия отчая.

Затем священник и диакон идут в алтарь и облачаются в священные одежды.

...В известном американском фильме «Троя» есть очень выразительный момент: один из главных героев — Гектор облачается перед смертельным боем. Он надевает кольчугу, зашнуровывает нарукавники... Ничего лишнего... Ничто не должно сковывать его движения, все должно быть на своем месте. На моменте облачения воина режиссер делает акцент. Потому что это не нечто маловажное. От того, как одет воин, в каком-то смысле зависит исход боя.

Что-то подобное происходит в алтаре перед Божественной Литургией. Священнослужители облачаются в священные одежды. Не одеваются, а именно *облачаются*.

Диакон, облачаясь, испрашивает на то благословения священника, священник благословляет одежды себе сам.

Для совершения Литургии священнослужители надевают *полное* облачение.

Для священника это: *стихарь, епитрахиль, пояс, поручи, палица, фелонь*.

Надевая на себя священные ризы, священник произносит соответствующие молитвы. Например, на стихарь читается: *«Возвеселится душа моя о Господе, Который облек меня в ризу спасения и одел меня одеждою правды. Как на жениха возложил на меня венец и, как невесту, украсил убранством»*.

Стихарь — напоминает о белоснежной крещальной одежде, в которую были облачены в день крещения все христиане. Само греческое слово «стихарь» имеет корнем слово *стих*, что указывает на прямой, как стих, как строка, покрой одежды. Такой же прямой и цельной должна быть и жизнь христианина.

Епитрахиль — лента, состоящая из двух частей (как и два естества Христова — Божественное и человеческое). Перекинутая через шею, эта лента символизирует, что священник выступает от имени Христова — его священство — от священства Самого Христа. Согласитесь, великая честь! Но и великий подвиг... По мысли древних святых толкова-

телей Литургии, епитрахиль, символизируя благодать Христову, даруемую священнику, одновременно символизирует и веревку, которой был связан Спаситель, когда его влекли за шею на смерть. Как Христос отдал жизнь за людей, так же и священник должен не щадить своих сил, но отдавать их для вразумления, исправления, спасения людей.

Пояс — необходим для того, чтобы ничто не сковывало движений, это символ готовности к борьбе. (В древности пояс был отличительной деталью военного костюма, в отличие от светского.)

Поручи — знак того, что Таинство совершают не руки грешного человека, а руки Самого Христа.

Фелонь — это одежда Царства Небесного, символ славы, в которую облечется верующий, если будет верным Богу. Совершая Евхаристию, мы уже прикасаемся к грядущему, предощаем его и ту славу, которой облачит Бог праведников.

Поверх фелони священник надевает *наперсный* (потому что «на персях», то есть на груди) *крест*. У заслуженных священников это крест из благородных металлов, украшенный драгоценными или полудрагоценными камнями.

Все имеет значение и глубокий символический смысл. Даже вышивка на облачении, по мысли св. Германа Константинопольского (VIII в.), представляет узы, которыми был связан Спаситель, и кровь, которая текла из Его ран.

Получив благословение священника, облачается диакон. Диакон облачается в стихарь, на руки надевает поручи, на левое плечо возлагает орарь.

Орарь — отличительный знак диаконского служения. Во время Литургии диакон изображает собою ангела. Он наполняет храм благоуханным кадильным дымом, призывает народ к молитве, помогает священнику за богослужением. Орарь, таким образом, является как бы Ангельским крылом. Слово «орарь» имеет греческое происхождение и происходит от слова *ора*, что значит *время, час, срок*. Диакон, воздевая орарь, дает указание верующим, когда нужно молиться.

После облачения священнослужители омывают руки и отходят к жертвеннику, столу, находящемуся в дальнем левом углу алтаря. На жертвеннике расставлены *богослужebные сосуды*, лежат просфоры.

Поклонившись перед жертвенником, священник целует богослужebные священные сосуды.

Богослужebные сосуды таковы:

чаша (или *потир*);

дискос;

звездица;

копие;

лжица.

И далее священник начинает *Проскомидию*. Это слово в переводе с греческого означает «приношение». Так называется эта часть службы потому, что в древности верующие сами приносили хлеб и вино для совершения Таинства Евхаристии.

Из просфор, лежащих на Жертвеннике, особенно выделяется одна, большая. Она называется *Агничная*. Именно из этой просфоры священник вырезает *Агнец* — прямоугольную частицу, которая во время Литургии станет Телом Христовым.

Мы аккуратно отрезаем боковые части просфоры (мелко порезанные, эти части будут раздаваться верующим как *антидор*), отрезаем подрумяненный низ просфоры и у нас получается частица с изображением креста и надписью: ИС-ХР — НИ-КА, что в переводе с греческого значит: Иисус Христос — Победитель.

Вырезанная частица — Агнец, кладется на специальное блюдо на высокой ножке — *дискос*. Дискос, с выгравированным на нем изображением Вифлеемского вертепа и сцены Рождества, напоминает, что Евхаристия не просто старинный красивый обряд, но Таинство, вновь и вновь, день за днем актуализирующее для нас Тайну Боговоплощения.

Рядом с дискосом на жертвеннике стоит чаша (или, по-гречески, *потир*). В обычные дни используется чаша среднего размера, но в воскресные и праздничные дни освящение Крови Христовой совершается в одной чаше (большой), а потом для того, чтобы могли причащать несколько священников, Святые Дары разливаются по небольшим чашам.

Когда Агнец из просфоры вырезан, в чашу вливается вино с небольшим количеством воды... На символическом языке это обозначает то, что во Христе были соединены Божественное и человеческое измерения.

Пока это — холодная вода. Непосредственно перед Причащением мы возьмем в Чашу кипяток, который смешается с Кровью Христовой и сделает Ее теплой.

Он означает, что во Христе всегда (даже когда Он умер) присутствовало Бессмертное Божество.

Итак, Агнец положен на дискос. Вырезание (или по-славянски — *изъятие*) из просфоры Агнца символически означает Рождение Христа.

Затем из небольших просфор мы вынимаем частицы в память Богоматери и святых.

Конечно, за Божию Матерь и святых мы не молимся, молимся лишь за простых людей. В таком случае зачем вынимать частицы в их память? А делается это потому, что Литургия есть Таинство, объемлющее и землю, и небо. И наше поминание святых означает приглашение им участвовать в сей великолепной и духоносной службе!

После того, как из просфор вынуты частицы в честь Божией Матери и святых, священник вынимает частицы за всех людей, за кого просили помолиться (подали записки), за живых и усопших.

Вынутые частицы помещаются на дискосе, возле Агнца. В конце Литургии частицы, вынутые в память наших близких, опустят в чашу со словами: «*Отмый, Господи, грехи поминавшихся здесь Пречистой Твоею Кровью, молитвами всех святых*».

Просфорные частицы, напитываясь Животворящей Кровью Христовой, освящаются, и это освящение передается душам людей, за которых они принесены.

Какие мистические процессы происходят в судьбе живых, когда за них молятся на Литургии? Никакого систематического учения об этом мы создать не сможем, это тайна. Однако несомненно, что молитва за живых на Литургии несомненным образом оказывает влияние на их жизнь.

Многие люди свидетельствовали о чудесах, которые происходили в их судьбе, когда за них молились на Литургии.

Чувствуют ли что-то усопшие, о которых мы молимся за Литургией, о которых вынимаем частицы? Церковное Предание подтверждает, что это, несомненно, так. У блаженного Августина читаем: «Когда жертвы на Алтаре ...об усопших приносятся, то за весьма добрых бывают благодарением Богу, о не весьма злых служат очищением их грехов, за весьма же злых хотя никакой не приносят пользы мертвым, но составляют утешение для живых. Польза же жертв (то есть поминания на Проскомидии. — *Прот. К.П.*) состоит или в совершенном очищении грехов, или в облегчении осуждения».

Частично соглашаясь со св. Августином, Церковь идет дальше богомудрого отца. Даже великим грешникам бывает облегчение от мук их, когда за них молятся, когда живые протягивают им руку любви!

Замечательный мистик и богослов XIV столетия св. Николай Кавасила много говорит о важности поминания усопших за Литургией. Для них это такое же полноценное участие в таинстве, как и для нас. Что ж из того, спрашивает св. Николай, что усопшие не имеют ног или рта и не могут причащаться осязаемо, как живые? «От чего же зависит освящение наше, о того ли, что мы имеем тело, что приходим ногами к Евхаристии, что берем руками Святые Дары, что принимаем их устами, что едим и пьем? Нет, ибо многие, у которых все это было и которые таким образом

приступали к таинствам, не получили от того никакой пользы и отошли, подвергшись большему злу (то есть осуждению. — *Прот. К.П.*)». И далее святой отец спрашивает: «Так что же бывает причиной освящения для освящаемых? И чего требует от нас Христос? Это чистота души, любовь к Богу, вера, желание Таинства, ревность к причащению, горячее усердие и то, чтобы мы приходили с жаждою». Но, как мы знаем, это все принадлежит не телу, но душе. И значит, душа, разлучившаяся с телом, также может воспринимать Святое Таинство. «Посему, — пишет св. Николай, — если души имеют готовность и расположенность к Таинству, а Господь, который освятил и совершил его, всегда желает освящать и хочет всякий раз преподавать самого Себя; то что может воспрепятствовать приобщению? Очевидно, ничто. ...Посему нет ничего необыкновенного в том, что Христос отрешившимся от тела душам, которых не мог обвинить ни в одном из подобных недостатков, преподает эту трапезу. Необыкновенно и чудно то, что человек тленный ест Тело нетленное. А что душа — существо бессмертное — приобщается соответственнейшим ей образом того, что бессмертно, — что в этом удивительного?»

Закончив поминание, священник берет из рук диакона кадило и произносит молитву: «*Фимиам* (то есть благовонное вещество) *Тебе приносим Христе Боже наш, как благоухание наших душ. Приими его на небесный Твой жертвенник, и ниспошли нам благодать Всесвятого Твоего Духа*». Интересно, какое значение усваивается этому обряду каждения приготовленных к Литургии хлеба и вина византийскими богословами. Сам благоуханный *кадильный дым*, как мы знаем, символизирует присутствие Святого Духа. Каждение даров перед Литургией является знаком присутствия Духа в силе и действии, которые сейчас, когда начнется Литургия, будут проявляться изобильнейшим образом.

Затем священник покрывает дискос с частицами и чашу специальными пеленами.

Совершив все эти обряды, священник отходит от Жертвенника к Престолу. Он готовится начать Литургию.

В то время, когда в алтаре священник совершает Проскомидию, перед самой Божественной Литургией, чтец на *клиросе*, т.е. на возвышенной площадке перед алтарем, читает *часы*. *Часами* называется небольшое молитвенное последование, состоящее из псалмов, тропарей и некоторых молитв. Еще в Иерусалимском Храме, в ветхозаветные времена четыре раза в день через равные промежутки времени Богу воссылалась молитва. Таким образом, Богу посвящалось как бы само течение времени жизни человеческой. В Новом Завете эта практика не исчезает, но переосмысливается и дополняется. Для нас регулярное ежедневное воспоминание о Боге связывается с воспоминанием самого великого и прекрасного, о чем можно помыслить: с пришествием в мир Господа и Спасителя Иисуса Христа, Его искупительной смертью и дарованием верующим во Христа благодати Святого Духа.

Существуют службы *первого, третьего, шестого и девятого часов*. Перед Божественной Литургией совершаются третий и шестой часы.

На службе *третьего часа* мы вспоминаем событие сошествия Святого Духа на апостолов на пятидесятый день после Воскресения Христова.

В молитве этого часа мы молимся: «*Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый, Того, Благой, не отъими от нас, но обнови нас молящихся Тебе*» в русском переводе: «*Господи, в третий час (по нашему исчислению в 9 утра) пославший апостолам Пресвятой Твой Дух, не отними Его, Благой, и от нас. И освяти и очисти нас, Тебе молящихся*».

Именно с сошествия Святого Духа на апостолов начался путь Церкви в истории. Сегодня Церковь тоже существует в истории, все мы живем в конкретное время. И мы

так же, как и апостолы два тысячелетия назад, нуждаемся в укреплении нас и наполнении Духом Святым.

Шестой час посвящен воспоминанию шествия Христа на Голгофу и Его распятия (Лк. 23:26–38).

После того как дискос с Агнцем и чаша с вином покрыты, диакон, испросив благословение священника, совершает каждение всего храма.

Начинает он его в алтаре. Кадит Престол, Жертвенник, Горнее место, иконы алтаря, священнослужителей и всех находящихся в алтаре. Выходит и кадит иконостас, хоры. Спускается и обходит, совершая каждение, весь храм, причем сперва кадит иконы, затем поворачивается и, кланяясь, кадит людей.

Это очень интересный и древний обычай.

На античном Востоке, в богатых домах окуривание благоговениями приходящих гостей относилось к ритуалу приветствия. Оттуда этот обычай пришел и в христианские собрания. Диакон, покадив Алтарь, приготовленные дары и иконы, обходит весь храм и кадит верующим, выражая почтение христианам, гостям Господа, сошедшимся на Небесную трапезу.

Чтец заканчивает читать Часы. В храме устанавливается совершенная тишина.

В алтаре перед Престолом поклоняются все служители Божественного Таинства. Призывая прийти сейчас благодати Духа Святого, предстоящий священник, воздев руки, молится: *«Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны и спаси Блаже, души наша»*. Затем, воспевая пришествие Спасителя, подобно ангелам, присутствовавшим при Рождестве Христовом, священник произносит: *«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»*, что переводится как: *«Слава в вышних Богу и на земле мир людям Его благоволения»*.

И, прося укрепить его уста в произнесении страшных и ответственных слов Литургии: *«Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою»*.

Диакон преклоняет голову и, держа орарь в руке, испрашивает благословение священника: *«Время сотворити Господеви, Владыко благослови»*.

Священник благословляет диакона...

Божественная литургия начинается возгласом: *«Благословенно Царство Отца и Сына, и Святаго Духа...»*

С возвещения Царства, с благовествования о том, что Царство Божие к нам приблизилось, начинается проповедь Спасителя. *«Пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царства Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте во Евангелие»* (Мк. 1:14–15).

Царство Божие — это правление Божие. Сатана, названный в Евангелии *князем, царем* нашего мира, — грустная реальность, — установил свою власть, власть греха. Жизнь нашего мира есть рабство греху, люди находятся под гнетом, они поработены греху. В нашем мире так мало подлинной радости и света, все поражено, как раковой опухолью, метастазами греха в разных проявлениях.

Принять Бога как царя мира значит встать на Его сторону, бороться вместе с Ним за освобождение мира от бесовского гнета.

Таким *воином Божиим* должен быть всякий христианин. Если человек живет по-христиански, маленькую территорию его жизни диавол покидает. Если по-христиански будет жить общество, сатана изгонится из всех сфер жизни. Опыт показывает, что это чрезвычайно трудно. Подлинно праведных и святых людей слишком мало, в нас, хоть мы и христиане и стараемся жить по вере, еще происходит борьба с тьмой, победа над диаволом еще не одержана. Но это не значит, что все безнадежно. Не сразу, но победа совершится, нужно только идти вперед.

Христос сравнивал энергию Царства Божиего с силой, которая содержится в *закваске*, которой хозяйка заквашивает тесто, или с *семенем*, которое находится в постоянной динамике роста, развития.

Вот так и та благодать Царства, которая была вложена в нас в момент нашего крещения, в момент, когда мы стали христианами. Начинается долгий и нелегкий путь. Царство это должно стать самым главным ориентиром, его стяжание — вектором нашей жизни. «*Наипаче (то есть больше всего! прежде всего! — Прот. К.П.) ищите Царствия Божия*» (Лк. 12:31). Каждый день мы молим Бога осуществить в нашем мире Его Царство, вспомните хотя бы молитву Господню: «*Отче наш ... да приидет Царствие Твое*».

Каждый из нас старается жить в воле Божией, мы трудимся, каждый на своем месте, приводя мир и людей к Богу. Все вместе, христиане, мы приближаем окончательное наступление Царства во всем мироздании. Но пока Царство Божие не наступило и не стало всеохватной реальностью бытия мира, мы провозглашаем его, утверждаем и объявляем: «*Благословенно Царство Отца и Сына, и Святаго Духа...*»

Начинается Литургия. Священник стоит лицом к престолу, диакон выходит на специальную площадку перед алтарем — *солею: Миром Господу помолимся...*

Так начинается *мирная ектения* — протяжное моление (так дословно переводится слово «ектения») о нуждах Церкви, о всех и за вся.

Ектения — очень важная часть богослужения. С самых первых веков Христианства верующие за богослужением много раз восклицали: «*Господи, помилуй!*» Чтобы помочь малообразованным христианам выразить свои мысли, чувства, были составлены прошения. Вот эти прошения — целый их список — и возглашал священник (или диакон) за службой, а народ отвечал: «*Господи, помилуй!*»

Так возникли ектении, которых сегодня существует множество.

Ектения произносится так: Диакон стоит лицом к алтарю, впереди всех, на возвышенной площадке перед Царскими вратами — амвоне. Он воздевает руку с орарем (лентой, которую носит на левом плече) и призывает к молитве.

Первая ектения Литургии, на которую невозможно не обратить внимание. Но о чем она? Какие-то древние понятия, далекие от нас реалии...

Несколько слов об этой, первой ектении Литургии:

«*Миром Господу помолимся!*» — призывает нас к молитве диакон...

Много раз за Литургией священник желает прихожанам «мира»: «*Мир всем!*»; диакон многократно призывает молиться об этом же: «*Паки и паки, миром Господу помолимся...*» Вот и первая ектения, которой открывается богослужение, начинается с этих слов. Что это за «мир»?..

Покойное состояние души. Покойное оттого, что ты знаешь: ты — в Руке Божией и храним Им. Без воли Божией с твоей головы не упадет даже волос! Об этом мире, который навсегда останется с учениками Христовыми, несмотря на то, что Господь видимым образом не будет с ними присутствовать, говорил Спаситель незадолго до смерти: «*Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не уstrasается*» (Ин 14:27).

Чтобы мы помнили, откуда мир, Кто его дает, диакон и напоминает во втором прошении первой ектении:

«*О Свьшнем мире и спасении душ наших Господу помолимся*».

Свьшний, то есть «сходящий с Неба, от Бога».

От лица верующих на каждое прошение хор отвечает: «*Господи, помилуй*». «Помилуй» — это не просто «защити, сохрани» или что-то подобное. Греческое «елейсон» (прошение *Господи, помилуй* по-гречески звучит как *Кирие, елейсон*) имеет основой слово «елей», то есть масло.

«Елейсон» значит дословно: возлей елей на раны, исцели, врачуй...

Но вернемся к первой ектении Литургии: *«О мире всего мира, благостоянии Святых Божиих Церквей и соединении всех Господу помолимся».*

Это прошение более сложное, чем кажется на первый взгляд. Его мысль — послушание творения Богу и стремление к единству с Ним. Состоит это прошение из трех маленьких частей, каждая из которых имеет свой смысл:

«О мире всего мира...» Под всем миром следует разуметь все творение — полноту мироздания Небесного (ангелы) и земного (человек и вселенная). Какого мира мы ему желаем? Мира с Богом.

«...благостоянии Святых Божиих Церквей...» Мы просим Бога сохранить в истине и послушании Богу (у нас это выражено как стояние во благе («благостоянии»)) все Православные Поместные Церкви.

«...и соединении всех...» Более точный перевод — о единении, единстве всех. Что это значит? Не о соединении ли с иноверными или с теми, с кем мы в ссоре, молимся мы? Нет, по смыслу слов, употребленных в греческом оригинале, мы молимся о примирении творения с Богом. Мы молим Владыку мира, чтобы Ему были послушны — едины с Ним, все существа в мире Небесном и в мире земном. Но как же слова о том, что примирение это уже произошло: *«Бог во Христе примирил с Собою мир»* (2 Кор. 5:19)?.. Во-первых, не все творение покорилось благодати, многие люди еще и сегодня живут без Бога; во-вторых, своей молитвой мы просим Бога поддержать то единство, которое уже осуществилось. Чтобы ни сатана, ни злая человеческая воля, ни что-то еще этого единства с Богом не нарушали.

Краткая ектения, но какая глубина смысла, какие значения, которые можно открывать и продумывать всю жизнь!

Но вернемся к первой ектенье: от глобальных прошений — о судьбе мира и всех Церквей мира — мы переходим к частным молениям о нуждах общины, прихода.

«О святем храме сем и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в онь, Господу помолимся.

О великом Господине и Отце нашем Святейшем Патриархе Кирилле и о Господине нашем, Преосвященнейшем (имя и титул епархиального Архиерея), честнем пресвитерстве, во Христе диаконстве, о всем причте и людех, Господу помолимся.

О Богохранимей стране нашей, властех и воинстве ея, Господу помолимся.

(Христианин живет в конкретной стране в конкретное время. И он молится о своей стране, о властях и воинах. Если к власти приходит узурпатор, гонитель истины и закона, то вторая часть прошения может опускаться.)

О граде сем, всяком граде, стране и верою живущих в них, Господу помолимся.

О благорастворении воздушов, о изобилии плодов земных и временех мирных, Господу помолимся».

Не только глобальные нужды Церкви, государства, общества в фокусе молитвенной заботы составителей Литургии. Это и каждый человек, с его конкретными нуждами. От хорошей погоды зависит урожай, а это, особенно в древности, — средство к существованию. Поэтому, уже начиная Литургию, мы просим Бога, чтобы Он послал миру хорошую погоду, изобилие земных плодов, мир на земле.

«О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их, Господу помолимся».

И здесь же — нужды разных членов Церкви. Кто-то трудится на корабле (особенно опасное занятие в древности), кто-то отправляется в путешествие, кто-то не может прийти на службу, потому что болеет, а кто-то — в плену или в заключении. Когда мы говорим о плененных, следует

помнить, что здесь имеются в виду не уголовные преступники, в нашем понимании, а невинно осужденные люди. Это прошение ектении было составлено во времена Византийской империи. Христиан тогда похищали и продавали в рабство мусульмане или язычники (кстати, этим промышляли и древние славяне).

«О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды, Господу помолимся».

«Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас Боже, Твоею благодатию».

«Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувшие, сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим».

Литургия начинается с пения антифонов, особых песней, состоящих из фрагментов псалмов и Блаженств Евангельских. После каждого антифона (всего их три) диакон произносит краткую ектению.

В древности антифоны пелись медленно и долго, да еще и Литургия служилась ранним утром, поэтому прихожане начинали клевать носом. Вот диакон *малой ектенией* их и будил, бодрил.

Затем диакон входит в алтарь, и совершается Малый вход.

Священник дает диакону с Престола Св. Евангелие — богато украшенный фолиант, и диакон в предшестве *свещеносцев* идет из алтаря на амвон — площадку перед Царскими вратами. Следом идет священник, который про себя или вполголоса читает молитву: *«Владыко Господи, Боже наш, установивший на Небесах чины и воинства Ангелов и Архангелов... Да войдут вместе с нами святые Твои Ангелы, чтобы служить вместе с нами и славословить Твою благодать».*

Священнослужители выходят на амвон. Диакон, встав боком к Царским вратам и показывая орарем на восток, об-

ращается к священнику: «*Благослови, владыко, святой вход*».

Священник, стоя лицом к алтарю и благословляя пространство перед собою:

«*Благословен вход святых Твоих, всегда, ныне и присно, и во веки веков*».

Диакон дает священнику поцеловать Евангелие и обращается лицом на восток: «*Премудрость, прости*», — возглашает он, крестообразно осеня Евангелием вход в алтарь, и входит туда.

Священник входит за диаконом в алтарь, но сначала целует маленькие иконы Спасителя и Божией Матери, висящие по бокам от Царских врат (или на Вратах). Поцеловав икону Спасителя, священник поворачивается к свещеносцу и благословляет его, давая позволение и ему войти в алтарь. Потом прикладывается к иконе Богородицы.

Молящиеся в храме часто принимают это благословение священника на свой счет и кланяются, но это неправильно. Это не преподание мира молящимся, а благословение свещеносцев.

После входа в алтарь поются *тропари* и *кондаки* (молитвенные песнопения конкретного праздника или памяти святого) настоящего дня.

В древности Малый вход был торжественным моментом внесения Евангелия в храм (само Евангелие хранилось в особом помещении вне храма). Но к XIV веку Евангелие стали хранить на Престоле. Малый вход совершенно потерял функциональное значение и стал символической процессией, во время которой священник и диакон выходят из алтаря боковой дверью и входят в него Царскими вратами. Церковные писатели позднего времени, желая объяснить это исхождение из алтаря и обратное вхождение, осмыслили процессию Входа как выход Христа на проповедь.

Однако необязательно для оправдания Входа употреблять именно это символическое толкование. Уже то, что

в Церкви сохранился этот чин, говорит о том, что Вход с Евангелием не противоречит ритму и смыслу богослужения. Хоть исторически Малый вход и был актом внесения Евангелия в церковное собрание, это шествие — больше, чем просто действие внесения Евангелия в алтарь.

Литургия — это шествие на Небо, в Царствие Божие, шествие, участниками которого являются не только священнослужители и молящиеся прихожане, но и ангелы. Вход — это приближение к Богу, восхождение на Небо. Как верно замечает священник Кирилл Аржанти: «Православный человек всегда удивляется неподвижности священнослужителей, совершающих католическую мессу, поскольку для него вся христианская жизнь есть переход — через пустыню к Земле обетованной, через мир к Царству Небесному». Все богослужение Литургии (и других служб) насыщено движением: входами, выходами, шествиями. В контексте такого понимания Входа и нужно рассматривать это действие.

Потом читается Священное Писание.

Сегодня за Литургией читается два чтения: Апостольское и Евангельское (до VIII века читался еще и отрывок из Ветхого Завета).

Во время чтения Апостола диакон наполняет алтарь благоуханным кадилльным дымом. Священники же слушают чтения на Горнем месте. *Горнее место* — это самая восточная часть алтаря, за Престолом. Это небольшое возвышение, на котором стоит кресло для епископа. На стене Горнего места написан образ Спасителя, восседающего в архиерейском облачении на троне. Ему предстоят Божия Матерь, Иоанн Креститель, другие святые. Во время богослужения глаза всех молящихся (и мирян, и священнослужителей) будут обращены на эту икону. Это Он — Христос Господь — совершает службу, Он Сам приходит «заклатися и датися в снесь» верным. Епископ и священник действуют от Его имени, по Его поручению, но не вместо Него.

В то время как священники встали на Горнем месте, а старший диакон кадит, младший диакон (или чтец) читает Апостол.

Но вот выходит с Евангелием в руках старший диакон...

Чтение Писания — один из кульминационных моментов богослужения. Более того, это не простое чтение, то есть назидательное, размеренное... Это озвучивание, провозглашение слов Божиих, которые несутся к нам с горних высот, от Трона Царя Небесного.

Диакон во время богослужения символизирует ангела — его орарь (лента, перекинутая через плечо) напоминает крыло. А Писание всегда передается людям ангелами (Закон «...*преподан через Ангелов, рукою посредника*» (Гал. 3:19); «*Через Ангелов возвещенное слово было твердо*» (Евр. 2:2). А вспомним икону Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, возле уха которого сидит ангел и шепчет туда Небесные истины...).

Вот и сейчас происходит момент передачи Слова Божия людям. От Самого Господа Христа, через его слугителя диакона.

Современный греческий богослов митрополит Иоанн Зизиулас пишет: «Слово Божие приходит в Церковь не просто из прошлого, как какая-то книга или зафиксированный канон, но главным образом из эсхатологической реальности Царствия, от трона Божия, который в этот момент литургии занимает епископ. Вот почему такое чтение традиционно поется, а не просто дидактически читается. (Сегодня некоторые православные священники, по-видимому, не понимая этого, не поют Евангельские чтения, а читают их, как прозу, чтобы сделать их более понятными и, таким образом, назидательными!)»

Диакон поет Евангелие, как ангел...

«Древний Патерик» сохранил для нас такое замечательное свидетельство одного подвижника: «Когда... прочитано было учение апостольское и вышел диакон читать Еванге-

лие, я видел, что кровля церкви раскрылась, и видно было небо, и каждое слово Евангелия было как огонь и восходило до небес».

И еще одно: в России Евангелие читают обычно лицом на восток (к алтарю). В Греции, как и во многих восточных странах, Евангелие читается лицом к народу. Конечно, особой разницы здесь нет. Но если греческая традиция более удобна для молящихся, то русская — свидетельствует о более глубоких богословских идеях. Вообще, как легко заметить, православный священник во время богослужения стоит лицом на восток. Это не потому, что он пренебрегает прихожанами, поворачивается к ним спиной. Он — один из них, он — вместе с ними. И верующие, и возглавляющий их священник устремлены в одном направлении — к алтарю, к Богу. Не так на Западе, где священники выделены в отдельную касту. Они служат для народа. А у нас — вместе с народом.

Священное Писание мы слушаем в благоговейном молчании.

О благоговении слушающих Писание прихожан читаем у автора IV века, блаженного Августина: «Мы вышли к народу, церковь была полна, раздавались радостные голоса: “Богу благодарение! Богу слава!”; никто не молчал; там и здесь восклицали; я приветствовал народ, и опять возгласили тем же горячим голосом; когда же, наконец, водворяется молчание, происходит торжественное чтение божественных Писаний».

Диакон призывает к сосредоточенности и внимательности возгласом «*Вонмем*» (то есть «Внемлем!»)

После чтения Евангелия произносится *сугубая ектения*.

Так эта ектения была названа в древности, потому что после каждого прошения хор повторяет «*Господи, помилуй*» трижды, а не один раз. (Сегодня это троекратное «Господи, помилуй» начинается с третьего прошения.)

Диакон: «*Рцем вси от всея души, и от всего помышления нашего рцем*».

Хор: *«Господи, помилуй»*.

«Господи Вседержителю, Боже отец наших, молим Ти ся, услыши и помилуй».

Хор: *«Господи, помилуй»*.

«Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, молим Ти ся, услыши и помилуй».

Хор: *«Господи, помилуй»* (трижды). Троекратное пение *«Господи, помилуй»* — очень древняя практика, которая служит выражением наиболее усердной молитвы.

«Еще молимся о Великом Господине и Отце нашем, Святейшем Патриархе Кирилле, и о Господине нашем, Высокопреосвященнейшем митрополите (или: Преосвященнейшем архиепископе, или: Преосвященнейшем епископе) (имя), и всей во Христе братии нашей».

Хор: *«Господи, помилуй»* (трижды).

Обратим внимание — сначала мы молитвенно поминаем (так нужно делать и в домашней молитве) священноначалие: нашего Патриарха, нашего Митрополита (или епископа), затем иных — по чину. Сначала священнослужителей — от высших к низшим, потом мирян.

«Еще молимся о богохранимемей стране нашей, властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте».

Хор: *«Господи, помилуй»* (трижды).

«Еще молимся о братиях наших, священниках, священномонахах и всем во Христе братстве нашем».

Хор: *«Господи, помилуй»* (трижды).

«Еще молимся о блаженных и приснопамятных святейших патриарсех православных, и создателях святого храма сего (в монастыре: святых обители сея), и о всех преждепочивших отцах и братиях, где лежащих и повсюду, православных».

Хор: *«Господи, помилуй»* (трижды).

«Создатели» (греч. *ктиторы*) — те, на чьи средства был воздвигнут храм. За свои труды они прославляются как

блаженные и приснопамятные (то есть всегда поминаемые). Св. Иоанн Злутоуст так обращается к создателю храма: «Там всегдашние за тебя молитвы, хваления и торжества; за тебя приношение в каждый воскресный день. Помысли, что, поставив Жертвенник Богу, даже до пришествия Христова ты будешь иметь поминовение».

Но это не должно вводить в заблуждение грешника, который думает откупиться от Бога строительством храма. Богу прежде всего нужна наша душа, кающаяся и изменяющаяся в лучшую сторону, а уже потом все остальное: строгие посты, пожертвования, рублища, поклоны, храмостроительство и проч.

«Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих: братии и прихожан святого храма сего (в монастыре: святых обители сея)».

Хор: *«Господи, помилуй»* (трижды).

«Еще молимся о плодоносящих и добродетельных во святем и всечестнем храме сем, труждающихся, поющих и предстоящих людех, ожидающих от Тебе великия и богатых милости».

Хор: *«Господи, помилуй»* (трижды).

Моление о плодоносящих — одно из самых поздних. В древности за Литургией возносилась особая молитва за тех, кто приносит для совершения Евхаристии хлеб и вино, также жертвует другие плоды земледелия на нужды церковнослужителей. Постепенно эта молитва перешла в виде прошения в сугубую ектению. В современном понимании — «плодоносящие» — это приносящие плоды своего труда в храм.

«Добродетельные» (греч. *каллиергонтон*), дословно, — украсители храма. Это те, кто жертвует средства на украшение храма.

«Труждающиеся» (греч. *копионтон*). Первоначально так называли христиан, занимающихся погребениями.

Они составляли особый чин — «первый среди [низших] клириков» (блаж. Иероним). Из могильщиков св. Константин Великий составил особую корпорацию, свободную от податей и подчинявшуюся церковному начальству. Во времена императора Константина их было тысяча сто человек. Однако некоторые подвергают сомнению то, что речь в ектении идет о могильщиках. «Скорее, здесь разумеются чернорабочие монастыря, и поставлены они выше певцов по тяжести службы» (М. Скабалланович). Под «труждающимися», то есть несущими особое, трудное послушание, следует понимать сторожей, рабочих, реставраторов храма.

Затем обычно следуют ектении: об усопших, об оглашенных...

И хор начинает петь Херувимскую песнь. Вот ее слова: *«Иже Херувимы тайно образующе, и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение. Яко да Царя всех подыдем, Ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуйя».*

В переводе на русский язык: *«Мы, таинственно изображающие Херувимов, воспевая творящей жизнь Троице Трисвятую песнь, оставим теперь все житейские заботы. И поднимем Царя мира, невидимо сопровождаемого Ангельскими воинствами. Аллилуиа».*

Во время этого пения священник про себя или в полголоса читает замечательную древнюю молитву (текст приводится на русском языке):

«Никто, из связанных плотскими похотями и удовольствиями, недостойн приступать, приближаться к Тебе или служить Тебе, Царю Славы, ибо служение Тебе страшно даже для небесных ангельских Сил».

Однако Ты, по несказанной и безмерной Своей любви к человеку, став Человеком и Первосвященником нашим, богослужение это (Божественную литургию), и принесение Бескровной Жертвы заповедал нам. Ты Один — Господь Бог наш, владыче-

ствуешь надо всем, что на небе и на земле, Ты — носимый [по небу] Херувимами на троне, Господин Серафимов и Царь Израиля, единственный Святой и обитающий во Святыях.

Тебя, одного Благого и внимающего мольбам, прошу, обрати Свой взор на меня, грешного и непотребного раба Твоего. Очисти мою душу и сердце от нечистой совести и удостой меня, силою Святаго Духа, облеченного благодатью священства, предстать Святому Твоему Престолу и совершить священнодействие Пречистого Твоего Тела и драгоценной Твоей Крови.

К Тебе припадаю, преклонив свою голову, и молю Тебя: не отвернись от меня, не извергни из числа детей Твоих, но позволь, чтобы через меня, ленивого и грешного, были принесены Тебе дары сии.

Ибо Ты — приносящий и приносимый, принимающий и раздаваемый, Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем, со Безначальным Твоим Отцем и Всесвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и всегда, и во веки веков, аминь».

Затем священник, воздев руки, трижды произносит Херувимскую песнь и отходит к Жертвеннику. Священник кадит покрытые дары, и совершается *Великий вход*.

Во время этого Входа мы переносим приготовленные на Жертвеннике хлеб и вино на Престол.

Это поистине священные минуты. В церковной литературе встречается немало рассказов о том, как Господь давал видеть некоторым подвижникам и ангелов, и святых во время Великого входа.

Приведу слова замечательного греческого старца нынешнего времени, иеромонаха Иакова Эвбейского:

«Люди слепы и не видят, что бывает в храме на Божественной Литургии. Однажды, совершая службу, я не мог совершить Великий вход оттого, что видел... Псаломщик пел: “Яко да Царя всех подыдем...””, как вдруг чувствую, что меня подталкивает некто за плечо и меня направляет к свя-

тому Жертвеннику. Я подумал, что это был псаломщик, и сказал:

— Благословенный! Такое нечестие! Вошел в Святые Врата и меня толкает!

Оборачиваюсь и вижу огромное крыло, которое распростер Архангел до моего плеча и меня направлял совершить Великий вход. Что бывает в алтаре в продолжение Божественной Литургии! Некоторый раз не могу выдержать и сажусь на стул, в то время как другие сослужители думают, что у меня плохо со здоровьем, но не знают они, что бывает в продолжение Божественной Литургии! Какой размах крыла, чадо мое, имеют Ангелы...»

Итак, Великий вход.

Впереди всей процессии идут священосцы. Если во время чтения Евангелия свечи изображали невидимое присутствие Господа Иисуса Христа, то сейчас свечи горят в знак особой торжественности момента.

Священосцы спускаются с амвона (площадки перед алтарем) и поворачиваются лицом к алтарю, как стоят и все молящиеся.

А вот показалась и процессия священнослужителей, переносящих дары.

Впереди идет диакон, неся у головы покрытый дискос... Затем все остальные. За диаконом идет главный священник с чашей в руках. За ним — остальные священники с крестами. Остановившись на амвоне, служители произносят формулу поминовения священноначалия и всех верующих людей.

И после сего Царскими вратами процессия заходит в алтарь. Дискос с чашей ставятся на Престол. Царские врата закрываются, завеса задергивается. Затем еще одна ектения: *«Исполним молитву нашу Господеви...»* И пение *Символа веры*.

Текст Символа веры на церковнославянском языке доступен (он помещен в Молитвослове среди утренних мо-

литв) всем. Для того чтобы мы глубже ее понимали, приведу Символ веры в переводе на русский язык.

«Верую во Единого Бога, Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого.

И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божьего, Единственного, рожденного от Отца прежде всех веков. [Рожденного] как Свет от Света, как Истинный Бог от Истинного Бога; Рожденного, Несотворенного, Единоприродного Отцу, Которым все сотворено. Ради нас, людей, и ради нашего спасения сшедшего с Небес и воплотившегося от Святаго Духа и Марии Девы и ставшего человеком. Распятого за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребенного. И Воскресшего в третий день, как обещало Писание [Ветхого Завета]. И восшедшего на Небеса и сидящего по правую Руку Отца. И вновь грядущего [в наш мир] со славой, судить живых и мертвых, и Царствованию Его не будет конца.

И в Духа Святаго, Господа, созидающего жизнь, исходящего от Отца, Которому поклоняемся и Которого славим с Отцом и Сыном; [Который] говорил в [ветхозаветных] пророках.

В Единственную, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

Исповедую одно Крещение во оставление грехов. Ожидаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

А в то время, как все поют Символ веры, священники в алтаре трижды поклоняются Престолу, целуют *пелену*, которой покрыты дары, и дают друг другу так называемое *Целование мира*.

Если священников несколько, они все дают друг другу целование: целуют друг друга в плечи и в руку. Старший священник говорит: *«Христос посреди нас»*, на что младший отвечает: *«И есть, и будет»*. С теми же словами между собою целуются и диаконы.

В древности не только священнослужители, но и все верующие в храме целовались и приветствовали друг друга

искренними объятиями. Об этом обряде сообщают уже отцы II века. Около 160 года по Рождестве Христовом св. Иустин Философ пишет: «По окончании [Евхаристических] молитв мы приветствуем друг друга целованием. Потом к предстоятелю братий приносятся хлеб и чаша...»

В Византии целовались женщины с женщинами, мужчины с мужчинами. Конечно, это не такое целование, которое дают друг другу любящие супруги, это лишь символическое дружеское целование, и означает оно полное внутреннее примирение между христианами, намеревающимися участвовать в Таинственном Жертвоприношении. Для христианина — нет чужого, нелюбимого, тем более врага.

Бывают, конечно, недоразумения и между христианами: поссорились супруги, какое-то напряжение во взаимоотношении между знакомыми... Но мы помним бескомпромиссное требование Христа: *«Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой... и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда придя и принеси дар твой»* (Мф. 5:23–24).

Участковать в Евхаристическом Таинстве со злобой в сердце невозможно! Для того чтобы дать нам последнюю возможность прогнать из сердца всякое недоброжелательство, и был введен этот обряд, который святитель Иоанн Златоуст называет «страшным», по своей ответственности: «Будем помнить, возлюбленные, и о страшном целовании друг с другом. Ибо это сплетает наши помышления и всех объединяет в одно Тело, потому что все мы участвуем в одном Телe. Соединим же себя в одно Тело, не тела соединяя друг с другом, но соединяя союзом любви души. Тогда мы сможем с дерзновением насладиться предстоящей Трапезы».

И хотя сегодня обряда целования в наших храмах нет (за исключением некоторых, где возрождают эту древ-

ною традицию), мы должны внутренне примириться со всеми окружающими. Подходящее для этого время — время пения Символа веры. Ведь он и предваряется призывом диакона: *«Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы»*.

Дав друг другу целование, священники берут пелену, покрывающую дискос и чашу, и колеблют ее над дарами. В это время они вслух читают (либо кто-то один, либо по очереди) Символ веры. Веяние пеленой символизирует животворное и благодатное веяние Духа Святаго во время Литургии...

Диакон: *«Станем добре, станем со страхом, вондем. Святое приношение в мире приносити»*. В переводе на русский язык: *«Станем хорошо, станем благоговейно и будем внимать. Святое возношение будем приносить с миром в душе»*.

«Когда после исповедания веры слышим мы этот призыв, совершается в Литургии нечто трудно выразимое словами, происходит, лишь изнутри, лишь духовно ощутимый, “переход в другой ряд”. Что-то завершено, и что-то теперь так очевидно начинается» (протопресвитер А. Шмеман).

А начинается самая священная часть Литургии — *Евхаристический канон*, или, как ее называют, *Анафора* (греч. «Возношение»).

Из призыва диакона мы видим, как молящиеся должны стоять в эти минуты в храме: добре, со страхом...

В Литургии IV века в этом месте богослужения сказано: «Пусть дети стоят близ алтаря, и пусть один из диаконов смотрит за ними, чтобы они вели себя прилично. А другие диаконы пусть ходят вокруг и следят за мужчинами и женщинами, чтобы не было никакого беспорядка, чтобы никто не клевал носом, не шептался, не спал. И пусть диаконы стоят у мужского входа, а иподиаконы — у женского, чтобы никто не выходил, и чтобы во время Анафоры никто... не открывал дверей» («Апостольские постановления»).

И священник, и молящиеся в храме должны мысленно собраться, отрешиться от всего земного. Если «всякое житейское попечение» мы должны отложить при перенесении хлеба и вина на Престол, то тем более, в превосходнейшей степени, должны отрешиться от земного в этой, самой священной, части богослужения.

Хор: *«Милость мира, жертву хваления»* (Рус. пер: *«Мы приносим Тебе, Господи, в жертву нашу милость [к врагам], мир и жертву хвалы»*).

Далее священник обращается к народу со словами, которыми благословлял верующих ап. Павел: *«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви (любовь) Бога и Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами»*.

Хор: *«И со духом твоим»*.

«Горе имеем сердца!» (Рус. пер.: *«К Небу обратим сердца!»*)

В Литургии IV века (памятник «Апостольские постановления») священник возглашает: *«Ввысь ум!»*

Хор: *«Имамы ко Господу»* (Рус. пер.: *«Имеем ко Господу»*).

Жест воздевания рук очень древний. Этот жест выражает высочайшую степень духовной собранности и молитвенности. Этим жестом мы словно говорим: «Все от Тебя! Не от нас, но от Тебя, Владыко и Отец Небесный!»

Священник с воздетыми руками восклицает: *«Благодарим Господа!»*

Слова «Благодарим Господа» — самая древняя часть Литургии. Мы помним, что и Христос на Тайной вечере, преподавая апостолам Святые Дары, предварительно «возблагодарил» Отца: *«И, взяв чашу и благодарив, сказал: примите ее... И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им...»* (Лк. 22:17, 19). Более того, эти слова относятся еще к дохристианским временам, к иудейскому обычаю *седера* (ритуальной праздничной домашней трапезы). Христос в ночь Тайной вечери как раз следовал принятой практике седера.

Иудеи, участвующие в праздничной трапезе, на призыв возглавляющего ужин возблагодарить Господа отвечали: «Достойно это и праведно».

Из той, еще дохристианской, древности, через Тайную вечерю, как связующее звено между Ветхим и Новым Заветом, этот возглас дошел и до нас. И мы в ответ на призыв возблагодарить Господа восклицаем: «Это достойно и праведно (праведно — значит справедливо)!»

Хор: *«Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней».*

Сначала это песнопение употреблялось в древней его форме, пелись только слова «Достойно и праведно» («Достойно и справедливо»). Но так как священник в это время начинает читать торжественную и важную тайную молитву, чтобы он успел не спеша ее прочитать, к словам Достойно и праведно, в России прибавили остальные слова. В Греции дополнительных слов не поют.

Вот эти молитвы, сегодня читаемые священником тайно, в переводе на русский язык.

Из Литургии св. Иоанна Златоуста:

«Достойно и справедливо — Тебя воспевать, Тебя благословлять, Тебя восхвалять, Тебя благодарить, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего. Ибо Ты — Бог Неизреченный, Непознаваемый, Невидимый, Непостижимый, Вечный, Неизменный — Ты и Единородный Твой Сын и Святой Твой Дух.

Ты — из небытия в бытие привел нас и после грехопадения восстановил и не прекратил на этом Своей заботы о нас, но возвел нас на небо и даровал Царство Твое будущее. За все это благодарим Тебя и Единородного Твоего Сына и Святого Твоего Духа, за все ведомые и неведомые, явные и тайные благодеяния, излитые на нас. Благодарим Тебя и о службе этой, которую Ты изволил принять от наших рук, хотя перед Тобою предстоят тысячи Архангелов и бесчисленное

множество Ангелов, Херувимы и Серафимы: шестикрылые, многоокие, парящие в воздухе, оперенные...»

При чтении этой молитвы перед нашим мысленным взором встают картины, открывшиеся автору Апокалипсиса, эти тьмы тем и тысячи тысяч ангельских духов, и среди них — высшие, предстоящие пред Богом... *«Престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий... И посреди Престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади. И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лице, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей; и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: Свят, Свят, Свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет»* (Откр. 4:2-8).

К этим возгласам дивных ангельских существ, показавшихся Тайнозрителю животными, присоединяемся и мы. Священник возглашает: *«Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще!»*

В этом священническом возгласе мы как бы именуем издаваемые ангелами (увиденными автором Апокалипсиса) звуки:

поюще — орел;

вопиюще (в греч. букв. «мыча») — телец;

взывающе (в греч. «рыкая») — лев;

глаголюще — человек.

Верующие в храме часто и не подозревают, какое духовное богатство заключается в тех молитвах, что читает священник тайно в алтаре. Часто его громкие возгласы, которые только и доступны молящимся, представляют собой не самостоятельную молитву, а лишь заканчивают тайную молитву священника, как и в данном случае. В данном случае, обратите внимание, молитва священника заканчивается упоминанием ангелов, окружающих Престол Господа.

В возгласе же своем он продолжает эту тему и говорит о том, что эти быстрокрылые и могущественные духи поют Богу победную песнь.

И хор, от лица ангелов, подхватывает эту же тему:

«Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, исполни Небо и земля славы Твоя; осанна в вышних, благословен Грядый во Имя Господне, осанна в вышних».

Во время пения хором «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, исполни Небо и земля славы Твоя; осанна в вышних...» священник тайно читает молитву, в которой от лица всех находящихся в храме присоединяется к ангельскому славословию (из Литургии св. Иоанна Златоуста):

«Вместе с этими блаженными Силами и мы, Владыко Человеколюбче, воспеваем Тебя и говорим: Ты Свят и Пресвят — Ты, Единородный Твой Сын и Дух Твой Святой. Ты Свят и Пресвят и великолепна слава Твоя, ибо так Ты возлюбил мир Твой, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную.

Придя и все задуманное Тобою о нас исполнив, в ночь, когда Его предавали, или, вернее, когда Он Сам отдавал Себя ради жизни мира, взяв хлеб в Свои святые, пречистые и непорочные руки, совершив благодарение и благословив Тебя, Он освятил, преломил, дал святым Своим ученикам и апостолам, сказав...»:

«...примите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов», — заканчивая молитву, громко возглашает священник.

Хор: *«Аминь».*

Священник тихо произносит: *«Также и Чашу, после вечери, дал им, сказав...»*

И громко заканчивает: *«...пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов».*

Хор: *«Аминь».*

Священник тайно молится: *«Вспоминая эту спасительную заповедь (заповедь причащаться Христовых Тела и Крови), и все ради нас совершенное: распятие, погребение, тридневное Воскресение, на Небо восхождение, сидение по правую сторону Бога Отца, повторное пришествие в славе...»* И, оканчивая слова тайной молитвы: *«...Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся»*.

По-русски этот возглас можно перевести так: *«Твое (хлеб и вино) из Твоего (даров природы) мы приносим Тебе о всех (мужчин) и за всех (женщин)»*.

Диакон в это время берет с Престола дискос с Агнцем, Чашу с вином и возносит их горé, то есть вверх, как бы предлагая пред Лицо Божие. Указывая орарем на Агнец, диакон тихо произносит: *«Благослови, владыко, Святый Хлеб»*.

Священник благословляет Агнец со словами: *«И сотвори (то есть соделай) убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего»*.

Диакон: *«Аминь»*.

Диакон, показывая на Чашу: *«Благослови, владыко, Святую Чашу»*.

Священник, благословляя Чашу: *«А еже в Чаше сей, Честную Кровь Христа Твоего»*.

Диакон: *«Аминь»*.

Диакон: *«Благослови, владыко, обоя (то есть вместе)»*.

Священник, осеняя широким крестным знаменем дискос и Чашу: *«Преложив Духом Твоим Святым»*.

Диакон: *«Аминь. Аминь. Аминь»*.

Вот эти слова — *«Преложив Духом Твоим Святым»*, — которые иногда называют *Тайносовершительной формулой*, являются кульминационными словами Литургии. Неверно думать, что во время произнесения именно этих слов совершается преложение даров. «На протяжении всей Литургии можно найти несколько призываний Святого Духа, нарастающих по напряженности вложенного в них освятельного содержания» (архим. Киприан Керн). Эти же

слова — дерзновенная просьба сойти Духу Святому и освятить дары — последняя молитва в цепи призываний Св. Духа. После произнесения этих слов хлеб и вино уже таковыми не считаются, а становятся Телом и Кровью Христовыми.

Именно поэтому все находящиеся в алтаре и все прихожане падают ниц — делают земной поклон. После земного поклона священник тайно молится:

«Чтобы эти Дары были для причастников в бодрствовании души, в прощение грехов, ко общению со Святым Твоим Духом, к достижению Царства Небесного, в сыновнюю смелость в общении с Тобой, а не в суд или осуждение.

...Также приносим Тебе эту молитву о почивших в вере праотцах, отцах, [ветхозаветных] патриархах, пророках, апостолах, проповедниках, благовестниках, мучениках, исповедниках, аскетах и о всех праведниках, скончавшихся в вере».

И громко возглашает: *«Изрядно (то есть Особенно) о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии...»* Во время этого возгласа священник кадит Дары. (Отметьте, что теперь я пишу «Дары» с большой буквы. Это не хлеб и вино — дары, приготовленные для Таинства, а Тело и Кровь Воскресшего и Преобразившегося Христа. Поэтому это уже Дары).

Хор: *«Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную, и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем».*

Священник в это время, призвав народ молиться о Богоматери (что хор и делает, воспевая Ей песнь), тихо продолжает: *«[Молимся] ...о святом Иоанне Пророке, Предтече и Крестителе, о святых славных и достохвальных апостолах, о святых (перечисляет имена), память которых мы*

сегодня празднуем, о всех святых Твоих — по молитвам их, посети нас, Боже».

...Но не только праведников мы вспоминаем в эти святые минуты. Еще больше наша молитва нужна христианам, не достигшим совершенства. О них, усопших и живых, священник молится в эти минуты, пока хор продолжает пение гимна Богородице.

«...И помяни всех усопших с надеждой на воскресение в вечную жизнь (имена), и упокой их там, где сияет свет лица Твоего...»

Несколько раз за Литургией мы молимся о христианах. Совершенно особое, исключительное место занимает именно это поминание — непосредственно следующее после совершения Таинства Тела и Крови Христовых. Это и самое древнее поминание. Молитва за христиан в этом месте Литургии находилась с первых веков христианства. Да и какое иное время будет самым удобным вознести искреннее прошение за близких нам людей, как не то, когда перед нами лежат только что нам явившиеся Тело и Кровь Христовы?

Святой Кирилл Иерусалимский писал: «По совершении духовной Жертвы, бескровной службы, при той же самой Жертве умиловительной (лежащей на Престоле), молим Бога о всеобщем мире Церквей, о благосостоянии мира, о царях, о воинах и сподвижниках, о находящихся в немощах, о утомляемых трудами, и вообще о всех, требующих помощи, молимся мы все, и сию приносим жертву.

После поминаем и прежде почивших, во-первых Патриархов, Пророков, Апостолов, Мучеников, чтобы их молитвами и предстательством принял Бог моление наше. Потом и о преставльшихся Святых Отцах, и Епископах, и вообще о всех из нас, прежде почивших, веруя, что преле великая будет польза душам, о которых моление возносится в то время, как Святая предлежит и страшная жертва.

Хочу я вас и примером уверить. Ибо я знаю, многие говорят: какая польза душе, с грехами или без грехов отходящей от мира сего, если она поминается в молитве? И что если бы какой Царь послал досадивших ему в ссылку, а их ближние потом, сплетши венец, принесли бы ему оный за терпящих наказание, то не сделал ли бы он им облегчение наказания? Таким образом, и мы за усопших, если они и грешники, принося Богу молитвы, не венец соплетаем, но Христа, закланного за наши согрешения, приносим, умиловляя за них и за нас Человеколюбца Бога».

Из этой цитаты отца IV века видно, какое внимание уделялось в древности молитвам за живых и усопших пред только что освященными Евхаристическими Дарами.

Мы в эти священные минуты, перед величайшей Святыней Тела и Крови Христовых молимся о живых и усопших христианах... И святые подвижники, пребывающие на небесах, молятся о живых и усопших христианах... И даже Ангелы, наполняющие небесные и земные сферы, также в эти минуты молятся о живых и усопших христианах. Об этом свидетельствует св. Иоанн Златоуст: «Как люди, срезав масличные ветви, размахивали ими перед царями, напоминая им чрез это растение о милости и человеколюбии, так и Ангелы, вместо ветвей масличных Само Тело Владыки предлагая, молят Господа о людях».

Затем еще молитвы, славословия, ектеня, пение Молитвы Господней («Отче наш») и возглас диакона: «*Вонмем!*»

Священник: «*Святая святым!*»

Возглашая «Святая святым», священник берет с диска и возносит вверх Частицу Тела Христова. Этот возглас, возникший в глубокой древности, означает, что Святыня Тела предназначена для святых христиан. В древности все принадлежащие истинной Церкви христиане, старающиеся жить духовной жизнью, назывались святыми. Соответственно этот возглас адресован не исключительно к мало-

му числу духовно совершенных христиан, а ко всем нам, стремящимся к святости.

Затем священник раздробляет Агнец и вливает в Чашу немного кипятка. И священнослужители причащаются.

Пока священнослужители причащаются в алтаре, чтец читает Молитвы перед Причащением.

Священнослужители причащаются в алтаре. Для мирян Чашу с Телом и Кровью Христовыми выносят через Царские врата. Священник берет Чашу с Престола и бережно передает ее диакону. Вынося Чашу, диакон возглашает: *«Со страхом Божиим и верою приступите»*.

Верующие делают земной поклон и складывают руки на груди крестообразно, в знак того, что сейчас они соединятся с пострадавшим и распятым за нас Господом.

Однажды я беседовал с лютеранским пастором об обрядах лютеранской церкви. И этот пастор поразил меня следующими словами: «Мы причащаемся, вставая в круг. Это подчеркивает наше общение, наше единство. Но мне очень нравится практика Православной Церкви, в которой Причастие дает верующим священник. Это очень хорошо выражает, что Причастие — дар Божий. Бог отдает Себя каждому из людей в жертву, чтобы человек жил вечно...»

Лютеранский пастор заметил то, мимо чего часто проходим мы. Мы настолько привыкли к нашему образу причащения, что перестали замечать удивительную символику — Сам Бог отдает Себя. Мы — Его дети и друзья. Он выходит навстречу к нам.

Священник произносит Молитву перед Причащением: *«Верую, Господи, и исповедую...»* Так как молитва эта почти всем известна наизусть, приведу ее только в русском переводе:

«Верю, Господи, и перед всеми исповедую, что Ты — воистину Христос, Сын Бога Живого, пришедший в мир спасти грешников, из которых я — первый. Также верю, что это — само Пречистое Тело Твое и это — сама драгоценная Кровь Твоя.»

Молю Тебя, помилуй меня и прости мне грехи мои — вольные и невольные, совершенное словом или делом, сознательно или по неведению. И удостой меня без осуждения причаститься пречистых Твоих Таинств в оставление грехов и в жизнь вечную.

Не прогони меня сегодня с Твоей Тайной вечери, Сыне Божий, ибо я не выдам тайны врагам Твоим, не дам Тебе [предательского] поцелуя Иуды, но словами разбойника пред всеми выражаю веру в Тебя: Помяни меня, Господи, в Царстве Твоем.

Да не в суд или во осуждение будет мне причащение Святых Твоих Таин, Господи, но во исцеление души и тела. Аминь».

Подходя к Чаше, мы не осеняем себя крестным знаменем, чтобы ненароком не толкнуть Чашу, называем свое полное христианское имя и принимаем Частицу Тела, напоенную Кровью.

Диакон или помощник священника держит специальный плат красного цвета, который впитает влагу, если с губ причащающегося капнет Кровь Христова. После Причастия диакон промакивает губы причастившегося платом, причастившийся целует подножие Чаши и отходит в сторону.

В древности причащались не из ложечки, как сегодня, а принимали в руки частицу Тела, съедали ее и затем отпивали из Чаши. Такая традиция в Византии сохранялась до XI века. Начиная с XI века Тело Христова стали погружать в Чашу. Тогда была введена в употребление ложечка для Причастия (по-слав. «лжица»). Интересно, что в греческом языке она называется «лабис», то есть «клещи». Таким образом, по мысли древних христиан, она символизирует таинственные клещи из видения пророка Исаии: *«Прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: ...беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен»* (Ис. 6:6-7).

О, если бы мы настолько серьезно относились к Таинству Причащения, что оно, подобно раскаленному углю, уничтожало, сжигало бы в нас все злое и нечистое...

Вот мы причастились. Отходим в сторону благоговейно и тихо. Ничто не должно нарушить священной радостной минуты переживания единства со Христом. «Приобщившись Тела и Крови Христа, сделался ты Ему единотелесным и единокровным. Таким образом и бываем христоносцами, когда Тело и Кровь Его сообщится нашим членам» (св. Кирилл Иерусалимский).

Доложен ли человек что-нибудь чувствовать после Причастия?

«Плод причащения чаще всего отзывается в сердце сладким миром; иногда приносит оно просвещение в мыслях и воодушевление в преданности Господу; иногда почти ничего не видно, но после в делах обнаруживается большая крепость и стойкость в обещанной исправности (то есть решимости жить нравственной жизнью)», — делился своим опытом св. Феофан Затворник.

Через сто лет другой подвижник, старец Амфилохий (Макрис), живший на острове Патмос, на том острове, на котором Иоанн апостол получил Божественное Откровение, говорил: «Человек, когда причащается, получает силу, просвещается, видит новые горизонты и чувствует радость. Каждый по-разному, в соответствии с расположением и горячностью своей души. Один чувствует радость и покой, другой — мир, третий — дух верности и четвертый — неизреченное сострадание ко всему. Лично я часто бывал усталым, но после Божественного Причастия я чувствовал, что у меня нет никакой усталости».

Но будем ли мы испытывать или не будем после Причастия духовный подъем, ревность в вере и что-то подобное, зависит от многих причин. Прежде всего от воли Божией, потом от нашей внутренней собранности и сосредоточенности, затем и от иных причин. Искать эти блаженные со-

стояния не нужно. От нас требуется только подходить к Таинству с серьезностью и с той подготовкой, какую мы оговорили с духовником. И с ощущением собственной греховности и слабости и просьбой к Отцу Небесному дать нам силы все это преодолеть.

После Причащения принято запивать, то есть съедать кусочек просфоры (или хлеба) и выпивать несколько глотков разбавленного водой вина (или морса). Историки считают, что обычай запивать Причастие появился при св. Иоанне Златоусте.

Для младенца можно взять сок или морс в бутылочке. И, конечно, нет ничего плохого, если после Причастия в качестве запивки мама даст младенцу грудь.

Причастие заканчивается. Чаша с Телом и Кровью Христовыми заносится в алтарь и ставится на Престол. Диакон берет в руки дискос, на котором лежат частицы, вынутые в память Богородицы, святых и в поминание живых и усопших, и погружает их в Чашу. При этом произносит: *«Отмый, Господи, грехи поминавшихся здесь Пречистой Твоею Кровью, молитвами всех святых»*.

Просфорные частицы, наполняясь Животворящей Кровью Христовой, освящаются, и это освящение передается душам людей, за которых они принесены.

Следуют еще некоторые обряды... Последняя ектения, заамвонная молитва и отпуст.

Литургия закончена. Души всех участников наполнены светом и радостью. Все немного утомлены, но, наверное, так и должно быть, ведь мы за короткое время успели побывать на Небесах...

Раздел III ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 МИССИОНЕРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ТАИНСТВУ БРАКА (ВЕНЧАНИЯ)

Представим, что мы находимся в храме и сейчас перед нами развернется во всей силе и красоте древний православный чин Браковенчания. Что мы увидим? Что значат эти обряды?

Об этом мы с вами и поговорим.

Итак, жених с невестой в храме. Они волнуются. Их поддерживают близкие люди, друзья. Я всегда отговариваю молодых совершать венчание в одиночестве — есть такая модная сегодня тенденция. Я считаю, что этот праздник — не только праздник молодых, но и праздник их родителей и друзей, всех, кому эти сияющие молодые люди — родны и любимы.

От иконы, лежащей посередине храма, до *притвора* (место при входе в храм) положена ковровая дорожка. На нее церковный служитель ставит молодых. Затем служитель берет венчальные кольца, иконы, которыми в конце службы священник благословит молодоженов, и уходит в алтарь.

Все приготовлено к началу Таинства. Отверзаются Царские врата (врата алтаря) и из алтаря выходит процессия: свещеносец, диакон и священник. Первым делом священник обращается к пришедшим со словом приветствия, ободряет их и дает им руки свечи. Свеча символизирует горе-

ние. В данном случае — горение в вере и в любви, которым пламенеют жених и невеста.

Диакон возглашает: *«Благослови, владыко!»*

Священник: *«Благословен Бог наш: всегда ныне и присно и во веки веков...»*

Диакон произносит ектению («ектения» — «протяжное моление», греч.):

«Миром Господу помолимся! («Миром», то есть с душевным спокойствием, в твердой уверенности, что на все воля Божия, а мы должны Ему доверять).

О рабах Божиих (имена), ныне обручающихся друг другу, и о спасении их Господу помолимся!

О том, чтобы Бог дал им детей для продолжения рода, исполнил их всякое доброе прошение, Господу помолимся!

О том, чтобы Бог ниспослал им совершенной любви, мира в супружестве, Своей помощи, Господу помолимся!

О том, чтобы сохранили единомыслие и устояли в твердой вере, Господу помолимся!»

...Вновь и вновь мы от всей души обращаемся к Господу за помощью. И верим, что Он откликнется.

Далее священник произносит молитву: *«Боже вечный, посторонних людей соединивший и давший им неразрушимый союз любви! Некогда благословивший Исаака и Ревекку (ветхозаветные герои, о которых нам рассказывает библейская книга Бытие. — Прот. К.П.), и показавший их наследниками Твоего обещания (речь идет об обещании от потомка Авраама произвести великий народ. Исаак и был этим потомком, их с Ревеккой дети стали родоначальниками богоизбранного иудейского народа. — Прот. К.П.), Сам, Господи, благослови и вот этих рабов Твоих (имена),ставляя их на всякое доброе дело...»* (Все молитвы даются в переложении на русский язык.)

Конечно, молодые стоят с трепетом и благоговением.

Помню, как сам некогда стоял под венцом, со свечой в руках, как волновалась душа и теснились мысли... Хоть

Церковь и признает за брак отношения, зарегистрированные в государственных органах, но все же подлинное Таинство единения — это церковное Таинство Браковенчания.

Слово «брак» — славянского происхождения, и означает оно — «быть вместе». «Брачной парой» называли в старину упряжку лошадей, идущих вместе, в связке.

Отныне двое — соединятся, как говорит Библия, в «плоть едину», то есть станут одним существом, не телесно, конечно, а душою — стремлениями, ценностями, радостями, горестями... Пройдут жизнь вместе, неразлучимо, будут любить друг друга и заботиться друг о друге. Постараются в браке своем осуществить Евангельский идеал.

Православное Чинопоследование брака многократно повторяет эти темы — тему единства, тему любви и заботы, наконец, тему достижения совершенства, святости.

Но служба, которая началась, еще не Венчание. Это обряд *Обручения*. В древности Обручение и Венчание были разными службами и совершались в разное время. Сначала молодые обручались и в течение года считались женихом и невестой. Потом над ними совершалось Таинство Браковенчания. Сегодня чаще всего Обручение и Венчание совершаются в один день, хотя по просьбе могут совершаться и в разное время.

Священник берет кольцо и начертывает им над головой жениха и невесты крест: «*Обручается раб Божий (имя) рабе Божией (имя) во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа*».

Интересно, что жениху священник надевает на палец кольцо невесты, а невесте — кольцо жениха. И затем либо сам трижды переменяет кольца, либо это делает диакон, либо молодые. Так каждый оказывается уже со своим кольцом.

Что символизирует обручальный перстень?

Символически он означает желание молодых соединить судьбы. Соединить навсегда, потому что брак, начавшись на земле, перейдет и в вечность. Поистине он навсегда!

Но это символическое значение, которого, наверное, в древности и не было. Тем не менее обручальный перстень существовал с глубокой древности.

Ведет свое происхождение он еще с дохристианских времен. Там был только один перстень и одевался он женихом на палец невесты. Этот драгоценный перстень был знаком того, что жених разделяет свои богатства (или накопления, словом все, что у него есть) с одной-единственной девушкой. Этот перстень (обычно с драгоценным камнем) был также гарантией того, что если и случится беда и муж пропадет (будет убит, похищен — явления в те времена нередкие), его жена хотя бы первое время не пропадет. Этот перстень можно будет продать и он ее прокормит.

Известно, что такое значение обручальному перстню придавалось, например, в Ветхом Завете.

Сегодня обручальными кольцами считаются золотые, тогда как в древности (в Византии и в Древней Руси) мужской перстень был железным, а перстень невесты — золотым. В качестве обручальных можно использовать не только кольца привычной формы, но и перстни с камнями, украшенные надписью и другие.

После Обручения и особых молитв о здравии, совершенной любви, мире в отношениях и помощи от Бога молодых вводят на середину храма.

По старинной русской традиции им под ноги постилают белоснежное полотно — опять же, знак чистоты вступающих в брак и искренности их намерений. У них в руках — зажженные свечи, знак горения в вере и любви.

Священник спрашивает жениха: *«Имеешь ли (имя) желание доброе и непринужденное и крепкую мысль взять себе в жены сию (имя), которую перед собою видишь?..»*

Те же вопросы задаются невесте...

Мало кто знает, что подобные вопросы пришли в православие из западной христианской традиции (примерно, в XV веке). В католическом богословии «служителями»

Таинства Браковенчания считаются сами брачующиеся (жених и невеста), а не служитель Церкви (священник), который выступает лишь в роли главного свидетеля и предостоятельствует при совершении Таинства. Отсюда (это идет еще из дохристианского римского права) важность слов жениха и невесты о их ответственном и свободном желании вступить в брак.

На Востоке же брак молодых чаще всего устраивали их родители, а молодых обычно и не спрашивали. Поэтому в древних чинах Венчания никакого диалога священника с брачующимися нет. Впрочем, в некоторых единичных древних византийских рукописях все-таки есть вопрос, правда, обращен он не к молодым, а к родственникам пришедших в храм. Священник спрашивает: *«Согласные [заклучить брак] [соединяются] с вашим общим согласием?»*, на что все присутствующие отвечают: *«Да, по воле Божией»*.

Таким образом, мы видим, что в Древней Византии важней желания молодых считалось желание родственников устроить их брак.

Далее начинается само чинопоследование Таинства.

Таинство Браковенчания начинается возгласом: *«Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа!»* Это самый торжественный возглас православного богослужения. Им начинается и Божественная Литургия. Этот возглас предваряет венчание потому, что с древности оно мыслилось одной из самых ярких, торжественных, глубоких по содержанию и важности служб.

Этот возглас также напоминает о том, что должно стоять в центре устремлений молодоженов — достижение Царства Небесного.

Далее диакон произносит ектению:

«Миром Господу помолимся!»

...О рабах Божиих (имена), ныне соединяющихся друг с другом в брачное общение, и о спасении их, Господу помолимся.

О том, чтобы Бог благословил брак сей, как когда-то в Кане Галилейской, Господу помолимся.

О том, чтобы Бог подал им целомудрие, детей, все на пользу и ко спасению, Господу помолимся».

Таковыми и другими высокими словам молятся священнослужители, брачующиеся и гости в начале Таинства Браковенчания.

Далее священник громко читает несколько молитв. Всего молитв три, но бывает, что на практике священник читает две или даже одну молитву из трех. Это допустимо.

Сами эти молитвы были составлены в разное время. Самая древняя это молитва, которая у нас идет третьей. Истоки ее восходят к V веку, а может быть, к еще более древним временам.

Вот эта молитва в переводе на русский язык:

«Боже святой, создавший из праха человека, и из ребра его образовавший жену, и сочетавший с ним помощника, ответственного ему, ибо так угодно было Твоему Величеству, чтобы не одному быть человеку на земле. Сам и ныне, Владыка, ниспосли руку Твою от святого жилища Твоего и сочетай этого раба Твоего (имя) и эту рабу Твою (имя), ибо по воле Твоей сочетается с мужем жена. Соедини их в единомыслии, венчай их в плоть единую, даруй им плод чрева, утешение прекрасными детьми. Ибо Твоя власть, и Твои — Царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и всегда, и во веки веков».

А вот в сокращении вторая по времени происхождения молитва. Она фиксируется в чинах Браковенчания с X века:

«Бог Пренепорочный и Творец всего мироздания! Ребро праотца Адама, по Твоей великой любви к людям, в женщину преобразивший и благословивший их (Адама и Еву) словами: Плодитесь и размножьтесь и наполняйте землю и обладайте ею, и показавший их соединившимися в одну плоть... Сам, Владыко Пресвятой, прими молитвы нас, рабов Твоих... бла-

гослови брак сей и дай рабам Твоим (имена) жизнь мирную, долгую, целомудрие, друг к другу любовь, соединенную союзом мира, семья долгожизненное, радость в детях и невянувший венок славы Небесной. Удостой их видеть внуков, ложе жены утверди в непорочности и дай им благодать от источников небесных и от щедрот земли. Наполни их дома пшеницею, вином и маслом и всяким добром, вразуми их этим делиться и с нуждающимися...»

Самая поздняя молитва идет в нашем современном чине второй. Она появляется в Требниках в XV веке.

Прочитав молитвы, священник берет *венец*, похожий на митру — священный епископский головной убор, и трижды провозглашает: *«Венчается раб Божий (имя) рабе Божией (имя) во имя Отца и Сына и Святого Духа».*

Затем священник надевает венец на голову жениху или вручает свидетелям, чтобы те держали его над головой. То же повторяется с невестой.

Я неспроста упомянул, что венчальный венец похож на епископскую митру. Пусть историки говорят, что в древности это был всего лишь венок из полевых цветов, что ж из этого?.. Сегодня венец сделан напоминающим именно митру (ну, или корону). Почему?

Да потому, что молодые люди, которые прежде зависели от других, отныне вступают во взрослую, самостоятельную жизнь. Они становятся владыками сами себе! Епископская митра — знак власти. Власти, соединенной с любовью. Так и наши молодожены. Самовластны и нежны! Ответственны и любящи! Независимы и... зависимы. Зависимы от любви и от своей второй половины.

После этого священник торжественно возглашает: *«Господи Боже наш, славою и честью венчай их!»* Этот возглас повторяется трижды, и каждый раз священник крестообразно благословляет брачующихся рукой.

Это очень важный момент. Собственно, в древности надевание венков и краткая молитва, соединенная с благо-

словением молодым, и считались Таинством Брака. Сегодня чин приобрел более пышный и торжественный вид, но сердцем, ядром чина Венчания все равно является момент надевания венков (или вручения их свидетелям) и священническое благословение.

А говорю я об этом потому, что многие этого не знают. Вот и видишь постоянно, что дотоле неутомимые фотографы в эти священные секунды опускают камеры и позволяют себе передохнуть. Тогда как именно это прежде всего и следовало бы снять... Так называемую «формулу» Таинства.

Почему венцы не надеваются на головы, а вручаются свидетелям?

В этом нет никакого мистического смысла, просто у всех головы разные (по размеру), кроме того, у невесты часто бывает фата, особая прическа и т.д. Есть опасность, что венцы во время шествия молодых (а это шествие скоро будет) упадут с головы или просто сползут набекрень.

Удобнее держать их над головами.

И еще одно: практический совет свидетелям. Держать венец над головой невесты или жениха — достаточно трудное занятие. Руки могут очень сильно устать. Поэтому держите венец одной рукой. Когда она устала, можно сменить. Если обе руки невероятно устали, можно венец опустить на голову и дать рукам передохнуть.

Далее читается Священное Писание — отрывок из Апостольского и отрывок из Евангельского чтений.

Апостольское — это фрагмент Послания к Ефесянам 5:20–33.

Все, наверное, слышали слова из этого чтения: *«Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее...»*

Такое понятное и известное выражение апостола, а как много на самом деле оно в себе заключает: Христос — муж; Церковь — жена.

Церковь может вести себя (и в истории ведет) недостойно, скандально, распущенно... Но Христос терпит, любит, прощает.

Не таким ли должен быть и муж? Даже если жена ведет себя слабо, недостойно, истерично, несправедливо... разве можем мы вести себя так же?

Не Христос ли нам пример терпения и любви?..

Что касается Евангельского чтения, так это всем известный рассказ о первом чуде, совершенном Господом: рассказ о превращении воды в вино. Какой дивный фрагмент и как многогранно он касается совершающегося события — Таинства Браковенчания.

...Праздник, пир, торжество было и до того, как Христос туда, в Кану, пришел. Но когда Он пришел и сотворил чудо — праздник вспыхнул с новой силой. И стало всем лучше, чем было!

Вот так и Господь Христос. Приходит к любящим друг друга, благословляет их — и чувства их становятся еще ярче, чем были. Пришествие Христа — это не обеднение праздника, а усиление его и освящение: *«Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком!»*

Часто люди, прожившие какое-то время в браке без его церковного освящения, просят совершить над ними Таинство Браковенчания. И вот, когда Таинство совершается, они приходят и рассказывают, что в их брак после Таинства вошло какое-то новое измерение. «Как окно открыли в душевной комнате», — сказала недавно одна прихожанка. В брак входят радость, свет, новые сильные чувства. Поистине Христос творит чудо — воду их отношений претворяет в вино.

Но мы так увлеклись рассказом о Таинстве и брачующихся, что забыли о гостях.

Чем во время браковенчания занимаются многочисленные родственники и друзья, пришедшие в храм на торжество?

Молятся. Не бродят по храму, не сидят на лавках, а молятся. Они не зрители, а участники, потому что в молитве участвуют все.

О чем мы молимся? О том, чтобы брак состоялся, чтобы он продлился долгие годы и чтобы Бог даровал Свою благодать молодоженам. Чтобы те преуспевали в любви, вере, служении миру.

После окончания чтений Священного Писания произносится ектения и поется Молитва Господня — Отче наш. Это самая главная христианская молитва, собственно, единственная молитва, которую оставил Своим ученикам Господь Иисус Христос.

Затем священнику подносят чашу с вином, он читает молитву над чашей и благословляет ее: *«Боже, все сотворивший силою Твоею, и утвердивший вселенную, и украсивший венец всего, Тобою сотворенного, и эту общую чашу подавая сочетавшимся ко общению брака, благослови благословением духовным. Ибо благословенно Твое имя, и прославлено Твое Царство, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и всегда, и во веки веков».*

Эта чаша подается молодоженам, и каждый из нее испивает трижды. Эта чаша, напоминающая о пире, празднике, символизирует и общую чашу жизни, которую отныне будут пить новобрачные вместе.

В Византии этот обряд совершался не в храме, а дома. Молодые пили при входе в дом чашу с вином, которую им подавали родители (как у нас сегодня обычаем встречать молодых хлебом-солью), а потом... разбивали ее об пол. Это чаша их совместной жизни, и никто, кроме них, пить из нее не будет.

Когда обряд перенесли в храм и включили в брачную церемонию (это произошло около X века или немного раньше), чашу разбивать перестали.

Далее следует трогательный обряд. Священник скрепляет руки новобрачных, накрывает их лентой епитрахили

и ведет молодых вокруг аналоя — специального столика, на котором лежит Евангелие. Священник идет с крестом в руке, и он символизирует здесь Самого Христа. Христос ведет мужа и жену! Евангелие, вокруг которого идут новобрачные, означает, что Слово Божие будет находиться в центре их жизни, в средоточии их пути.

Хор во время шествия поет ликующие песнопения:

«Исаия, ликуй! Дева зачала во чреве и родила Сына Эммануила, Бога и человека, Восток — имя Ему. Его величая, мы Деву восхваляем.

Святые мученики, прекрасно подвизавшиеся и увенчанные, ходатайствуйте пред Господом о помиловании душ наших.

Слава Тебе, Христе Боже, Апостолов похвала, мучеников радость, (тех, чья проповедь) — Троица единосущная».

Тут и моление к Божией Матери, и... гимн мученикам.

Почему такие песнопения в радостный день Браковенчания? Потому что супружеская жизнь не всегда легка. И на путях этой жизни будут скорби, тернии, болезни... Но Церковь, напоминая о мучениках, этих героях, рыцарях духа, говорит, что нам не должно унывать. Бог с нами. Он и укрепит, и даст сил перенести все невзгоды. И вознаградит, если все смиренно перенесем, венцом победителя в Царствии Небесном.

Венцы снимаются. Свечи гасятся.

Священник произносит: *«Возвеличься, жених, как Авраам! Будь благословен, как Исаак! Да умножится твое потомство, как у Иакова! Иди в мир и твори в праведности заповеди Божии».*

Затем батюшка обращается к невесте: *«И ты, невеста, будь возвеличена, как Сара, веселись, как Ревекка, умножься в потомстве, как Рахиль. Радуйся о муже и храни закон церковный, ибо этого желает Бог».*

Все благословения, излившиеся на праотцев, патриархов, теперь с нашими молодоженами. Пусть идут в мире

и строят с помощью Божией свои отношения. И возрастают душою и потомством от славы к славе!

Заканчивается Таинство торжественной молитвой, обращенной ко всем трем Лицам Святой Троицы: *«Отец, Сын и Святой Дух, Всесвятая и Единосущная и Животворящая Троица, Единый Господь Небесного Царства, да благословит вас и да даст вам долгую жизнь, хороших детей, совершенство в жизни и в вере...»*

«Благоденственное и мирное житие...» — начинает негромко диакон...

«...здравие же и спасение и во всем благое поспешение, изобилие плодов, взаимную любовь и согласие, — продолжает он громогласно, *— подаждь, Господи, рабам Твоим, ныне браковенчанным (имена), и сохрани их на многая лета!»* — заканчивает диакон на пределе голосовых возможностей.

Хор отвечает: *«Многая лета! Многая лета! Многая лета!»*

«Многая лета!» — присоединимся и мы к этому ликующему гимну всем добрым и честным супругам.

Заканчивается Таинство Браковенчания проповедью. Затем следует поздравление молодых и торжество переносится в трапезную.

Это может быть трапезная храма, кафе, ресторан. Только не забудем начать застолье совместной молитвой.

И еще: будем есть, пить и веселиться, но помнить меру.

Приложение 2

МИССИОНЕРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ЧИНУ ОТПЕВАНИЯ

Совершая Чин погребения мирянина, нужно внимательно отнестись к следующим положениям:

1. Кто перед нами? Младенец, юноша, взрослый человек или старец.

2. Умер он в покаянии, в общении с Церковью или отдалившись от Нее.

3. Какой была его смерть? Скоропостижной и неожиданной или ожидаемой и осознанной. Человек погиб при трагических обстоятельствах, исполняя свой долг, спасая жизнь другого человека или желая совершить злое намерение и причиняя страдания другим.

4. Погиб ли он насильственной смертью, страдая от болезни, или сам сократил свою жизнь, находясь во власти страстей и пороков.

5. С особым вниманием следует отнестись к отпеванию самоубийц, совершаемому по благословению епархиальной власти.

От этих и подобных обстоятельств будет зависеть содержание проповеди священника при отпевании покойного. Ниже мы приведем вариант проповеди общего характера, который возможно изменять в зависимости от вышеупомянутых обстоятельств.

Обратиться к молящимся при отпевании желательно в трех пунктах:

1. Перед началом отпевания.

2. После прочтения Апостола и Евангелия.

2. По завершении Чина отпевания.

Слово I. Перед началом отпевания.

Дорогие братья и сестры!

Мы с вами являемся свидетелями великого таинства смерти! Смерть, как последствие грехопадения, есть несомненная трагедия. Она — неотвратимый итог отпадения человека от Бога — Источника нашей жизни. Смертью болезненно рассекается и раздирается человек на две части: душу и тело.

И вместе с тем происходит нечто таинственное и величественное — встреча бессмертной души человека с Живым Богом.

Земной путь покойного завершен. И теперь Господь призывает его принести плоды своих трудов. За всю свою прожитую жизнь он должен дать ответ. За свои дела, слова и мысли. За свое отношение к Богу и людям.

Мы все связаны друг с другом тончайшими духовными нитями. Мы все в ответе друг за друга. Поэтому и от нас тоже зависит его дальнейшая судьба.

Чем же можем мы помочь ему?

В первую очередь — простить его от всего сердца. И попросить у него прощения.

Мы должны постараться восполнить то, что, может быть, он не успел сделать, живя здесь на этой земле. Подать милостыню нуждающимся. Вернуть его долги. Помочь его близким. Творить дела любви и милосердия в память о нем.

И самое главное — мы должны молиться за усопшего. Молитва — это великая сила! Ей подвластно все: расстояние и время, жизнь и смерть, этот мир и будущий.

Для молитвы мы собрались сегодня. Покойный был членом Церкви Христовой, и поэтому мы можем с дерзновением общей церковной мольбой взывать: Господи, он был Твоим учеником и нашим братом — спаси его!

Пусть образом этой нашей горячей молитвы за покойного будут горящие свечи, которые вы держите в руках. И пусть их свет, свет нашей любви и молитвы, свет наших

добрых дел в память о покойном разгонит мрак его грехопадений, и Господь с милостью и любовью примет его в Свое вечное Царство! Помолимся.

Слово II. После прочтения Апостола и Евангелия.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Почему мы собрались сегодня здесь, в христианском, православном храме, почему мы принесли сюда покойного и возносим за него молитвы Богу?

Потому что мы верим в воскресение Господа нашего Иисуса Христа!

Мы верим, что Он, будучи Богом, сошел на землю, стал человеком — одним из нас. Стал им для того, чтобы избавить нас от греха и его последствия — смерти!

Христос страдал и умер за нас на Кресте! Сошел в ад и, уничтожив смерть, воскрес!

Он Своим воскресением открыл нам путь в вечное Царство жизни!

И поэтому верующему во Христа больше не страшна эта физическая смерть! Не страшна она, потому что за ее порогом нас ждет воскресший Господь! Господь, Которому мы посвящаем свою временную жизнь и Который в ответ на это дает нам Жизнь Вечную!

Он воскресением Своим восстановил в Себе Самом раздробленного смертью человека и вознес его на небеса, даровав ему вечную жизнь!

Поэтому физическая наша смерть теперь — не окончательный приговор! Мы все воскреснем, как воскрес Христос. И воскресенное тело наше вновь соединится с душой, когда придет Христос судить этот мир!

Мы все воскреснем, но не все войдем в блаженную вечность! Праведники воскреснут для вечной славы со Христом, а грешники — для осуждения!

Господь есть Великий Творец, Создатель этого мира и человека. Он — источник бытия! Он — источник Жизни!

И если мы живем в отрыве от Него, то жизнь наша есть существование и конец ее — смерть и уничтожение! Но если мы живем с Богом, если мы соединяемся с Ним, как источником Жизни, то у нас есть будущее, у нас есть вечная бессмертная жизнь!

Надеждой на вечную жизнь, верой в воскресение мертвых живет христианская Церковь. Смерть христианина не есть уход в небытие, но временное расставание души и тела. И в этом расставании помимо естественной горечи смерти есть надежда и радость встречи с Богом! Поэтому при отпевании мы облачаемся в белые ризы как символ нашей веры в воскресение, символ торжества жизни над смертью!

Будем молиться, чтобы Господь умножил в нас эту веру! Будем молиться о том, чтобы Господь, видя наши усилия, нашу теплую молитву, нашу любовь к покойному, простил грехи его и спас от гибели душу усопшего раба Своего!

Сейчас, перед тем как вы будете прощаться с покойным, принося ему свое последнее целование, я прочту над ним разрешительную молитву, в которой от лица Церкви испрошу у Господа прощение его вольных и невольных грехов.

Слово III. По завершении Чина отпевания.

В завершение нашей общей молитвы за усопшего, по церковной традиции, мы посыпаем его землей в память о том, что, сотворенный из земли, он вновь отходит в землю, и из этой же земли он будет воскрешен и восстановлен в целостности своей в день второго пришествия Господня, чтобы получить окончательное воздаяние за свою земную жизнь.

Пусть сегодняшняя наша усердная молитва не умолкает, но как свидетельство нашей любви к покойному, как надежда наша на его спасение, как наша вера во всеобщее воскресение продолжается непрестанно. Не только в храме или на кладбище, но и дома, не только в дни памяти, но еже-

дневно мы должны возносить свои молитвы о наших родных и близких, о живых и усопших, вспоминая слова святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Будешь молиться за других, за тебя все небо будет ходатайствовать!»

Приложение 3 ПЛАН КАТЕХИЗАЦИИ

Катехизация (оглашение)

Катехизация (от греч. слова «катехизис» — *κατήχησις* — поучение, наставление) есть научение истинам православной веры и чину церковной жизни. Целью катехизации является воцерковление — приобщение человека к христианской богоугодной жизни и Церкви Христовой.

Предлагаемый курс катехизации условно делится на три этапа:

1) с начала церковного годового *индикта* (1/14 сентября) до праздника Крещения Господня,

2) от Крещения до Пасхи,

3) от Пасхи до первой недели по Пятидесятнице.

На каждом этапе *катехуменам* рекомендуется еженедельно посещать встречи группы катехизации, в рамках которых организуется цикл тематических лекций—бесед, участвовать в богослужении и выполнять домашнее задание, которое прилагается в конце описания каждого этапа. В течение оглашения возможно участие в паломнических поездках.

Рекомендуемая норма домашних чтений в течение:

– 1-го этапа — 8 глав из книг Ветхого Завета и 7 глав из книг Нового Завета в неделю,

– 2-го этапа — 15 глав из книг Ветхого Завета в неделю в течение первых двух месяцев,

– 3-го этапа — по 13 глав из книг Нового Завета перед каждой очередной встречей.

В конце описания каждого этапа прилагается конкретный список книг Священного Писания для чтения в качестве домашнего задания.

Книга Псалтирь читается катехуменами в течение первого и второго этапов катехизации во время проведения

каждой встречи, начиная с 1-го и далее до конца Псалтири: 3 псалма в начале и 1–2 в конце встречи. К окончанию 2-го этапа книга Псалтирь прочитывается полностью.

В качестве домашнего задания также предлагается самостоятельное изучение церковнославянского языка с последующей проверкой на предмет усвоения материала в виде чтения вслух любого псалма по-церковнославянски во время встреч 2-го этапа оглашения.

Частота проведения встреч:

- 1-й и 2-й этапы — 1 раз в неделю,
- 3-й этап — ежедневно в течение 7 дней («Светлая Седмица») и далее — 1-2 раза в неделю до конца катехизации.

Длительность встречи: 2,5–3 часа с перерывом на чай.

В конце 2-го этапа, который должен совпасть со Страстной седмицей, предпочтительно в Великую Субботу, совершается крещение некрещеных членов группы катехизации.

В первой половине встречи предполагается чтение лекции, во второй — ответы на вопросы по лекции, прочитанным в качестве домашнего задания главам Библии или любые другие, волнующие катехуменов и имеющие отношение к Христианству. Возможно периодически проведение встреч без чтения лекций, полностью посвященных ответам на вопросы катехуменов.

В плане огласительных бесед предлагаются темы для формирования у катехуменов догматически цельного и нравственно устойчивого православного мировоззрения на основании святоотеческого учения Церкви. Темы раскрываются постепенно, в логической последовательности, в соответствии с духовно-нравственным уровнем восприятия оглашаемых, церковным календарем, богослужебным ритмом, исторической и библейской хронологией. Предлагаемые темы могут звучать в течение как одной, так и нескольких встреч. Нравственные и культурологические вопросы рекомендуется рассматривать в качестве приложений к библейско-богословским и историческим темам.

План лекций и бесед 1-го этапа

1. Что такое катехизация (оглашение)

Краткий исторический экскурс, важность оглашения в Древней Церкви и в настоящий период. Цель и смысл христианской жизни — спасение. Организационные вопросы, в т.ч. следующие рекомендации катехуменам:

- участие в богослужении,
- учиться молитве: по молитвослову и своими словами,
- приведение своей жизни в соответствие с этическими принципами Православной Церкви,
- чтение Священного Писания.

2. Основы христианской православной этики

Этика, нравственность и мораль в христианском понимании.

3. Священное Писание и Священное Предание

Богодуховенность. Главный предмет Священного Писания. Буквальный и другие смыслы Писания. Деление книг Ветхого и Нового Заветов. Четвероевангелие как ядро Нового Завета.

4. Сотворение мира (Шестоднев)

Начало бытия мира. Этапы сотворения мира до сотворения человека. Библейская точка зрения на происхождение вселенной и языческая космология и космогония.

5. Сотворение человека

Основы христианской антропологии. Образ и подобие Божие в человеке.

6. Грехопадение

Появление зла в мире. Добро, зло, грех.

7. Жизнь людей после грехопадения. Заветы Бога с человеком

Историко-богословский обзор жизни богоизбранного народа. Церковное учение о Промысле Божиим. Заветы Бога с человеком. Соотношение Заветов.

8. Понятие «закон». Декалог

Историко-богословский разбор Десяти заповедей.

9. Пророки Ветхого Завета. Мессианские пророчества

Ветхий Завет — это ожидание Мессии.

10. Первый (подготовительный) этап земной жизни Господа Иисуса Христа. (В оглавлении книги — «Начало Евангелия. Богоявление»)

Благовещение. Рождество Христово. Крещение с последующими искушениями.

В течение 1-го этапа катехуменам предлагаются в качестве домашнего чтения следующие книги Библии:

- *Евангелие от Матфея,*
- *Евангелие от Марка,*
- *Евангелие от Луки,*
- *Бытие,*
- *Исход,*
- *Второзаконие,*
- *Книга пророка Исайи.*

В течение 1-го этапа катехуменам рекомендуется участие в богослужении (на Божественной Литургии) не реже одного раза в неделю.

Длительность 1-го этапа — 4 месяца.

План лекций и бесед 2-го этапа

1. Второй (благовестнический) этап жизни Господа Иисуса Христа. (В оглавлении книги — «Евангелие. Благая весть Иисуса Христа»)

Нагорная проповедь, Заповеди блаженств и молитва «Отче наш». Евангельские притчи: о блудном сыне, о самарянине и о талантах. Понятия «справедливость» и «правда» в христианстве. Христианское отношение к браку.

12. Третий (искупительно-спасительный) этап жизни Господа Иисуса Христа (от входа в Иерусалим до Воз-

несения). *(В оглавлении книги — «Евангелие. Крестная смерть и Воскресение Иисуса Христа»)*

Христос — Новая Пасха. Заключение Христом — Новым Адамом — Нового Завета с Богом. Православная и другие теории искупления человечества Христом. Христология.

13. Пятидесятница. Рождение Церкви. Введение в Эклесиологию

Пневматология: Действие Святого Духа до и после Пятидесятницы, присутствие Духа Святого в личной жизни каждого христианина. Эклесиология: Что такое Церковь. Ее происхождение. Ветхозаветная и новозаветная Церковь. Внешняя (каноническая) и сокровенная (мистическая) жизнь Церкви.

14. Чтение документа «Основы Социальной Концепции Русской Православной Церкви»

Главы: «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности», «Проблемы биоэтики», «Война и мир» и по возможности другие.

15. Покаяние — необходимое условие спасения

16. О молитве

Молитвенная практика Церкви: личная и соборная молитва христианина.

17. Пост в жизни христианина

Введение в святоотеческую аскетическую традицию.

18. Творчество. Христианство и искусство

Человек — со-творец Богу. Влияние искусства на формирование христианского мировоззрения. Искусство как форма выражения веры.

19. Христианство и магизм. Усилие и насилие

Магизм как антипод религиозности. Феномен чуда как действие Бога в мире. Православное отношение к чудесам.

20. Христианское отношение к смерти. Введение в эсхатологию

Откровение о конце истории человечества. Исполнение Нового Завета: второе пришествие Христа, общее Воскресение и Суд (частный и общий), полнота Жизни вечной.

В течение 2-го этапа катехуменам предлагаются в качестве домашнего чтения следующие книги Библии:

- *1-я Книга Царств,*
- *2-я Книга Царств,*
- *3-я Книга Царств,*
- *Книга пророка Ионы,*
- *Книга пророка Даниила,*
- *Книга Притчей Соломоновых.*

По желанию список можно добавить следующими книгами Библии:

- *4-я Книга Царств,*
- *Книга Премудрости Соломона,*
- *Книга Екклесиаста,*
- *Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова,*
- *Книга Иова.*

В течение 2-го этапа катехуменам предлагается в качестве домашнего задания выучить наизусть следующие молитвы:

- *«Отче наш...»,*
- *Символ веры,*
- *«Царю Небесный...»,*
- *«Достойно есть...»,*
- *«Богородице Дево, радуйся...»,*
- *Декалог,*
- *Заповеди блаженств.*

В течение 2-го этапа катехуменам рекомендуется участие в богослужении не реже 2-х раз в неделю: на Всенощном бдении и Божественной Литургии.

Длительность 2-го этапа — 4 месяца.

План лекций и бесед 3-го этапа

21. Божественное Откровение и Богопознание

Способы, условия и границы Богопознания.

22. Никео-Царьградский Символ веры. Введение в три- нитологию, христологию и пневматологию

История создания, смысл и значение Символа веры.

23. Введение в богослужебный устав. Божественная Литургия. Всенощное бдение

Структура богослужения. Богослужебная практика Церкви.

24. Общинная жизнь в Церкви

Служения: миссионерское, социальное и пр.

25. Таинства и священнодействия Церкви

Крещение, Миропомазание, Покаяние, Евхаристия, Брак, Священство, Елеосвящение.

26. Церковь и церкви в истории. Введение в сравни- тельное богословие

Православие и другие христианские вероисповедания. Церковь и человеческая индивидуальность, церковь и общество. Церковь и государство, законодательство о свободе совести и его исполнение. Современное положение и жизнь автокефальных православных церквей. Роль и место своей епархии и прихода-общины в Церкви и мире.

27. Учение о спасении. Введение в сотериологию

Цель и смысл христианской жизни — обожение.

В течение 3-го этапа катехуменам предлагаются в качестве домашнего чтения следующие книги Библии:

- *Евангелие от Иоанна*,
- *Книга Деяний святых Апостолов*,
- *Апостольские послания*,
- *Откровение Иоанна Богослова*.

Оставшиеся непрочитанными книги Священного Писания предлагается прочитать после прохождения катехизации в течение года.

Рекомендуемая частота проведения встреч 3-го этапа — ежедневно в течение недели («Светлая Седмица») и далее — 1–2 раза в неделю до конца катехизации.

Длительность 3-го этапа — около 2 месяцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антоний Сурожский (Блум), митр. Жизнь. Болезнь. Смерть / митр. Антоний Сурожский (Блум). — М., 2015. — 32 с.

Антоний Сурожский (Блум), митр. Православие и мир. Беседа на тему: Почему я не боюсь смерти [Электронный ресурс] / митр. Антоний Сурожский (Блум). Режим доступа: URL: <http://www.pravmir.ru/mitropolit-antonijpochemu-ya-ne-bojus-smerti-video/> (дата обращения: 18.01.2017).

Антоний Сурожский (Блум), митр. Труды / митр. Антоний Сурожский (Блум). — М.: Практика, 2002. — 1080 с.

Антоний Сурожский (Блум), митр. Труды. Книга вторая / митр. Антоний Сурожский (Блум). — М.: Практика, 2007. — 968 с.

Афанасий (Сахаров), свт. О поминовении усопших по уставу Православной Церкви [Электронный ресурс] / свт. Афанасий (Сахаров). Режим доступа: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Saharov/o-pomimovanii-usopshikh-po-ustavu-pravoslavnoi-cerkvi/2 (дата обращения: 20.12.2016).

Бердяев Н. А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека) / Н. А. Бердяев. — М., 1916. — 358 с.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1997. — 1670 с.

Бийон Ж., Грюзон Ф. Как читать Ветхий Завет / Ж. Бийон, Ф. Грюзон. — СПб., 2010. — 184 с.

Богословские труды. Сб. 17. — М., 1977. — 253 с.

Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. В 4 т. / В. В. Болотов. — Минск, 2008. — 768 с.

Болотов В. В. Собрание церковно-исторических трудов / В. В. Болотов. — М., 1999. — 338 с.

Гриц И., Гриц М. Таинство детства — Беседы с архимандритом Виктором (Мамонтовым) / И. Гриц, М. Гриц. — М., 2005. — 240 с.

Гулыга А. В. Творцы русской идеи / А. В. Гулыга. — М., 2006. — 377 с.

Данн Д. Д. Единство и многообразие в Новом Завете. Исследование природы первоначального христианства / Д. Д. Данн. — М., 1997. — 523 с.

Дворкин А. Л. Очерки по истории вселенской Православной Церкви / А. Л. Дворкин. — Нижний Новгород, 2003. — 816 с.

Додд Ч. Г. Основатель христианства / Ч. Г. Додд. — М., 1993. — 175 с.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. — М., 1972. — 687 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 16 / Ф. М. Достоевский. — М., 1972.

Ианнуарий (Ивлиев), архим. Проповедь на Богоявление [Электронный ресурс] / архим. Ианнуарий (Ивлиев). Режим доступа: URL: https://azbyka.ru/ivliev/apostol_bogoyavlenie-all.shtml (дата обращения: 03.02.2017).

Игнатий (Брянчанинов), свт. Сочинения в 5 т. Т. 3. / свт. Игнатий (Брянчанинов). — СПб.: Паломник, 1905.

Иеремиас И. Богословие Нового Завета. Часть 1. Провозвестие Иисуса / И. Иеремиас. — М., 1999. — 367 с.

Иларион (Алфеев), епископ. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие / еп. Иларион (Алфеев). — Клин: Христианская жизнь, 2004. — 304 с.

Иларион (Алфеев), иером. Таинство веры / иером. Иларион (Алфеев). — М. — Клин: Братства святителя Тихона, 1996. — 254 с.

Иларион (Алфеев), митр. Православие. В 2 т. / митр. Иларион (Алфеев). — М., 2009. — 946 с.

Иларион (Алфеев), митр. Таинство веры: XI. Душа после смерти [Электронный ресурс] / митр. Иларион (Алфеев). Режим доступа: URL: <http://predanie.ru/ilarion-alfeev-mitropolit/book/67903-tainstvoveryvvedenie-v-pravoslavnoe-bogoslovie/#toc77> (дата обращения: 18.02.2017).

Иларион (Троицкий), сщмч. Христианства нет без Церкви / сщмч. Иларион (Троицкий). — М., 2007. — 351 с.

Иоанн Дамаскин, свт. Точное изложение православной веры / свт. Иоанн Дамаскин. — М., 1998.

Иоанн Златоуст, свт. Огласительное слово на Пасху [Электронный ресурс] / свт. Иоанн Златоуст. Режим доступа: URL: <http://www.pravoslavie.ru/61346.html> (дата обращения: 12.01.2017).

Иоанн Златоуст, свт. Толкование Священного Писания на Мф. 06:33 [Электронный ресурс] / свт. Иоанн Златоуст. Режим доступа: URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:06:33> (дата обращения: 12.01.2017).

Иринеи Лионский, сщмч. Творения / сщмч. Иринеи Лионский. — М.: Паломник, 1996. — 640 с.

Иустин (Попович), преп. Догматика Православной Церкви. Сотериология / преп. Иустин (Попович). — М., 2005. — 606 с.

Иустин (Попович), преп. Догматика Православной Церкви. Экклесиология / преп. Иустин (Попович). — М., 2005. — 288 с.

Карташов А. В. Вселенские соборы / А. В. Карташов. — М., 1994. — 359 с.

Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское поколение / еп. Кассиан (Безобразов). — Париж, 1950. — 260 с.

Катон Марк Порций. Земледелие / Марк Порций Катон; пер. и комм. М. Е. Сергеевко при участии С. И. Протасовой. — М., 1950.

Кашкин А. С. Учебное пособие по Литургике / А. С. Кашкин. Саратовская Православная Духовная Семинария. — Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2010. — 687 с.

Князев А., прот. Пророки. Вестник Русского Студенческого Христианского Движения / прот. А. Князев. — Париж, 1972, № 103, с. 7–32; № 104–105, с. 42–60; № 106, с. 24–44.

Кочетков Георгий, свящ. В начале было Слово. Катехизис для просвещаемых / свящ. Георгий Кочетков. — М.: СФИ, 2007. — 464 с.

Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие / В. Н. Лосский. — М., 1990. — 288 с.

Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н. О. Лосский. — М., 1995. — 400 с.

Максимов Георгий, диак. Вне Церкви нет спасения / диак. Георгий Максимов. — М., 2012. — 103 с.

Мансуров Сергей, свящ. Очерки из истории Церкви / свящ. Сергей Мансуров. — Клин, 2002. — 328 с.

Мень Александр, прот. Вестники Царства Божия. В 7 т. Т. 5 / прот. Александр Мень. — Л., 1991. — 431 с.

Мень Александр, прот. Исагогика. Ветхий Завет / прот. Александр Мень. — М., 2000. — 631 с.

Мень Александр, прот. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Том 2. Магизм и Единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. [Электронный ресурс] / прот. Александр Мень. Режим доступа: URL: <http://www.alexandrmnen.ru/books/tom2/> (дата обращения 07.11.2016).

Мень Александр, прот. Сын Человеческий / прот. Александр Мень. — М., 1991. — 464 с.

Мейендорф Иоанн, протопресв. Введение в святоотеческое богословие / протопресв. Иоанн Мейендорф. — Минск: Лучи Софии, 2001. — 382 с.

Мейендорф Иоанн, протопресв. Иисус Христос в восточном православном богословии / протопресв. Иоанн Мейендорф. — М.: ПСТБИ, 2000. — 324 с.

Ориген. Письмо к святому Григорию Чудотворцу. Творения св. Григория Чудотворца. М., 1996.

Пархоменко Константин, прот. Чудеса Христовы [Электронный ресурс] / прот. Константин Пархоменко. Режим доступа: URL: <https://azbyka.ru/parkhomenko/chudesa-v-biblii.html#n1> (дата обращения 03.12.2016).

Потапов В., прот. Смысл и структура Всенощного Бдения [Электронный ресурс] / В. Потапов. Режим доступа: URL: <https://azbyka.ru/vsenoshhnoe-bdenie#Meaning> (дата обращения: 04.01.2017).

Рудаков Александр, прот. Краткая история христианской церкви / прот. Александр Рудаков. — М., 1999. — 100 с.

Саровский Серафим, преп. О цели жизни нашей христианской. Беседа преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым. В 2 т. / преп. Серафим Саровский. — Сергиев Посад, 1914.

Сергий (Страгородский), архим. Православное учение о спасении / архим. Сергей (Страгородский). — Казань, 1898. — 162 с.

Скабалланович М. Н. Толковый Типикон [Электронный ресурс] / М. Н. Скабалланович. Режим доступа: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Skaballanovich/tolkovuj-tipikon/12 (дата обращения: 20.02.2017).

Скурат К. Е. Христианское учение о молитве и ее значение в деле нравственного совершенствования [Электронный ресурс] / К. Е. Скурат. Режим доступа: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Skurat/hristianskoe-uchenie-o-molitve-i-ee-znachenie-v-dele-nravstvennogo-sovershenstvovanija/ (дата обращения 02.01.2017).

Служебник / М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. — 592 с.

Соловьев В. С. Соч. В 2 т. Т. 1 / В. С. Соловьев. — М., 1998. — 895 с.

Сорокин Александр, прот. Введение в Священное Писание Ветхого Завета / прот. Александр Сорокин. — СПб., 2009. — 408 с.

Сорокин Александр, прот. Христос и Церковь в Новом Завете. Введение в Новый Завет / прот. Александр Сорокин. М.: Издательство Крутицкого подворья, 2006. — 646 с.

Софроний (Сахаров), схиархим. Старец Силуан Афонский. Т. 2 / схиархим. Софроний (Сахаров). — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011. — 167 с.

Терещенко Т. Н. Симфония по творениям свт. Тихона Задонского [Электронный ресурс] / Т. Н. Терещенко. Режим доступа: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/simfoniya-po-tvorenijam-svt-tihona-zadonskogo/155 (дата обращения 17.12.2016).

Фельми К. Х. Введение в современное православное богословие / К. Х. Фельми. — М., 2014. — 352 с.

Филарет Московский, свт. Православный катехизис / свт. Филарет Московский. — СПб., 1996. — 159 с.

Флоровский Г. В. Восточные отцы V-VIII веков / Г. В. Флоровский. — М., 1992. — 115 с.

Шарпантье Э., Бюрне Р. Как читать Новый Завет / Э. Шарпантье, Р. Бюрне. — СПб., 2010. — 158 с.

Шмеман А., протопр. Православное богослужение. Литургия [Электронный ресурс] / протопр. А. Шмеман. Режим доступа: URL: <https://azbyka.ru/pravoslavnoe-bogoslužhenie-liturgiia> (дата обращения: 18.01.2017).

Шмеман Александр, прот. Литургия смерти и современная культура. Смерть как «невроз» [Электронный ресурс] / прот. Александр Шмеман. Режим доступа: URL: http://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/liturgija-smerti-i-sovremennaja-kultura/ (дата обращения: 30.01.2017).

Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. — М., 1993. — 663 с.

Дополнительные ресурсы

Портал «Православная энциклопедия “Азбука веры”». <https://azbyka.ru/>

Портал «Свод житейской мудрости». <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/49122.html?page=2>

Электронная христианская библиотека. <http://bibleoteka.com/statements/word.html>

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аввакум, пророк — 29
Августин, бенедиктинский монах († 604 г.) — 244
Авденаго — 80
Авдий, пророк — 34
Аггей, пророк — 33
Адонаи (Господин) (имя Бога) — 190
Акакий, патриарх (471–488 гг.) — 233
Александр III, папа — 251
Амвросий Медиоланский, святитель (ок. 340–397 гг.) — 127, 242
Амос, пророк — 19, 20, 27
Амфилохий (Макрис), старец — 340
Андроник III, император (1328–1341 гг.) — 237
Ансельм, архиепископ Кентерберийский († 1109 г.) — 249
Антоний, митрополит Сурожский — 166, 168, 170
Аполлинарий Лаодикийский († 390 г.) — 231
Апостол любви (апостол Иоанн) — 50
Арий, александрийский пресвитер (256–336 гг.) — 231
Аристотель (IV в. до Р.Х.) — 139
Афанасий Великий, святитель (ок. 298–373 гг.) — 126, 127, 200, 227, 231, 260
Афанасьев Николай, протопресвитер — 281
Афинагор, философ, апологет — 239
Ахия — 24
- Бенедикт VIII, папа (1012 — 1024 гг.) — 247
Бенедикт XII, папа — 237
Бенедикт Аньянский, монастырский реформатор († 821 г.) — 247
Бенедикт Нурсийский, преподобный — 247
Бердяев Николай — 140, 141, 145
Бернар Клервоский († 1153 г.) — 250
Бернар Шартрский — 250
Блаженный Августин († 430 г.) — 242, 308, 321
Блез Паскаль — 158
Болотов Василий Васильевич — 183
Бонифаций VIII, папа (1294–1303 гг.) — 251
Булгаков Сергей, священник — 136

Валент, император (364–378 гг.) — 231
Вальтер Сен-Викторский (XII в.) — 250
Варлаам, калабрийский монах — 237
Василид и Валентин — 227
Василий I, император — 236
Василий Великий — 201, 231
Веспасиан — 225
Вильгельм Шмидт — 153
Владимир, св. равноап. князь — 237
Вседержитель (греч. Панторкатор) — 195, 197
Второисайя — 31
Вульфила, просветитель гóтов († 381 г.) — 242

Гад — 24
Галерий, император — 241
Генрих Распетюрингенский, Германский император (1246–1247 гг.) — 251
Герман Константинопольский, св. (VIII в.) — 305
Глубоковский Николай Никонорович — 183
Григорий I, папа — 244
Григорий VII, папа (Гильдебранд) († 1085 г.) — 248
Григорий X, папа — 251
Григорий XI, последний «авиньонский» папа (1370–1378 гг.) — 252
Григорий Богослов — 201, 231
Григорий Нисский — 201, 231
Григорий Палама, святитель († 1359 г.) — 177, 237
Григорий Просветитель, св., 1-й епископ Армении — 229
Григорий Чудотворец, святой — 184
Гуго Сен-Викторский († 1141 г.) — 250
Гумберт, кардинал — 248

Давид, епископ Меневиийский († 588 г.) — 244
Данелия Георгий — 158
Даниил, пророк — 35
Дарий I, персидский царь (520 г. до Р.Х.) — 33
Девтероисайя — 28, 31
Декий, император (249–251 гг.) — 86, 229
Джироламо Савонарола, монах-доминиканец († 1498 г.) — 253
Джон Уиклиф († 1384 г.) — 252, 253
Диоклетиан, император (284–305 гг.) — 87, 229

Дионисий Александрийский, святитель († 265 г.) — 126

Дионисий Ареопагит, сщмч. — 239, 289

Диоскор, епископ — 233

Доик Идумеянин — 24

Домициан, император — 228

Донат, епископ — 241

Достоевский Федор Михайлович — 139, 143

Евгений IV, папа (1431–1447 гг.) — 253

Евсевий Кесарийский (260–340 гг.) — 125, 182

Евтихий, архимандрит — 232

Елисей, пророк — 26

еретики-гностики: Валентин, Кердон и Маркион — 239

Жильбер де ла Поррэ (или Порретанус) († 1154 г.) — 250

Захария, пророк — 33

Зенон, император — 233

Иаков Эвбейский, иеромонах — 325

Иезекииль, пророк — 30

Иеремия, пророк — 30

Иероним Пражский — 253

Игнатий, св. патриарх — 236

Игнатий Богоносец (2-й епископ Антиохийский) — 226

Игнатий Лойола — 254

Иисус Навин — 24

Иларий Пиктавийский, святитель († 366 г.) — 242

Илия (евр. Элиягу), пророк — 26

Иммануил Кант — 137

Имя Божие — 189

Иннокентий II, папа — 251

Иннокентий III, папа — 251

Иннокентий IV, папа — 251

Иннокентий XI, папа (1676–1689 гг.) — 254

Иоанн VIII, император (1425–1448 гг.) — 238

Иоанн XIX, папа — 247

Иоанн XXIII, папа — 255

Иоанн Векк, патриарх — 237

Иоанн Дамаскин, преп. († ок. 750 г.) — 235

Иоанн Зизиулас, митрополит — 320
Иоанн Златоуст — 128, 231, 289, 323, 328
Иоанн Креститель (Предтеча) — 39
Иоанн Кронштадтский, святой праведный — 129
Иоанн Лествичник, св. преп. — 132
Иоанн Милостивый, святитель — 234
Иоанн Мосх, блаженный († ок. 620 г.) — 234
Иоиль, пророк — 34
Иона, пророк — 34, 80
Иосия, царь — 29
Ишполит Римский святитель (ок. 170 — ок. 236 гг.) — 125, 240
Ираклий, император (610–641 гг.) — 234, 245
Иринеи Лионский священномученик († 202 г.) — 125, 190, 240, 257
Исайя, пророк — 28
Исидор, архиепископ Севильский († 636 г.) — 245
Исидор, митрополит — 253
Иустин философ, мученик — 125, 184, 226, 239, 328

Калликст II, папа — 250
каппадокийцы отцы (Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский) — 201
Карл Великий (768–814 гг.) — 246
Карл Мартелл, франкский майордом († 741 г.) — 246
Киприан, епископ Карфагенский — 240
Киприан (Керн), архимандрит — 299, 334
Киприм Карфагенский, святитель — 241
Кирилл, святитель, епископ Александрийский (444 г.) — 227, 232
Кирилл Аржанти, священник — 319
Кирилл и Мефодий, свв. равноап. — 236
Кирилл Иерусалимский, св. — 336, 340
Климент V, 1-й «авиньонский папа» (1305–1314 гг.) — 252
Климент VII, папа (1378–1394 гг.) — 252
Климент Александрийский († 215 г.) — 227
Климент, св., папа Римский — 239
Кодрат, апологет — 239
Константин V, император (741–775 гг.) — 235
Константин Великий, император — 230, 241
Констанций, император (337–361 гг.) — 231, 242
Корнелий, папа — 241

Лев I Великий, святитель, папа († 461 г.) — 127, 233, 243
Лев III, император (717–741 гг.) — 235, 246
Лев V, император (813–820 гг.) — 235
Лев VI Мудрый, император — 236
Лев IX (1049–1054 гг.) — 248
Лев X, папа — 253
Ликий (Лициний), император — 230
Логос — 257
Ломоносов Михаил Васильевич — 159
Лосский Владимир Николаевич — 150
Лосский Николай Онуфриевич — 140
Луи Пастер — 159

Макс Планк — 159
Максим Исповедник († 662 г.) — 234
Малахия, пророк — 33
Мариан, царь — 229
Марк Аврелий (161–180 гг.) — 226, 228
Марк Порций Катон Старший — 137
Мартин, св. папа — 245
Мартин V, папа — 253
Мартин Лютер — 252, 253
Мартин Турский, святитель († 397 г.) — 242
Мейендорф Иоанн, протоиерей — 200
Мень Александр, протоиерей — 152
Мешиах (Мессия), (евр.) (греч. Христос) (Помазанник) — 202
Мисах — 80
Михаил III Пьяница, император — 236
Михаил VIII Палеолог, император — 237
Михаил Керуларий, Константинопольский патриарх — 248
Михей, пророк — 29
Моисей, пророк — 21

Наум, пророк — 30
Нафан, пророк — 25
Нектарий, патриарх Константинопольский (398 г.) — 89
Ненний Арториус, (ок. 516–542 гг.) — 244
Нерон, император — 225, 228
Несторий, патриарх Константинопольский (428–431 гг.) — 232
Николай I, папа — 236

Николай Андидский, святитель (XI в.) — 297
Николай Кавасила (XIV в.) — 308
Нина, святая просветительница — 229
Новациан (Новатиан), пресвитер — 86, 241

Ода Марквард — 136
Олдама — 24
Олег, князь — 237
Ольга, св. княгиня — 237
орден Августинцев — 250
орден Госпитальеров (Иоанниты) — 250
орден Доминиканцев — 250
орден Кармелитов — 250
орден Картезианский — 250
орден Тамплиеров — 250
орден Тевтонский — 250
орден Францисканцев — 250
орден Цистерцианский — 250
Ориген (ок. 185 — 231 гг.) — 126, 184, 227
Освальд Шпенглер — 138
Осия, пророк — 27
Оттон I, II и III, короли из Саксонской династии — 247

Павел I, император — 287
Павел VI, папа — 255
Пантен, африканский философ-стоик — 227
Панторкатор (греч.) (Вседержитель) — 197
Патрик, св. независимой Ирландской Церкви († 461 г.) — 244
Пелагий († 420 г.) — 243
Петр Дамиани, кардинал († 1072 г.) — 248
Пий VI, папа (1775–1799 гг.) — 255
Пий IX, папа (1846–1878 гг.) — 255
Пипин III Короткий, король — 246
Поликарп Смирнский (2-й епископ Смирны) — 226, 240
Помазанник (евр. Мешиах (Мессия), греч. Христос) — 202
Пресвятая Троица — 197
Пушкин Александр Сергеевич — 145
Пьер Абеляр († 1142 г.) — 249

Ришар Сен-Викторский († 1173 г.) — 250
Ромул Августул, император — 243

Ростислав, князь — 236
Роу Александр — 151
Рублев Андрей, св., иконописец — 198

Савва Освященный — 210
Самуил, патриарх (1764 — 1768 гг.; † 1780 г.) — 238
Самуил, пророк — 24
Седрах — 80
Сен-Викторская мистическая школа — 250
Септимий Север, император — 228
Серафим Саровский, прп. — 261
Сергий, патриарх, основоположник ереси монофелитства — 234
Сергий Радонежский, преподобный — 198
Сигизмунд, император — 253
Силуан Афонский — 284
Симон Волхв — 239
Скабалланович Михаил Николаевич — 126
Соловьев Владимир — 135, 144
Софония, пророк — 29
Софроний, святитель, патриарх Иерусалимский († 638 г.) — 234
Стефан II, папа — 246

Тарковский Андрей — 158
Тертуллиан Квинт (ок. 160–220 гг.) — 126, 240
Тиридат, царь — 229
Тит — 225
Торквемада — 251
Траян, император (98–117 гг.) — 226
Тритоисайя — 28, 32
тропаство (Бенедикт IX, Сильвестр III, Иоанн XX) — 247
Тьерри († 1155 г.) — 250

Урбан VI, папа (1378–1339 гг.) — 252

Фабиан, папа — 240
Феликс II, папа — 233
Фелициссим — 86
Феодор Студит, преп. († 826 г.) — 235
Феодорит Кирский († ок. 457 г.) — 127
Феофан Затворник, святитель — 129, 340

Филипп IV Красивый, французский король (1285–1314 гг.) — 251

Флавиан, святитель — 243

Флоренский Павел, священник — 138, 198

Фотий, св. патриарх — 236

Фридрих II Штауфен — 251

Фульберт, епископ († 1028 г.) — 250

Херувимы — 290

Хильдерик III, король династии Меровингов — 246

Хлодвиг I Меровинг, король франков (481–511 гг.) — 244

Христос (греч.) (евр. Мешиах (Мессия)) (Помазанник) — 202

Целестий — 243

Цецилиан, епископ — 241

Шмеман Александр, протоиерей — 166, 167, 212, 299, 329

Элогим (Бог) — 197, 198

Эммануил — 28

Этельберт, король Кента (560–616 гг.) — 244

Эфесский II-й (разбойничий) Собор (449 г.) — 233

Юлиан Экланский — 243

Юстиниан, св. император (527–565 гг.) — 233

Ян Гус († 1415 г.) — 252, 253

Κύριος (Кириос) (греч.) (Господь) — 190

ο Ων (Суций) — 190

ПРЕДМЕТНЫЙ И ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авиньонское пленение пап (1309 – 1377 гг.) – 252
Агапа (греч.) (Вечеря любви) – 298
агапе (греч.) (любовь) – 51
Агнец (Святыня Тела Христова) – 294, 306
аджорнаменто (лат.) (осовременивание) – 255
Акакиевская схизма – 233
аксиос (греч.) (достойн) – 282, 293
Александрийская богословская школа – 205, 227
Александрийская огласительная школа – 227
аллегория – 205
алтарь – 289
амвон – 286
амвон архиерейский – 287
аналой – 352
Анафора (греч.) (Возношение) (Евхаристический канон) – 196, 221, 294, 329
Ангельские воинства – 290
антидор – 306
антиномия – 233
Антиохийская богословская школа – 205
Антиохийская огласительная школа – 227
антифоны – 288, 289
апокалиптика, жанр – 33
Аполлинария лжеучение – 200
апологет – 184, 226
Апостола чтение – 290
Апостоличность, свойство Церкви – 207
апостольские мужи – 226
«Апостольские постановления» – 329
апостольский век – 225
Апостольский Собор (49 г.) – 125
Апостольское правило – 127
апофатическое богословие – 188, 191
арианский Собор в Милане (355 г.) – 242
архиепископ – 285
Ассирийское царство – 30
ашам («жертва повинности») – 121

бессмертие — 301
Библиографический список — 367
благодать обоживающая — 261
Благословение хлеба и вина на Тайной Вечере — 62
богомилы — 241
богообщение — 257
богопознание — 181, 188
богослов — 182
богословие (феология) — 181
богослужebные сосуды — 306
богослужebный устав — 209
богослужение — 99, 209
богоявление (греч. теофания) — 38, 39
Божественная Литургия — 216, 284, 298, 301
Божественное Откровение — 181
борьба — 108
брак (брачный союз) — 344
Британская Церковь — 244

Вавилонский плен — 30
великая вечерня — 213
Великая ектения — 290
Великая схизма 1054 г. — 248
Великий вход — 291, 325
Великий пост (Четырeдeсятница) — 126
«Великий раскол» папства (1378 — 1417 гг.) — 252
великое повечерие — 213
Великое славословие — 215
Великой схизмы 1054 г. прекращение (1965 г.) — 255
венец — 348
Верденский раздел (843 г.) — 247
Византии гибель (1453 г.) — 238
Виттенбергский собор — 253
воздержание — 119
воздух — 290
воин Божий — 312
воля Божественная — 234
Вормсский конкордат (1127 г.) — 250
Воскресение Иисуса Христа — 65
вретище — 80

- Вселенские Соборы — 230
 Вселенский Собор I (Никея, 325 г.) — 196, 200, 231
 Вселенский Собор II (Царьград (Константинополь), 381 г.) — 196, 201, 231
 Вселенский Собор III (Ефес, 431 г.) — 204, 205, 232
 Вселенский Собор IV (Халкидон, 451 г.) — 191, 205, 230, 233, 243
 Вселенский Собор V (Царьград (Константинополь), 553 г.) — 233
 Вселенский Собор VI (Царьград (Константинополь), 680–681 гг.) — 206, 234
 Вселенский Собор VII (Никея, 787 г.) — 206
 Вселенских Соборов (IV–VIII вв.) период общей церковной истории — 230
 Вселенских Соборов период на Западе (IV–VIII вв.) общей церковной истории — 242
 Всенощное бдение — 210, 213, 285
 Второе Пришествие Иисуса Христа — 300
- Галльское монашество — 242
 гносис — 239
 гностицизм — 157, 187, 239
 Голгофа — 61, 64, 300, 311
 гонений период — 226
 гонений 1-й период — 228
 гонений 2-й период — 228
 гонений 3-й период — 229
 гора Фавор — 192
 горнее место — 289, 319
 горькие травы на Пасхальной иудейской трапезе — 62
- Двенадцать апостолов — 281
 Двенадцать как церковная община — 49
 действие Бога в людях — 74
 действия пастыря — 293
 День Господень — 27
 день Святой Троицы — 75
 детерминизм — 154
 детство Иисуса Христа — 39
 диакон — 281, 282, 285
 Дидаскалия апостолов — 125
 «Дидахе» (Учение 12 апостолов) — 125

дикирий (греч.) (двухсвечник) — 285
дискос — 219, 306
«Добротолюбие» — 132, 235
догма (греч.) — 185
догмат (католич.) об Искуплении — 249
догмат (католич.) о Непорочном зачатии Девы Марии — 255
догмат (католич.) о папской непогрешимости в делах веры и морали — 255
догматов свойства: — 185
 (Богооткровенность — 186,
 общеобязательность — 186,
 теологичность — 186,
 церковность — 186)
догматы — 185
докеты — 227
домостроительство (греч. икономия) Божественное — 182, 293
Доникейский период (I — нач. IV в.) общей церковной истории — 225
Доникейский период на Западе (I — нач. IV в.) общей церковной истории — 239
Древние (или Восточные) Православные Церкви — 230
«Древний Патерик» — 320
дуализм — 187
духовного наказания (епитимии) виды — 85
«Духовный регламент» — 129

Евангелие — 37, 45, 289, 317
Евхаристический канон (Анафора) — 196, 221, 294, 329
евхаристический пост — 127, 131
евхаристическое собрание — 298
Евхаристия — 62, 216
единобрачие — 264
Единосущный (греч. омоусиос) — 200
единство, свойство Церкви — 207
единство в семье — 264
елей — 272, 314
епископ — 281, 282, 285
епитимия — 85
епитрахиль — 293, 304
ереси христологические — 231
ересь — 186

ересь альбигойцев — 251
ересь арианства — 199, 231, 242
ересь арнольдистов — 251
ересь вальденсов — 241, 251
ересь докетизма — 239
ересь «жидовствующих» — 254
ересь иконоборчества — 235
ересь катаров — 241, 251
ересь лоллардов — 252
ересь мессалианская — 238
ересь монофелитства — 234, 245
ересь монофизитства — 191, 205, 233
ересь николаитов — 239
ересь Павла Самосатского — 240
ересь пелагианства — 243
ересь Савеллия (ересь модализма) — 199, 240
ересь филетизма — 239
эссеи — 63

жезл архиерейский — 286
жертвенник — 218, 290, 306
жертвоприношение — 121
жрецы — 19

Завет Бога с народом Израиля через пророка Моисея — 62
закваска — 313
заключение Нового Завета — 63
Западное христианство — 239
звезда — 306
Земля обетованная — 43, 319
змея — 286

иерархия — 282
Иерусалима падение (586 г. до Р.Х.) — 30
Иерусалима разрушение (70 г.) — 225
Иерусалимская лавра — 210
Иерусалимский устав — 211
Иерусалимский храм — 310
Иисус Христос — первый катехизатор — 49
икономия (домостроительство) Божественная — 182

иконопочитание — 206
иконостас — 302
имперский сейм в Вормсе (1521 г.) — 253
индикт — 359
инквизиция — 251
Ионафана таргум — 258
иподиакон — 285
ипостась — 201, 206, 232
Ирландская Церковь — 244
ИС-ХР — НИ-КА (греч.) (Иисус Христос — Победитель) — 306
искупление человека — 65
искусства кризис — 142
искусство — 135, 139
искушение Иисуса Христа в пустыне — 40
ислам — 245
исцеление — 273
Иудейская война (66–70 гг.) — 225
иудействующие — 225
иудео-христианства десятилетие — 225

кадило — 285
кадильный дым — 309
каллиергонтон (греч.) (добродееющие) — 323
канон, часть Всенощного бдения — 215
Карфагенская (африканская) Церковь — 241
Карфагенский Собор — 127
катафатическое богословие — 188, 191
катехизации этапы — 359
катехизация — 359
Катехизис (Κατήχησις) (греч.) (поучение, наставление) — 359
катехумен — 359
«Кирие, елейсон» (греч.) («Господи, помилуй») — 314
клирос — 310
клубук — 286
«Книга утешения Израиля» — 32
князь мира (диавол) — 312
колдовство — 157
кондак — 318
Константинопольский IV Собор (870 г.) — 236
Константинопольский V Собор (880 г.) — 236

Константинопольский Собор (1341 г.) — 238
Константинопольский Собор (1450 г.) — 238
Константинопольский Собор (1872 г.) — 239
Контрреформация — 254
конь — символ войны — 261
копие — 306
копионто́н (греч.) (труждающиеся) — 323
крест богослужебный — 285
крест наперсный — 287, 305
крестные родители (восприемники) — 196
Крестовые походы (1096 — 1204 гг.) — 250
крещение Иисуса Христа — 39
крещение Руси — 237
Кровь Нового Завета — 62
ктитор — 322
культура — 137

лабис (греч.) (клещи) (лжица) — 339
лампада — 302
Лаодикийский Собор (170 г.) — 226
Латеранский Собор (650 г.) — 234, 245
Латинская империя — 237
лев (Откр. 4:7) — 332
левиты — 281
«Лествица» св. преп. Иоанна Лествичника — 132
лжица — 306, 339
Лионская уния (1274 г.) — 237, 251
Литургия Амвросианская — 218
Литургия Василия Великого святителя — 218
Литургия верных — 221
Литургия Галликанская — 218
Литургия Иакова апостола — 218
Литургия Иоанна Златоуста святителя — 218
Литургия Марка евангелиста — 218
Литургия оглашенных (Литургия Слова) — 219
Литургия Преждеосвященных Даров (святителя Григория Двоеслова) — 131
личность — 201
любовь, термин — 50
Лютеранство — 254

магизм — 149, 239, 273
малая ектения — 317
Малый вход — 289, 317
мандеи — 227
мандорла — 193
манихеи — 227
манихейский дуализм — 235
маркионизм — 235
метанойя (греч.) (покаяние) — 81
Миланский эдикт — 230, 241
мирная ектения — 313
миссионерский комментарий к Таинству Брака (Венчания) — 342
миссионерский комментарий к Чину отпевания — 354
«Мистагогия» («Тайноведение») Максима Исповедника — 235
митра — 287
митрополит — 285
молитва — 93, 272, 301
молитва в узком смысле слова — 96
молитва в широком смысле слова — 97
молитва заамвонная — 223, 296, 341
молитва личная — 98
молитва перед Причастием — 338
молитва соборная — 99
молитвенный подвиг — 116
молитвы Входные — 302
молитвы дары — 114
молитвы ошибки — 113
молитвы плоды — 111
молитвы посвящения — 291
молитвы этапы: — 101
 (внимание — 106
 молчание — 101
 умное делание — 110)
монастырь — 230
монастырь Аньянский — 247
монастырь Клерфо (Клерво) — 250
монастырь Клуни — 248
монастырь Мармутье — 242
монастырь Студийский — 210
монашество — 230

монтанистов секта — 240
морализм — 243
Мрак Божественного света — 192

наби (евр. nabi, или мн. число nebiim) (пророк) — 18
назорей — 225
насилие — 149, 156
неверие супруга — 265, 266
неоплатонизм — 227
непознаваемость Бога — 191
несторианство — 191, 205
нетварные энергии — 238
Нико-Цареградский (или Нико-Царьградский) Символ веры — 195, 326
Ниневия — 30
Новатианский раскол — 241
Новый Израиль — 46

«Об участии верных в Евхаристии» — 127
обожение — 257
образ — 113
обручальное кольцо — 344
Обручение — 344
общежитие, форма монашества — 230
общение за трапезой — 52
общение свойств — 206
община Двенадцати — община оглашаемых — 49
оглашение — 359
омовение рук — 306
омофор — 290
Онкелоса таргум — 258
«О постах» Тертуллиана — 126
опресноки — 62
«Опровержение всех ересей» сщмч. Ипполита Римского — 240
ора (греч.) — 305
орарь — 295, 305
орден (в католичестве) — 249
орден Иезуитов — 254
орел (Откр. 4:7) — 332
орел двухглавый — 286

Ориентальная семья Древнеправославных Церквей — 233
орлецы — 286
ослица — символ мира — 261
отлучение от Церкви — 298, 299
отпуст — 223, 341
«Отче наш» (молитва) — 223, 313, 337, 351
отшельничество — 230

павликиан секта — 235
Палица — 304
панагия (греч.) (Всесвятая) — 286
Парижский Собор — 242
Пасха — 61
Пасха ветхозаветная — 70
Пасхальный агнец — 62
патриарх — 285
патрология — 182
пелена — 309, 327, 329
пепел — 80
первообраз — 113
первосвященники — 281
первохристианство — 226
первый час — 213
Период Возрождения и Нового времени (XIV — XX вв.) Западного христианства — 251
Период после Вселенских Соборов (IX–XX вв.) общей церковной истории — 236
Петровский (Апостольский) пост — 127
план катехизации — 359
пленение — 108
Пневматология — 195
покаяние — 47, 77
покаяние ветхозаветное — 79
полиелей — 215, 285
помыслы — 108
поручи — 295, 304, 305
«Послание к Диогнету» — 186
посох — 286
пост — 119
потир (греч.) (чаша) — 219, 306, 307

пояс священника — 293, 304, 305
правила Тимофея Александрийского — 132
праздник Кущей — 70
предсказания Иисуса Христа о Своей смерти — 64
прелесь — 114
Преображения Господня праздник — 193
пресвитер — 272, 281, 282, 285
Престол — 290
прилог — 108
природы Христа: Божественная и человеческая — 204, 232
притвор — 342
притчи — 54
Причастие Святых Тела и Крови Иисуса Христа — 338
Проповедь любви — 50
пророк — 18
«Пророк», стихотворение А. С. Пушкина — 21
«пророки Ваала» (языч.) — 19
пророки неписьменные — 24
пророки письменные — 27
пророки письменные и неписьменные — 20
Пророческие книги в Ветхом Завете — 17
пророческой традиции единство — 22
Проскомидия — 218, 306
просфора — 219, 306
просфора Агничная — 306
протоиерей — 287
Псаллето (греч.) (Псалтирь) — 271
псевдоискусство — 142
псевдокультура — 142
псевдотворчество — 142
публичное (общественное) покаяние — 85
публичного покаяния степени — 87
Пятидесятница — 69, 197, 201, 281, 310
Пятидесятница ветхозаветная — 70
Пято-Шестой Собор — 127
«Пять книг против ересей» сщмч. Ириней Лионского — 240

Равви (Учитель) — 56
развод (расторжение брака) — 266
Разделение Церквей (1054 г.) — 237, 249

разрушение Иерусалимского храма (586 г. до Р.Х.) — 30
Реформация — 252
ризы священные — 287, 289
Рим — 226
рипида — 295
рубище — 323
ряса — 286

сатана — 312
Свет — символ Христа — 285
«Свете Тихий» — 215
свеча — 285
свещеносец — 317
свидетели жениха и невесты — 348
свойства Церкви — 207
Святая Святых иерусалимского храма — 190, 203
святость, свойство Церкви — 207
Святые Дары — 335
священник — 281, 285
священнические одежды — 293, 303
священнический крест — 294
священнослужителей иерархия — 281, 282
седера — 330
семи недельные циклы в Ветхом Завете — 71
Семьдесят апостолов — 281
сѣмя — 313
синагога — 190
скитское житие — 230
служба девятого часа — 310
служба первого часа — 310
служба третьего часа — 310
служба шестого часа — 310, 311
Служебник — 128, 293
смерть — 165, 301
Смерть и Воскресение Иисуса Христа — 63
Собор (843 г.) — 235
Собор I Ватиканский (1870 г.) — 255
Собор I Латеранский (1123 г.) — 250
Собор I Лионский (1245 г.) — 251

- Собор II Ватиканский (1962 – 1965 гг.) – 255
Собор II Латеранский (1139 г.) – 251
Собор II Лионский (1274 г.) – 251
Собор III Латеранский (1179 г.) – 251
Собор IV Латеранский (1215 г.) – 251
Собор Аахенский (809 г.) – 246
Собор Базельско-Флорентийский (1431 – 1449 гг.) – 253
Собор в Уитби (664 г.) – 245
Собор Вьеннский (1311 – 1312 гг.) – 252
Собор Констанцский (1414 – 1418 гг.) – 252
Собор Поместный 1917–1918 гг. – 267
собор Святой Софии в Константинополе – 211
Собор Толедский (589 г.) – 245
Соборность, свойство Церкви – 207
солея – 289, 313
сосложение – 108
сотериология – 257
сочетание – 108
спасение человека – 65, 77, 257
Сравнительное богословие – 225
Средневековый период после Вселенских Соборов на Западе (VIII–XIII вв.) – 245
Стихарь – 304, 305
страсть – 108
стригольники – 241
струец – 279
сугубая ектения – 321
супружеская неверность – 265
суточный богослужебный круг – 213
схизма 862–870 гг. – 236
схоластика – 245
Сын Божий – 38
Сын Человеческий, титул – 35
- Таинства Брака (Вечания) чинопоследование – 346
Таинства Евхаристии богословие – 298
Таинства Елеосвящения чинопоследование (сокращенное) – 274
Таинства Священства богословие – 281
Таинство Брака (Венчания) – 263, 270

Таинство Евхаристии — 298
Таинство Елеосвящения (Соборования) — 270
Таинство Исповеди (Покаяния) — 84, 270
Таинство Крещения — 270
Таинство Миропомазания — 270
Таинство Причащения (Евхаристии) — 222, 270
Таинство Священства — 270, 281
Тайная Вечеря — 61, 298
Тайносовершительная формула — 334
тайные молитвы — 288
Талмуд — 273
творчество — 135, 139
Тезисы Мартина Лютера против индульгенции — 253
телеологический — 21
телец (Откр. 4:7) — 332
Тело и Кровь Христовы — 294
Тело Христа в Евхаристии — 62
теофания (богоявление) — 38
Терминалий, языческий праздник (23 февраля 303 года) — 229
тетраграмма (тетраграмматон) (ивр. יהוה) — 189
Типикон — 128, 209
Типикон Великой Церкви — 211
толкование Иисусом Христом Закона — 56
топология — 205
Торжество Православия — 235
«Точное изложение Православной веры» Иоанна Дамаскина — 235
требования к священнику — 284
«Триады» св. Григория Паламы — 238
Триденский Собор (1545 — 1563 гг.) — 254
«Триденское исповедание веры» (1564 г.) — 254
трикирий (греч.) (трехсвечник) — 285
Тринитология — 195
Троичный догмат — 198
трон — 289
тропарь — 318

усия — 206
устав богослужебный — 209
утреня — 213, 214

Фаворский свет — 238
Фелонь — 293, 304, 305
феология (богословие) — 181
Флорентийская уния с православными (1439 г.) — 238, 253
«формула» Таинства Брака (Венчания) — 349

халдейские христиане — 232
хаттат («жертва за грех») — 121
Херувимская песнь — 290, 324
хиротония (греч.) (рукоположение) — 282, 285
Хлеб как Плоть Иисуса Христа (Ин. 6:51) — 62
Храм Господень — 70
Христология — 195, 202

Царские врата — 289
Царствие Божие (Царство Небесное) — 45
целование мира — 222, 327
«Церковная история» Евсевия Кесарийского — 125
Церковь как семья — 51
Церковь как собрание прощенных Богом людей — 65
«Церковь мучеников» — 241
«Церковь чистых» («кафаров») — 241
цом — 121

частное (тайное) покаяние — 88
часы — 310
чаша (греч.) (потир) — 291, 306, 307
человек (Откр. 4:7) — 332
человек-макрокосм — 150
четки — 286
чин Божественной Литургии — 218
чиновник — 288
чтение Писания во время Литургии — 320
Чудеса-знамения Иисуса Христа — 58
чудо (греч.: thauma, dynamis, simeion) — 58, 155

Шестоднев — 31
щув (евр.) (покаяние) — 81

эвиониты — 225
эгейрин (греч.: пробуждать, восстанавливать) — 273

эзотерическое знание (гносис) — 239
Экклесиология — 69
Эсхатология — 165, 176

юность Иисуса Христа — 39

culture jures — 137
culture lingual — 137

ex nihilio — 141
ex opere operato — 154
experimentum — 139
Filioque — 245, 251

ἱερός (греч.) (святой) — 282
Λειτουργία (греч.) (литургия) — 217

**протоиерей Александр Сорокин
священник Игорь Иванов
протоиерей Михаил Браверман
протоиерей Константин Пархоменко
иеромонах Андрей (Бартов)
Игорь Межов**

**САДОВНИК,
или Трактат об успешном возвращении
красивых видов и приносящих добрый плод
растений в духовных садах веры**

ПОСОБИЕ КАТЕХИЗАТОРУ

Часть вторая

*Под общей редакцией священника Илии Макарова
Составитель Игорь Межов*

**Редактор Аким Черных
Корректор Татьяна Брылева
Верстка Наталья Пашковской**

**Подписано в печать 28.12.2016.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,5. Уч.-изд. л. 19,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 0463182.**

**Отпечатано в типографии ООО «Супервэйв Групп»,
193149, РФ, Ленинградская область, Всеволожский район,
пос. Красная Заря, д.15
тел. (812) 325-99-96, факс (812) 315-04-62**